

Наталья
ПАВЛИЩЕВА

Василий
СЕДУТИН

Ярослав Мудрый ~и~ Владимир Мономах

«ЗОЛОТОЙ
ВЕК»
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

Василий Седугин

**Ярослав Мудрый и Владимир
Мономах. «Золотой век»
Древней Руси (сборник)**

«Яуза»

2013

Седугин В. И.

Ярослав Мудрый и Владимир Мономах. «Золотой век» Древней Руси (сборник) / В. И. Седугин — «Яуза», 2013

Два бестселлера одним томом! Лучшие романы о величайших князьях, под властью которых Русская земля вступила в свой «золотой век», достигнув вершин процветания и могущества, – даже западные хронисты начала XII века признавали, что Киев и Новгород краше, больше и чище Парижа! Нелюбимый младший сын Владимира Святого, княжич Ярослав вынужден был идти к власти через кровь и предательства – но запомнился потомкам не грехами и преступлениями, которых не в силах избежать ни один властитель, а как Ярослав Мудрый. Он дал Руси долгожданный мир, единство, твердую власть и справедливые законы – знаменитую «Русскую Правду». Он разгромил хищных печенегов и укрепил южные границы, строил храмы и города, основал первые русские монастыри, поставил первого русского митрополита и породнился с большинством королевских домов Европы. Еще большего достиг его внук Владимир Мономах, на счету которого 80 успешных походов и решающая победа над половцами, на целое поколение обезопасившая русские рубежи от степных набегов. Сам византийский император присвоил ему титул царя (кесаря) со всеми регалиями и просил мира и дружбы. А знаменитое «Поучение Владимира Мономаха» по праву считается одним из главных шедевров древнерусской литературы... Эта книга воздает должное гениям власти, чьи имена вошли в легенду, а грандиозные свершения прославлены в веках и благодарной памяти потомков.

© Седугин В. И., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Наталья Павлищева	6
Предисловие	6
Нестор	8
Детство	12
Ростов	29
Новгород	55
Сфенг	78
Предслава	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Наталья Павлищева, Василий Седугин Ярослав Мудрый и Владимир Мономах. «Золотой век» Древней Руси

Наталья Павлищева
Ярослав Мудрый

Предисловие

Ярослав Владимирович Мудрый – одна из самых известных личностей Древней Руси. Мы знаем о нем гораздо больше, чем о многих других правителях того времени, но на проверку о большей части его жизни не знаем ничего.

Год рождения разные источники называют разным – от **978-го** до 988-го. Вторая дата вряд ли верна, потому что уже через год Ярослав Владимирович был князем Ростовским.

Отец – **великий киевский князь Владимир Святославич**, прозванный Владимиром Красно Солнышко.

Мать – **полоцкая княжна Рогнеда Рогволодовна**. История женитьбы на ней Владимира Святославича достаточно известна. Рогнеда была сосватана за старшего брата князя Владимира – Ярополка Киевского.

После ссоры двух старших сыновей князя Святослава – Ярополка и Олега – и гибели второго младший сын Святослава Владимир, рожденный ключницей Малушей и бывший, по сути, незаконным, бежал за море. Вернувшись с варяжской дружиной, он неожиданно для всех посватался к Рогнеде. Княжна отказала, надменно заявив, что не хочет «разуть робичича», то есть сына рабыни.

Владимир взял Полоцк приступом, изнасиловал Рогнеду на глазах ее родителей, которых потом, как и ее братьев, убил. Но саму полоцкую княжну взял себе женой, прозвав Гориславой. Рогнеда родила ему четверых сыновей – **Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода** – и двух дочерей – **Предславу и еще одну**, имя которой точно неизвестно. Изяслав стал князем Полоцким и навсегда потерял связь с отцом и Киевом. Мстислав, по некоторым данным, умер в младенчестве. Всеволод погиб совершенно нелепо: отец отправил его свататься к овдовевшей королеве Швеции Сигрид Суровой. Королева оправдала свое прозвище. Пригласив двух претендентов на свою руку в нарочно выстроенный терем и основательно напоив, она велела запереть все двери и попросту сжечь незадачливых женихов! На внучке жестокой Сигрид через много лет женится сам Ярослав, а на ее падчерице женит своего старшего сына.

Крестился будущий великий князь, скорее всего, вместе с матерью в 988 году, еще до женитьбы отца на византийской царевне Анне. После этой женитьбы Владимир разогнал предыдущих жен, две из которых вышли замуж за бояр, а две, в том числе Рогнеда, ушли в монастырь.

Практически ничего не известно о десятке лет правления Ярослава в ростовских землях. Немного больше о его первом новгородском правлении. Вроде был женат на **Анне**, имел сына **Илью**. Что-то проясняется с момента смерти его отца – князя Владимира – в 1015 году. Но снова весьма сомнительные сведения о гибели двух братьев – **Бориса и Глеба** – от рук неких убийц, о первом взятии Киева Святополком, о войне с ним и гибели самого Святополка.

У князя Владимира, согласно русским летописям, было двенадцать сыновей и как минимум десять дочерей! К моменту его смерти на власть могли претендовать Святополк (рожденный, скорее всего, от старшего брата – Ярополка Святославича, жену которого Владимир взял за себя после захвата Киева и убийства старшего брата), Ярослав, Борис, Глеб и Мстислав. Остальные были либо слишком молоды, либо просто, как Святослав, слабы. Был ли Мстислав именно его сыном – сомнительно. Есть версия, что у князя Владимира был еще младший брат, тоже незаконнорожденный **Сфенг**, правивший по воле отца в Тмутаракани, и именно его сыном был Мстислав Тмутараканский. Такая версия объясняет множество несуразиц в событиях, описанных летописями, но пока не является общепринятой.

После женитьбы на шведской принцессе **Ингигерд**, которую на Руси называли Ириной, Ярослав при помощи варяжской дружины смог окончательно захватить Киев, поделив с братом Мстиславом Тмутараканским Русь на две части. После смерти Мстислава Ярослав остался единственным князем Руси, и в ней на многие годы установился мир.

Ярослав Владимирович известен нам прозвищем, данным ему Карамзиным: **Мудрый**. Он действительно был мудр в своей последующей политике. Постепенно вернул Руси все утраченные земли, дал первый писанный свод законов – **Русскую Правду**, построил множество храмов, открыл множество школ для обучения грамоте детей, не жалел средств на переписку книг, собрал большую библиотеку, основал несколько городов, в том числе **Ярославль** и **Юрьев** (Тарту)...

А еще князь Ярослав Мудрый знаменит браками своих детей. Сам он был женат на дочери шведского короля Олава Шётконунга, сестру Добронегу выдал замуж за польского короля Казимира, старшего сына женил на сестре английского и датского короля Кнута Могучего, сыновей – на германской, английской, византийской принцессе Ирине Мономах, по имени которой его внук Владимир стал звать себя Мономахом. Но особенно известны браки его дочерей. **Елизавета** (Эллисив) была королевой норвежской, а потом датской, **Анастасия** – венгерской, а **Анна Ярославна** стала супругой французского короля Генриха и правила после его смерти в качестве регентши при своем сыне Филиппе много лет. Есть еще данные о старшей дочери Ярослава **Агате**, которая была замужем за английским принцем, но данные мало изучены.

Таким образом, Ярослав Владимирович породнился практически со всеми королевскими дворами Европы, что, несомненно, помогало ему поддерживать мир вокруг Руси.

Знаменит князь своим строительством, тем, что сам любил книги и открыл множество школ для обучения детей разных сословий, что тратил огромные средства на переписку и создание новых книг, даже собрал большую библиотеку, найти которую еще предстоит.

Скандинавы называли нашего князя **Злым Хромцом**, Карамзин назвал **Мудрым**. Нам виднее, не так ли?

Нестор

Лучина едва тлела, встать бы да зажечь новую, а то и свечу взять, но монах так увлекся своим делом, что не замечал даже полумрака, в котором работал. Некогда отвлекаться, игумен велел закончить работу к следующему месяцу, видно, обещал кому-то. Чернец выводил букву за буквой, работая споро и... не заглядывая в текст, который должен был переписать.

Услышав скрип отворяемой двери, он вздрогнул, с кончика старательно очиненного пера сорвалась капля только что набранных чернил и растеклась по пергамену противной кляксой! Как ни старался промокнуть ветошкой, все одно – клякса осталась, теперь только ждать, пока высохнет, а потом осторожно скоблить ножиком и писать сверху. Это опасно, чуть поторопишься, и на месте кляксы выделанная кожа разлохматится, следующие буквы выйдут расплывчатыми, грязными... Даже если дождаться, когда клякса высохнет, пятно будет заметно.

Расстроенный чернец сунул перо в подставку, чтоб не испачкало еще что, и выпрямился. Хотелось расправить плечи, потянуться, но стоило оглянуться на вошедшего, как всякое желание что-то вольно делать пропало, теперь хотелось только исчезнуть с глаз посетителя. В келью вошел сам игумен Никон.

Ему не надо было объяснять, что произошло, игумен прошел к высокому столу, за которым работал переписчик, и бегло проглядел написанное. То, что его лицо побагровело, а потом пошло белыми пятнами, не смог скрыть даже полумрак кельи.

– Ты что же это делаешь?! Что написал?! Кто тебе такое позволил?! – Голос высокого старца громыхал, казалось, на всю обитель.

В дверь заглянул келейник игумена и тут же испуганно скрылся: уж больно рассержен был настоятель. Что могло так вывести его из себя? Нестор всегда писал четко и красиво, что же чернец наделал в этот раз? Кляксу посадил – так велика ли беда, высушить да подтереть... Нет, игумен слишком сердит, здесь не в кляксе дело... Тогда в чем?

А из кельи доносилось:

– Вон! Не смей подходить к пергамену! Вон!!!

Нестор спокойно встал из-за стола и вышел, едва не сбив открывшейся дверью келейника с ног. Тот испуганно таращился на ставшего вдруг опальным монаха-переписчика. Монах кивнул в сторону кельи, словно приглашая и невольного свидетеля испробовать на своей шкуре гнев настоятеля.

Очень не хотелось келейнику даже заглядывать в келью, но пришлось. Игумен стоял, в полумраке вглядываясь в текст на пергамене. Коротко оглянувшись на вошедшего, бросил:

– Засвети!

Монах кинулся искать свечу, но потом вспомнил, что переписчикам много свечей не дают, потому они к концу месяца остаются только при лучинах. Видно, и Нестор светил так же. Пришлось зажигать лучину, вставив ее в светец, келейник вопросительно посмотрел на игумена: что еще потребует? Но тому было не до чего, высокий седой старец приник к написанному тексту, вглядываясь в него и даже шевеля губами от усердия.

Немного погодя он поднял голову, с трудом оторвав глаза от текста, и распорядился:

– Позови... этого...

Келейник бросился за дверь искать Нестора, моля бога, чтобы тот только никуда не запропастился. Чернеца и впрямь не было подле двери, и в конце коридора тоже не видно. Куда это он делся, ведь на улице холодно?

Нестор стоял у крыльца, закинув голову, и следил, как падает мягкий, пушистый снег. На его волосы налетело уже много снежинок, бороду и плечи тоже покрыли пушистые хлопья, но чернец, казалось, не замечал, что мокнет, что непогода, он любовался серым небом и падающими снежинками, ловя их на немалую, сильную, как у простого смерда, ладонь.

– Слышь, иди, игумен кличет. – Заглядывая в лицо поднимавшемуся по скрипящим ступенькам крыльца чернецу, келейник полюбопытствовал: – Чего написал-то? Кричал игумен, а теперь вон читает...

– А! – отмахнулся тот. – Скукота писать одно и то же, написал своими словами.

– Чего?! – ошалел спрашивающий. Где это видано, чтоб переписчики своими словами писали?! Ежели так всякий станет, что получится?! Прав игумен, что кричал, есть за что. Все, не видать теперь Нестору переписывания книг, оставалось только узнать, какую епитимью наложит на него за своеволие настоятель.

Но, к великому удивлению всех иноков обители, никакой епитимьи не было, игумен строго поговорил с чернецом и посадил уже не переписывать, а самому писать тексты! Такого еще не бывало... И свечей Нестору выдали с избытком, и пергамена приказано не жалеть. А того же келейника приставили, чтоб всякую надобность исполнял, какую Нестор скажет, но не мешал в работе. Чудно...

* * *

Келейник в очередной раз принес дрова в маленькую келью. Очень хотелось поговорить, но Нестор целыми днями молчал, все так же старательно выводя букву за буквой и временами протирая усталые глаза. И сколько можно писать? Так и ослепнуть недолго.

Вечерами к нему приходил игумен, и два монаха подолгу вели неспешные беседы. Видно, что-то такое хорошо понимал Нестор, что Никону было интересно с ним разговаривать. Говорили тихо, потому келейник не слышал о чем. Подозрительно это, ведь сам игумен не так уж давно был митрополитом Иларионом, да только при жизни его покровителя князя Ярослава. А как тот помер, так и Илариона тоже попросили вон, прислали из Царьграда митрополитом снова грека, и потекло все как раньше.

Иларион постригся в Печерской обители, стал Никоном, а теперь вон новую забаву нашел – с Нестором беседовать. Келейнику очень хотелось узнать, о чем ведут тихие беседы игумен с чернецом, а еще – что же такое пишет этот самый Нестор, что с ним носят, точно с красной девкой.

Однажды это удалось. Келейник зашел, когда Нестору понадобилось выйти вон по нужде. Пока тот ходил, он взял со стола сохнувший лист, на котором Нестор только что вывел витиеватую прописную букву. «...откуда есть пошла... Земля Русская...», прочитал келейник. Удивленно покачал головой: да уж, такого раньше не писали... И едва успел положить лист на место, услышав шаги хозяина кельи.

Не хотел подавать вида, что прочитал написанное, но не смог.

– Ты, выходит, про Землю Русскую пишешь?

– Пишу, – согласился Нестор, не обижаясь, что келейник что-то увидел. Тот чуть осмелел:

– Это тебе игумен велел?

– Я сам начал, а потом святой отец на путь истинный наставил.

– А вот ежели ты неверно что напишешь, будут после думать, что так и было?

Нестор задумался. Прав келейник: его ошибка может ввести людей в обман через много лет. Потом махнул рукой:

– Не выдумываю я, пишу только то, что до меня писано другими.

– Как это?

– А так, многое прочту, а потом перескажу своими словами.

– Так зачем ты и нужен, если чужое пересказываешь? Можно просто переписывать!

Нестору не хотелось спорить с келейником, он поморщился:

– Мне многое и Никон рассказывает, он при князе столько лет пробыл, небось ведает, что у того творилось.

Келейник помнил, что Никон действительно много лет был сначала духовником князя Ярослава еще в Берестове, наверное, и впрямь многое знает. Но снова засомневался:

– А ему кто рассказывал, князь?

– Вестимо, князь.

– А к чему князю о себе дурное говорить? Он, небось, только хорошее и сказывал.

Выручил Нестора от дотошного вопрошальника только приход самого Никона, его келейник боялся пуще огня, а потому спешно исчез.

Он-то исчез, а заданные вопросы остались. Действительно, как писать, чтоб правда в написанном была? Да и может ли быть эта правда, ведь каждый видит и запоминает только то, что хочет видеть и помнить? А летописцу каково? Всякий князь себя хвалить будет, а монаху либо против его воли идти, либо не все как было писать...

Нестор не знал, что еще очень-очень много раз зададут себе этот вопрос люди, кто читая чьи-то записи, кто их создавая. Где правда, все ли было так, как написано? Кто прав, а кто виноват?

Тяжелый труд у летописцев, не только потому он тяжел, что глаза устают и спина затекает от работы, а скорее потому, что ошибиться не имеют права. Одна надежда – что были честны те, кто писал до него, и те, кто рассказывал ныне. А еще на то, что не он один пишет, если у него неправда будет, так другие поправят.

Чернец вздохнул и, осторожно набрав на кончик очиненного пера капельку чернил, вывел первые слова: «В лето...» Работа продолжилась.

Кажется, куда как труднее писать о том, что было в стародавние времена, никто ничего не помнит, не может рассказать... Приходится читать все, что только писано другими, выбирать из этого самое достоверное и записывать заново. Только кто знает, что достоверно, а что нет? И все ли удастся прочитать?

Но эти сомнения оказались ничем по сравнению с теми, что настали, когда дело дошло до записи событий ближних... Дивился Нестор: вроде не так давно и было, многие живы из тех, кто рядом с князем Ярославом жил и трудился, а задай вопрос – так глянут, что в другой раз и не подойдешь!

Он хотел писать сначала о том, что люди еще помнят, потому спрашивал и спрашивал. Скоро с ним совсем перестали разговаривать. Тогда Нестор обратился к наставнику. Кому как не Никону знать о князе Ярославе Владимировиче больше других живущих, ежели он столько лет не просто рядом был, а исповеди княжьи слушал и епитимьи накладывал. Небось все о его тайных думах ведал...

Зря надеялся Нестор, что Никон ему в этом поможет. Тот только посмотрел странно и неожиданно задал вопрос:

– А давно ли ты, сын мой, на исповеди был?

– Третьего дня, – подивился чернец.

– У кого?

– У отца Емфимия, вестимо, к нему хожу...

– Не спросить ли мне отца, о чем ты с ним говорил?

– Да как же можно?! Тайна это.

– Твои тайны выпытывать нельзя, а княжьи, выходит, можно?

Нестор встал, как громом пораженный, а игумен дальше и говорить не стал, оставил чернеца стоять столбом. Тот долго после перед образами поклоны бил, прося прощенья за глупость свою и несуразность. Потом еще долго не мог заснуть, все мыслями возвращаясь к ответу игумена Никона.

И вдруг его ужаснуло: выходит, тот человек, что о князе Ярославе многое знал, никому ничего не расскажет? А как же тогда писать?! До самых третьих петухов эта мысль не давала заснуть Нестору.

А утром его позвал к себе Никон.

Главное, что вынес из этой беседы Нестор, – ежели с душой и чистым сердцем к делу подходишь, то Господь не даст неправду написать, рука сама что надо выводить будет. Потому временами и заполнял инок рассказ о делах давних и недавних тем, что по его разумению быть *должно*. А так или нет было – время рассудит...

Детство

Уже крепко сел князь Владимир Святославич в Киеве, сначала прогнав, а потом и вовсе убив своего старшего брата Ярополка Киевского, все вокруг признали его власть. Можно бы и успокоиться. И его жене Рогнеде тоже, а она все копила и копила обиды на мужа.

Полоцкая княжна и без Владимира должна была стать киевской княгиней, ее сватал тот самый Ярополк. К чему Владимиру понадобилось звать за себя Рогнеду, зная, что та уже сосватана? Красавица? Так мало ли таких на Руси? Норов княжеский? Тот норов всем боком вышел.

Рогнеда надменно отказала робичичу, ответствовав, что хочет пойти за Ярополка. Владимир взъярился, захватил Полоцк, обесчестил Рогнеду на глазах у ее родителей, убил Рогволода и его жену, обоих братьев непокорной полочанки, а затем все же взял ее за себя. Но взял на правах добычи, без брачного пира, без почитания обычаев предков.

С того дня затаила Рогнеда обиду в сердце.

Но женское сердце загадка, забыть бесчестие и гибель родных не смогла, а синеглазого князя-наильника полюбила. И дети пошли: сначала двойняшки Изяслав и Мстислав, который умер младенцем, потом Ярослав, Всеволод, Предслава... А князь был ласков, горяч. И красив, одни синие, как весеннее небо, глаза и алые чувственные губы чего стоили!

* * *

Не все в порядке оказалось у одного из сыновей Рогнеды – Ярослава.

* * *

– Глянь-ко, с ногой что не так? – Шепот повитухи был свистящим и перепуганным.

– Не, пройдет!..

– Смотри, княгиня с нас шкуру-то сымет, коли что упустим.

– Ништо, спеленаем потуже, выровняется.

Мальчик не знал, что это о нем, о его «неправильной» ноге. Для него все слова еще были пустыми звуками, но уже пришла и больше не отпускала боль. Она сопровождала каждое пеленание, каждое прикосновение к больной ножке...

Повитухи ли недоглядели, или никто не был виноват, только остался Ярослав на всю жизнь хромцом. Думали, что и вовсе ходить не сможет.

Смог, пересилил свою всегдашнюю боль. Помог в этом Блуд – кормилец и защитник на многие годы. Он был воеводой у предыдущего князя Ярополка, помог Владимиру обманом выманить своего князя из Киева, а потом из Родни, где тот укрылся. Конечно, Блуд прекрасно знал, что за этим последует, Владимир попросту убил Ярополка. Но сделать Блуда своим воеводой не мог, не по правилам.

Тогда князь предложил воеводе стать кормильцем (воспитателем) маленького Ярослава. Кормилец должен находиться рядом с княжичем всю жизнь, оберегая и наставляя. Именно благодаря Блуду сложился характер Ярослава, во многом весьма противоречивый, но благодаря Блуду же князь вообще встал на ноги, не оставшись вечным калекой-сидельцем.

Блуд некоторое время смотрел на маленького Ярослава чуть прищурившись, потом посопел и хмуро поинтересовался у мамки:

– Не ходит?

– Не... сиделец он.

– Чего?

– Да, видать, при рождении что повредил, али после не так взялись. Только на правую ножку не встает. Зато ползает ловко.

Ярослав действительно передвигался, шустро перебирая ручонками, но и тут как-то боком, стараясь поменьше опираться на калечную ножку. Он подполз по толстому ковру ближе к Блуду и поднял на гостя голову. Хотя какой теперь Блуд гость, если князь Владимир ему поручил воспитывать своего второго сына?

На бывшего воеводу глянули такие по-детски доверчивые глаза, что бывалый воин дрогнул, почувствовав, что этот малыш такой же изгой среди остальных, как ныне он сам среди Владимировых прихвостней. Блуд вдруг понял, что навсегда связан с этим мальчонкой, будет оберегать и защищать его, сколько хватит сил. Подхватил малыша на руки, хотел поставить на ножки, но вовремя сдержался, напротив, подкинул повыше, поймал, крепко держа под мышки. Ярослав заверещал от восторга, засучил в воздухе голыми пятками. Вокруг мальчика только няньки, те ни за что такого не сделали бы, а отец к нему не заходит, не любит или боится ущербности сына...

С этой минуты и зародилась меж двумя такими разными людьми – взрослым, умудренным житейским опытом, теперь уже бывшим воеводой и калечным малышом-княжичем – взаимная привязанность. Блуд стал для Ярослава дороже собственного отца, во многом помог ему, во многом повлиял на характер и поступки будущего великого князя. Не всегда достойно, не всегда так, как надо, но кто знает, как сложились бы нрав и судьба Ярослава Владимировича, прозванного потомками Мудрым, не окажись с малых лет его воспитателем бывший воевода Блуд? А вместе с Ярославом и судьба всей Руси.

* * *

– Княгиня! – Девка осторожно тронула за плечо недавно заснувшую Рогнеду. Та подскочила, села, испуганно тараща глаза:

– Что?! С детьми что?

Девка наклонилась ближе к уху, что-то зашептала. Рогнеда, даже не дослушав, бросилась вон из ложницы, босая, раздетая. Девка следом, по пути накидывая на плечи хозяйки большой плат – негоже княгине бегать даже по терему простоволосой и с голыми плечами. Конечно, хороша хозяйка, слов нет, но не казать же даже такую красоту чужим людям!

– Куда?! Не пушу! – Рогнеда загородила путь Блуду, державшему в руках сверток.

– Ты что? Не кричи, дите разбудишь! – Блуд оторопел от ее наскока и просто не знал, что сказать.

– Куда ты его? – уже почти беспомощно спросила Рогнеда.

– Ты хочешь, чтобы сын ходил?

Ответом был только кивок, княгиня смотрела на воспитателя своего малыша широко раскрытыми глазами. По тому, как бережно держал завернутого во множество пеленок и одеял Ярослава его кормилец, женщина уже поняла, что ребенку ничего не угрожает, но все равно отпустить маленького сынишку даже с Блудом куда-то в неведомое не могла.

– Я человеку снесу, он посмотрит, слово скажет, потом будем дальше думать.

– Я с тобой!

Блуд отрицательно покачал головой:

– Нельзя, при тебе и говорить не станет. И потому как княгиня, и потому как мать. – Видимо, на лице красавицы Рогнеды отразилась такая мука, что Блуд не выдержал и уже мягче добавил: – Вернусь, все подробно расскажу. Иди в свою ложницу, негоже так-то разгуливать. Иди.

Молодая женщина послушалась, отправилась к себе, низко опустив голову, но через шаг остановилась, глядя вслед уносившему ее дорогого сыночка кормильцу. Девка рядом переми-

налась с ноги на ногу на студеном полу, холодно все же, зима. А Рогнеда не замечала ни холодных досок под ногами, ни тянувшего откуда-то ледяного сквозняка, ее глаза провожали драгоценный сверток в руках у Блуда. Только когда тот скрылся за глухо хлопнувшей дверью, она вздохнула и наконец отправилась обратно в ложницу – ждать возвращения кормильца. Совершенно озябшая девка поспешила следом.

Блуду было очень жаль такую красивую, такую норовистую княгиню. Ничего, еще два сына есть кроме Ярослава, может, и другие будут... – почему-то успокоил он сам себя, словно это его забота – рождение наследников князя Владимира.

Но раздумывать некогда, мало ли кто еще по пути попадет, надо скорее в каморку к Славуте, куда, небось, и волхв уже пришел... Сам виновник всех переполохов спал внутри свертка, сладко посапывая и не ведая, что творится вокруг него.

* * *

Двор заливал свет полной луны, желтоватой, в пятнах, на ней вроде даже человеческий лик виднелся. Блуд и раньше не слишком любил круглую луну, а теперь так вовсе поежился. Хорошо, что идти недалеко. Славута ведал у князя Владимира лошадьми, а потому его избенка стояла совсем рядом с конюшней. В ней устойчиво пахло конским потом, кожей от упряжи и какими-то травами – Славута умел понемногу лечить и животных, и людей. Но не к самому Славуте на сей раз спешил Блуд, а к его необычному гостю, уже пришедшему по просьбе бывшего воеводы.

От дыхания изо рта вырывались клубы, снег под ногами поскрипывал на морозе. Где-то далеко лаяла собака. Этот лай в ночи всегда вызывал у Блуда тоску, словно он оставался один-одинешенек в целом мире. За первой забрехала вторая, подхватили еще несколько. Потом лай вдруг смолк, видно, псы убедились, что возмутительнице спокойствия просто что-то приснилось. В собачьем братстве всегда так, они сначала поддержат на всякий случай, а потом разом успокоятся.

Стараясь не трясти драгоценную ношу, чтобы Ярослав не проснулся и не заорал во все горло, как он это умел, Блуд торопился к избе Славуты. Хозяин, видно, ждал под дверью, распахнул сразу, необычный гость и стукнуть не успел. Кивком показал на вторую открытую дверь.

Из стылых сеней Блуд шагнул внутрь небольшой избушки. Славута жил один, а потому много места не имел, одному-то что, одному и каморки хватит, зато отапливать легче. Конюх пропустил воспитателя с его ношей внутрь, а сам поторопился выйти обратно в холодные сени.

Внутри было темно и тихо. Сначала даже показалось, что никого нет, но, как только глаза чуть привыкли, Блуд увидел на лавке подле стола высокого, крупного человека. Его волосы были с легкой проседью, а потому выделялись по сравнению с седыми усами и бородой. Это поразило Блуда: обычно наоборот, борода и усы остаются темными, когда голова уже седа.

Но раздумывать некогда, да и ни к чему, не за тем пришел. Человек встал, чуть склонил голову в знак приветствия:

– Здрав будь. Давай своего княжича, посмотрю его ножку...

Блуд не удержался, чтобы не покоситься на Славуту, поспешно закрывшего за ним дверь в избу – экий болтун! Просил же не говорить, что за дитя, думал выдать за своего внука. К чему княжью тайну всем выбалтывать? Достаточно и того, что глупые мамки языками молотят, точно птицы крыльями на лету.

Но возмутиться не успел, волхв усмехнулся:

– Зря на Славуту мыслишь, не говорил он мне ничего.

Кажется, Блуд растерялся, ведь он вслух ничего не сказал. Волхв снова усмехнулся:

– Невелика бы мне была цена, коли не понял тебя без слов. Не трать время, там мать ждет не дождется. Давай своего воспитанника.

И снова Блуд поразился всезнанию волхва: о матери-то как узнал? А тот спокойно распеленал Ярослава, принялся внимательно осматривать малыша. Удивительно, но проснувшийся мальчик не заорал и даже совсем не испугался склонившегося над ним человека, напротив, вцепился тому в бороду и потянул к себе изо всех сил. Это не рассердило волхва, он спокойно освободил бороду из цепких пальчиков Ярослава, перевернул его на животик, потом на один и на другой бок. Внимательно осмотрел ножку.

Все это время Блуд не сводил глаз с рук волхва и со своего воспитанника, готовый в любой момент прийти ему на помощь.

– Следишь за мной, точно мамка-нянька. Не бойся, не обижу.

Человек укрыл Ярослава пеленками, сел на лавку, чуть задумался. Блуд чувствовал, что торопить не следует. Немного помолчав, волхв вздохнул:

– Вот что я тебе скажу... Этот мальчик будет править Русью. Долго править и не всегда праведно.

– Да ведь впереди него сколько братьев есть! – не выдержал Блуд.

– Он будет князем, его верх окажется. Да только не простая судьба его ждет, ох, не простая. Слушай внимательно и перескажи ему все, что сейчас услышишь. Его право выбирать.

Блуд почувствовал, как вдруг пересохло в горле, а по спине почему-то потек холодный пот; судорожно глотнув, он весь превратился в слух, стараясь не пропустить ни звука.

– Не стоило бы помогать этому княжичу, но того, что предназначено, не изменить. Власть он получит, но только многими предательствами самых родных людей. Большую власть, бо Ельшую, чем у его отца есть. Может, конечно, от нее отказаться, тогда близкие с ним будут. Как вырастет, чтобы понимать и сам решать мог, скажешь так: коли захочет над Русью стоять, то платить за это будет предательством. Выбирать придется между властью и счастьем. Всю жизнь выбирать, потому как того и другого ему судьбой не положено. Его право выбора – ему и расплачиваться. А хитрым быть и ловким ты его научишь.

– А почему не стоило помогать? – не удержался Блуд.

Глаза волхва стали чуть насмешливыми:

– Да потому, что он ромейскую веру на Руси насаждать будет, и немало моих друзей от того пострадают...

– Изменить нельзя? – Блуд спросил это не потому, что переживал за безопасность волхва, даже того, который сейчас сидел перед ним, а боялся, чтобы не навредили мальчонке.

– Не он, так другой. А боишься зря, не станем мы княжичу вредить. Время для Руси такое приходит. – Волхв явно собирался уходить, он поднялся, взял тулуп, надел один рукав и нащупывал рукой второй.

Блуду бы спросить, какое время, что за вера, но он вспомнил о том, зачем пришел, почти закричал:

– Э-э! А ножка? Ходить-то как?

Волхв уже надел тулуп и, подхватив свой посох, шагнул к двери.

– От тебя зависеть будет. Поставишь на ноги – будет ходить, а нет – так и всю речь вести незачем было... Не поставишь, и князем ему не бывать. – Глаза из-под седых бровей блеснули насмешливо. – Тебе прежде него выбирать: не поставишь на ноги, так что и о княжении говорить? Князь без ног не князь. Зато все жалеть будут, сочувствовать... Подумай, как спокойней-то.

Сказал и распахнул дверь. Блуд почему-то снова подумал не то, о чем следовало, – как он без шапки не мерзнет, и тулуп не застегнут.

Волхв чуть обернулся, на ходу бросил:

– Это вам холодно, а мы привычные.

Глухо бухнула закрывшаяся дверь. От входа потянуло холодом, и в своих пеленках завозился Ярослав. Укутывая мальчонку в одеяла, Блуд размышлял, как теперь быть. Выходит, сейчас в его руках судьба мальчика? Научит ходить – станет Ярослав князем. Непонятно как, но станет. Правда, несчастливым князем, и чем больше власти, тем меньше счастья. А не научит? Останется княжичем, но вечным сидельцем, которого станут жалеть окружающие.

Решив подумать на досуге, Блуд уже поднял завернутого Ярослава и вдруг замер, вспомнив про Рогнеду. Ей-то говорить или нет? Мать все-таки. О князе Владимире он почему-то и не вспомнил. И вдруг хорошо понял, что ни о чем раздумывать не будет, что внутри для себя уже все решил: он научит Ярослава ходить, чтобы тот смог стать князем, и никому ничего не скажет, даже Рогнеде. Пусть его решение останется только его, он выбрал судьбу Ярослава, а когда тот повзрослеет, сам решит, как быть дальше.

Блуд лукавил сам с собой, он хорошо понимал, что успеет воспитать княжича так, чтобы тот решил, как задумано. Что ж, верно сказал волхв: чему быть, того не миновать. Кормилец оправдывал себя тем, что не вправе лишать Ярослава возможности стать князем, а в действительности он выбирал и свою жизнь тоже. Кому нужен кормилец увечного княжича? А наставник сильного князя – это совсем другое дело.

Блуд много лет будет пестовать Ярослава, действительно поставит его на ноги, не только ради самого князя, но и ради себя тоже. Тогда в избе кузнеца Славуты он действительно сделал выбор за себя и Ярослава. А еще за будущую Русь, ведь правление Ярослава Мудрого тоже во многом определило ее судьбу и даже судьбу будущей России.

* * *

Блуд ничего не сказал Рогнеде, объявил только, что Ярослав сможет ходить, если с ним очень много возиться. Княгиня обрадовалась:

– Я буду возиться, буду, только чтобы пошел сыночек, чтобы не сидел сиднем!

– Не о тебе речь, княгиня. Я сам справлюсь, была бы твоя воля.

Рогнеда сжала руку бывшего воеводы так, что у того на коже отпечатались следы ее пальцев:

– Возьми под себя Ярослава! Век благодарна буду!

Блуд получил княжича в полное свое распоряжение. С того дня не было для Ярослава ближе и одновременно требовательней человека.

* * *

Князь Владимир хмурился, его обычно веселые синие глаза приобретали серый оттенок, стоило лишь глянуть на среднего сына. И мучило князя не только то, что хром Ярослав, но и то, что сын непохож ни на него, ни на Рогнеду. Вернее, на Рогнеду похож, но совсем немного. Поговаривали, что княгиню Ольгу напоминает – поворотом головы, манерой смотреть пристально, тем, как поджимает губы, если что не по нраву... А Владимир гнал от себя мысль о том, что Ярослав очень похож на своего деда по матери, полоцкого князя Рогволода. И чем старше становится, тем более вылезает это сходство. В Киеве Рогволода, считай, никто и не видел, только вот Рогнеда и сам Владимир, потому не напоминают. А вот почему Рогнеда не замечает, что Ярослав похож на ее отца?

Не замечает или старается не замечать? Каково ей, если самому князю Владимиру не по себе ежедневно видеть перед собой укор за убитого Рогволода? И от ее молчания становилось еще тошнее.

Нет, Владимир вовсе не переживал из-за убийства несостоявшегося тестя. Он просил отдать Рогнеду в жены, Рогволод отказал, причем отказал надменно, как и сама Рогнеда. Тогда

Владимир взял Полоцк приступом, с родными княжны расправился, как делали это обычно в полоненных градах, с ней самой тоже. А вот потом неожиданно влюбился в строптивую княжну, да так, что никакая другая не мила. С тех пор какую бы женщину ни брал, уже со второй ночи начинал сравнивать ее с Рогнедой.

Но бывшая полоцкая княжна и впрямь хороша! И ничего с ней из-за рождения сыновей не делается, какой была красавицей, такой и осталась. Строптивость никуда не исчезла, да только и строптивость эта Рогнеде к лицу. Заболел князь своей женой-полонянкой на всю жизнь. И все бы ничего, да есть две преграды: первая – его собственная привычка брать любую мало-мальски красивую девку или женщину себе, хоть на время, хоть на часок, а Рогнеда ревнует, да так, как только может ревновать красивая, сильная женщина. А второе – сын Ярослав, живое напоминание вины перед любимой женой. Иногда Владимиру казалось, что и хромота Ярослава из-за той его, отцовской вины. От этого чувствовал себя еще хуже и еще больше злился – непонятно на кого: то ли судьбу, то ли себя самого.

И рассказать никому нельзя, не поймут. Кто из мужчин не брал женщину силой, особенно ту, которая прежде оскорбила? Только кто потом влюблялся в свою пленницу так, как он в Рогнеду? И от невозможности хоть на минуту забыть горячие ласки непокорной жены почему-то становилось еще тяжелее. Владимир не мог понять, чего ему больше хочется – ударить ее, обидеть еще сильнее или броситься к ногам и покрывать поцелуями красивые лицо и тело.

Маленькому Ярославу, да и не только ему, были неведомы мучения князя Владимира, а потому мальчик не мог понять, почему так прохладно относится к нему отец. Переживала, видя такую нелюбовь, и Рогнеда и тоже не понимала, считая причиной хромоту княжича. К Рогнеде тоже все чаще приходила мысль, что калечность Ярослава – это расплата за их грех – Владимира за то, что взял силой, а ее за нежданную любовь к насильнику.

Но князь не смог бы объяснить, что чувствует, потому как не понимал сам. Только старался пореже видеть Ярослава. Сначала это получалось – того воспитывал Блуд, видеть которого тоже не очень хотелось. И Блуд был напоминанием не слишком приятным, все же вместе погубили брата Ярополка, бывший воевода ой как виноват в гибели князя Ярополка, его предательством тот сначала бежал из Киева, а потом пришел с повинной к Владимиру, надеясь на снисходительность.

Когда Владимир со своим войском подступил к Киеву, именно Блуд, бывший воеводой у Ярополка, подговорил своего князя бежать в Родню, бросив город на произвол судьбы. А потом он уже в Родне убедил опального Ярополка сдаться брату в надежде на его милость. Знал, что милости не будет, что Владимиру не нужен даже поверженный соперник, даже в узилище и оковах, не место двум братьям на одной земле. За это предательство своего князя Блуда ненавидел не один беглый княжий милостник Варяжко, многие зло косились.

А Блуд как у Ярополка был хотя и самым опытным после смерти воеводы Свенельда, но чужим, потому как рожден не в палатах, а на задворках (само его имя о родительской мимо-летней любви всякую минуту кричало!). Так и у Владимира получилось, а ведь на князя Блуд очень надеялся, тот сам рожден ключницей и княжичем стал по прихоти судьбы – попался на глаза своей бабке княгине Ольге, и показалось ей, что похож на маленького Святослава, его отца. Владимиру привечать бы такого нежданного помощника, которому нечем хвалиться перед князем в знатности происхождения, а он Блуда сторонится.

Тяжело Владимиру часто видеть напоминание о своем предательстве? Блуд так не думал, видит же Рогнеду, ее-то и вовсе сначала обесчестил на глазах у родителей, которых потом и убил. Нет, скорее другое – Владимиру был не нужен рядом тот, у кого могло оказаться слишком много власти. Боялся, что Блуд и его продаст? Но далеко отпускать не стал, при себе оставил. Воеводой сделать не мог, Блуд все же был воеводой предыдущего князя, зато поручил воспитание сына.

Как это принимать – как милость или как опалу? Небось княжий дядя Добрыня постарался, тот хитер сверх меры. Но у Блуда просто не было выбора, не к грекам же на службу идти, он принял маленького княжича. А когда услышал слова волхва о том, что Ярослав может встать за Владимиром, то и вовсе для себя решил – быть ему воспитателем будущего великого князя! А что до хромоты и старших братьев, то жизнь еще и не такое выкидывала!

Кто думал, что над Киевом встанет Владимир? Младший из трех, робичич, рожденный от любви князя Святослава ключницей Малушей, отправленный прихотью своей бабки княгини Ольги в Лузу с братом Малуши Добрыней, а потом также по прихоти отца получивший в правление беспокойный Новгород... Кто мог подумать, что спустя несколько лет после гибели отца братья перессорятся и именно Владимир возьмет себе Русь? А вот поди ж ты...

Так и с Ярославом, пусть не старший, пусть калечный (пока калечный – решил Блуд), если доля, так все одно станет князем!

Так думал воспитатель маленького княжича Ярослава, бывший воевода предыдущего князя Блуд. А отец Ярослава князь Владимир думал о другом. Чтобы не ныла душа из-за ущербности среднего сына, он старался пореже того видеть. А думал Владимир Святославич об укреплении границ Руси, о строительстве новых городов, а еще... о женщинах. О них синеглазый красавец князь думал всегда.

* * *

Блуд где уговорами и лаской, а где и нажимом сумел заставить маленького Ярослава превозмочь всегдашнюю боль, встать на ноги. Мамки иногда слезами обливались, глядя, как мается княжич, как трудно ему, как больно. Не будь Блуда, остался бы Ярослав сиднем сидеть на всю жизнь, ни у кого другого не хватило бы терпенья принуждать и принуждать малыша к новым попыткам победить свою калечность.

Рогнеда ходила в ложницу, где жил Блуд с маленьким Ярославом, с замиранием сердца. Как же было больно матери видеть мучения своего сынишки и трудно бороться с желанием оттолкнуть от него воспитателя, самой подхватить на руки, оградить от страданий! Только недюжинный ум полоцкой княжны, прихотью жестокой судьбы ставшей киевской княгиней, заставлял Рогнеду смотреть на старания Блуда и Ярослава, кусая губы и сдерживая слезы. Иногда до крови искусывала, а сама улыбалась подбадривающе, понимая, что иначе нельзя, не пересилит малыш себя, останется калекой. И Блуду верила как самой себе.

Вообще-то княжичей на коней сажали в три года, но Ярослава Блуд посадил совсем крошкой. Помочь попросил Рогнеду. Та сразу и не поняла задумки, нахмурилась:

– Князя спросить надо, он отец, как скажет, так и будет...

Но хитрый Блуд выбрал время, когда Владимира в Киеве не было, а потому чуть усмехнулся в усы:

– Княгиня, ему легче не знать забот о Ярославе, пусть других сажает, вон Изяславу время уже... Что князю наши заботы добавлять? Сами справимся.

Он не стал говорить, что посадить мальчика на лошадь посоветовал все тот же Славута. Подошел как-то бочком, пробормотал, глядя в землю:

– Воевода, слышь, ты мальчика-то на коня посади. Эти дурынды его пеленали туго, а надо бы на лошадиной спине ножку поправить, конский круп, он лучше всяких пеленок выправит.

Блуда подкупило не обращение «воевода», а дельный совет конюха.

Сначала сел на любимого коня сам, потом протянул руки к Рогнеде, державшей малыша:

– Давай сюда.

Та с опаской подала мальчика. Ярослав, с интересом разглядывавший лошадиную морду, доверчиво глянул на воспитателя, он привык к боли, которую испытывал по его воле, но хорошо чувствовал и то, что, кроме матери и вот этого усатого дядьки, его по-настоящему

никто не любит. Дети остро чувствуют любовь и нелюбовь к себе. А Блуд уже любил маленького княжича как собственного сына или внука, даже больше, любил как свое будущее.

Ребенок уселся на лошадиной спине на удивление спокойно, видно, и впрямь не было больно. А к ним с другой стороны двора спешил конюх, подойдя, он коротко поклонился Рогнеде, приветствуя, и тут же посоветовал Блуду:

– Ты в следующий раз седло-то сыми... Мальцу лошадиную спину чувствовать надо. И сам слезай, пусть он один с лошадыю побудет.

– Как один?! – ахнула мать. – А ну как скинет?

– Не, у меня есть такая, которая не скинет. Нарочно для княжича держу, ни под кого не ставлю.

Он убежал и тут же вернулся, держа в поводу невысокую, спокойную кобылку.

– Давай сюда твоего княжича.

Не обращая внимания ни на не успевшего слезть с коня Блуда, ни на встревоженную Рогнеду, Славута ловко подхватил маленького Ярослава и пересадил на спину кобылки. Та только чуть переступила ногами, а мальчик счастливо засмеялся. Теперь улыбались и княгиня, и даже Блуд в усы.

С того дня Ярослав много времени проводил на лошадиной спине. Его ножки, конечно, были враскоряк, зато постепенно встал на место вывих. Позже правая калечная от рождения нога пострадает еще раз, добавив хромоты князю, но тогда стараниями немногих любящих его людей он превозмог боль и страх, встал на ноги. И до конца дней на лошади князь Ярослав чувствовал себя уверенней, чем на ногах.

Счастью Рогнеды не было предела, она была готова расцеловать Блуда за заботу о малыше, за его твердость и любовь к Ярославу.

Но счастье длилось недолго, сказала неумная тяга Владимира к женскому телу, каждую красавицу, какую только видел, князь желал сделать своей. Пусть на день, на час... Каково Рогнеде терпеть такое? У Владимира еще жены пошли – гречанка, монахиня-расстрига, которую еще князь Святослав для старшего сына привез из-за ее красоты, потом Мальфриду за себя взял и дальше не собирался сдерживаться.

А ведь и сыновьям Рогнединым власти за отцом не видать, потому как старший сын уже в Новгороде сидел, потом был сын той самой гречанки, которого она еще от Ярополка зачала, и только потом ее собственные. Куда ни кинь – всюду клин!

Рогнеда не просто обиделась на мужа, всплыли горести прошлых лет, недаром ее сам Владимир Гориславой прозвал. Надругался, родных убил и снова пренебрегает, беря и беря себе других. Княгиня не выдержала и решила разрубить узел одним махом, надеясь, что сыновья при том не пострадают.

Ночью князь проснулся от капнувшей на руку слезинки, вскинулся:

– Ты... ты что?!

Над ним нависла рука Рогнеды с зажатым в ней большим ножом! Женщина не смогла совершить задуманного, она все же любила своего неверного мужа.

– Да! Ты уничтожил мой род, полонил землю моего отца, но теперь не любишь ни меня, ни моего младенца! – Она не смогла бы объяснить, почему говорила только об одном сыне, точно и не было двух других, младших.

Но князь и слушать не захотел ни объяснений, ни оправданий Рогнеды. Он хорошо понял, что теперь рядом с ней даже спать опасно, разъярился:

– Чего тебе не хватает?! Злата, серебра, скоры, челяди – всего вдоволь. Старшей княгиней назвал...

И тут случилось совершенно непонятное, Рогнеда вдруг... разрыдалась. Наружу выплеснулась давнишняя женская обида:

– Ты... с Мальфрид... свадьбу... А меня... только насильно... Даже наряда... не было...

Владимир, как и многие мужчины, не переносил женских слез, сначала опешил:

– Какого наряда?

Жена окончательно залилась слезами:

– Сва-адебного-о...

Почему-то вид плачущей Рогнеды рассердил князя, на миг показалась, что она такая же, как все. Швырнул в сторону что-то попавшее под руку, даже не заметил что, закричал:

– Тебе свадебный наряд нужен?! Надень его и станешь ждать меня вечером здесь же. Только это будет твой последний вечер! В том наряде и похороню!

Владимир выскочил из ложницы, сам не сознавая что делает, метнулся по терему, пугая гридей и холопов. Крушил все, что попадалось под руку, – таким князя давно никто не видел. Он мог быть ярым, даже бешеным, но чтоб таким!..

А у Рогнеды слезы вдруг прекратились сами собой. Нет, она не испугалась, страха почему-то не было, была опустошенность. Взял силой, полюбив, она покорилась, а теперь вот платит за эту покорность. Надо было убить его в первый же день, хотя бы за родных отомстила. Теперь убить уже не сможет, а он сможет, дети без матери останутся, да и еще одного ребенка она снова под сердцем носит... Княгиня долго сидела, глядя в пустоту, потом вдруг велела позвать к себе старшего сына Изяслава. Мальчик еще мал, чтобы ему объяснять родительские споры. Глядя светлую головку ребенка, Рогнеда снова лила слезы. Никого на свете у нее нет, только вот эти мальчишки, но они слишком малы, чтобы защитить свою мать. Ярослав даже не ходит, только ползает, ловко перебирая ручонками. Всеволод совсем кроха. И тут Рогнеда решила – она должна уехать от князя, забрав с собой сыновей, пусть живет со своими новыми женами, сколько бы их ни было. Но для этого надо было, чтобы сегодня вечером Владимир не выполнил своего обещания.

Княгиня приказала достать из своих коробов сшитый когда-то для не состоявшейся свадьбы с Ярополком наряд. Примерила – впору, точно и не родила четверых сыновей. От последней беременности толстеть пока не стала, надеть можно. Старательно нарядилась, снова кликнула к себе маленького Изяслава. Ребенок поразился наряду матери:

– Ой, мамо, какая ты красивая!

Та едва сдержала слезы, нет, она не должна плакать, сейчас не должна. Достала припрятанный меч, вложила в ручку сына:

– Изяслав, послушай меня. Когда сюда войдет отец, шагнешь ему навстречу и скажешь: «Думаешь, ты тут один ходишь?»

– И все? – Глаза ребенка довольно блестели, ему дали в руки настоящий меч, который тяжело не только поднимать, но и просто держать, но мальчик был готов терпеть. Только не понимал, зачем матери надо пугать отца. Но послушался, встал в углу, дожидаясь.

Ждать пришлось недолго. Владимир действительно был крайне зол на жену и решил казнить ее прямо на ложе. Но навстречу ему вдруг шагнул Изяслав. Голос мальчика дрожал, а ручки едва удерживали даже небольшой меч, но он смог заслонить мать от отцовского гнева, дрожащим голосом произнес, что велела Рогнеда. Владимир замер, потом с досадой отшвырнул в сторону свое оружие:

– Да кто ж думал, что ты здесь?!

Рогнеда смотрела на мужа широко раскрытыми сухими глазами. Так и врезалось ему в память – красивая, но точно каменная жена и сын, поднявший меч против отца.

* * *

Блуд понимал и не понимал Рогнеду. Горячая, порывистая княгиня вдруг вздумала мстить мужу! Через столько лет, родив четверых сыновей, вдруг вспомнила прежнюю девичью обиду. И это Рогнеда, которую Блуд очень уважал за недюжинный цепкий ум!

Что уж там произошло между ними с князем, только взялась княгиня за нож, решив ночью убить собственного мужа. Владимир, промаявшись целый день, собрался ответить строптивой жене тем же, но Рогнеда привела в ложницу старшего сынишку Изяслава, дав в руки меч и попросив заступиться за нее.

Владимир обомлел от присутствия сына и не смог свершить задуманное, бросил оружие, а утром отдал судьбу Рогнеды на боярский суд. Княгиня не просила пощады, не оправдывалась, она была готова ко всему. Но и бояре не знали, как быть. Выручил все тот же Блуд, посоветовал князю оставить опальную жену в живых, только сослать с глаз. Кажется, Владимир обрадовался такому решению, сильная злость прошла, и убить даже поднявшую на него руку Рогнеду он не мог. Сообщать княгине о решении пришлось Блуду.

Рогнеда сидела на ложе, глядя в пустоту сухими, широко раскрытыми глазами. Бывший воевода даже засомневался, услышала ли опальная княгиня то, что он ей сказал. Услышала, но про детей, вцепилась в руку как клещами:

– Как с Изяславом?! А Ярослав?! А Всеволод?!

– Только со старшим поедешь, княгиня. Двое младших останутся с отцом в Киеве.

Казалось, Рогнеда не отдает себе отчета, что ее саму ссылают далеко-далече в Полоцкие земли. Главным стало, что разлучают с детьми!

– Помоги забрать с собой! К чему князю мои сыновья, ему жены других нарожают! У него вон уже Святополк есть, Мальфрида родит, да еще себе наберет жен или девок. Помоги!

Блуд покачал головой:

– Остынь, княгиня. И так едва отговорили жизни лишить. Езжай уж с Изяславом, а там видно будет. Поостынет князь, вернем тебя обратно.

Рогнеда опустила голову, сокрушенно помотала из стороны в сторону:

– Не вернет. Я его убить хотела.

Блуд не стал спрашивать за что, ни к чему лезть в их дела. Но он не собирался ни ехать с Ярославом вслед за его опальной матерью, ни отдавать мальчика княгине в Изяславль. Не для того столько бился, стараясь поставить малыша на ноги, чтобы теперь все терять. Блуд уже свыкся с мыслью, что воспитывает будущего князя, а потому не мог допустить, что того отодвинули далеко от Киева. Мелькнула, правда, мысль, что может и лучше было бы уехать вместе с Рогнедой и их старшим сыном в Изяславль и оттуда начать продвижение Ярослава к власти, но Владимир и слушать не хотел о том, чтобы отдать еще кого-то из сыновей опальной жене.

Как ни билась Рогнеда, а пришлось отправляться в далекий, нарочно выстроенный Изяславль, что не так далеко от Туровских земель, где правил друг покойного отца князь Туры, взяв с собой только старшего сына Изяслава.

Изяслав больше не вернулся в Киев и не увидел отца, он навсегда остался сначала князем Изяславльским, а потом Полоцким. Так было положено начало многолетней вражде киевских и полоцких князей. Потомки Изяслава не признали над собой власть Киева, и Ярославу пришлось воевать с племянником Брячиславом не на жизнь, а на смерть.

Но тогда для Рогнеды не это было главным. Она еще долго верила, что Владимир одумается и вернет ее обратно. Потом вдруг поняла, что тратит жизнь на обиду, вместо того чтобы поставить на ноги хотя бы того сына, который с ней. Рогнеда стала настоящей хозяйкой в Изяславле – отстроив город по-своему, она оставила старшему сыну крепкое хозяйство.

А в это время двое младших – Ярослав и Всеволод – выросли в Киеве без матери. Блуд приглядывал за обоими, но не скрывал, что его питомец прежде всего Ярослав.

* * *

Блуд никому и никогда не рассказывал о предсказании волхва, а Славута слышать не мог. Это была его тайна, и раскрывать таковую бывший воевода не собирался. Сам объект этой тайны был еще мал, чтобы с ним разговаривать о таком.

Упорства оказалось не занимать обоим. Если бы упорство Ярослава было направлено против Блуда, тому несдобровать, но остро чувствующий, что единственный по-настоящему любящий его человек – это кормилец, Ярослав всецело подчинился его требованиям и стараниям. Была еще мать, но она где-то далеко. Блуд часто рассказывал Ярославу о Рогнеде, о том, какая она красивая и умная, как любит своих сыновей, только вот не судьба жить с ними.

Князю Владимиру заниматься сыновьями недосуг, один поход следовал за другим. Нет, он не воевал, как отец, с Хазарией или Византией, ни к чему, зато добавлял и добавлял к своим землям соседние. Под руку князя окончательно встали пригнутые князем Святославом вятичи и радимичи, подчинились волынские земли... Владимира очень любила дружина за то, что не жалел для нее ни золота, ни серебра, себе брал меньше, чем отдавал дружинникам. А уж о его дружинных пирах вовсе легенды стали складывать.

Со всеми был добр и хорош князь, только сыновьям доставалось той доброты и внимания в последнюю очередь. Почему? Бог весть, может, просто чувствовал свою перед ними вину? Самый старший Изяслав с матерью Рогнедой далеко в опале, Святополк при живой матери точно сирота у чужих людей, Ярослав и Всеволод присмотрены благодаря кормильцу Блуду. Нет, у княжичей есть все что нужно, но ведь не одной едой да одеждой ограничены детские надобности. Им каждодневный догляд и внимание нужно.

* * *

Владимир вернулся из очередного похода, был доволен и возбужден. Во дворе галдели гриди, было шумно, весело. Любопытные мальчишки крутились рядом, нутром впитывая походный дух, слушали новости. Тут же и княжичи, все трое, тоже глазели, сравнивали, у кого какой конь, какое оружие, кто чем бахвалится.

Дружинники не очень-то задумывались о том, что не все надобно для детских ушей, болтали так, словно до того полгода молчали. Чуть прислушавшись, Блуд ахнул: сейчас такого наговорят, что потом от любопытного Ярослава с вопросами не отобьешься. Бывший воевода вышел, чуть прикрикнул на гридей, чтоб языки чуть придержали, те беззлобно огрызнулись в ответ, мол, мальцов заberi. И то дело, но только хотел позвать княжичей в дом, как на крыльцо вышел сам Владимир.

Глаза у князя довольно блестели, на щеках румянец, губы алые... Блуд почему-то с досадой подумал, что, видно, и не вспоминает о Рогнеде, которая в Изяславле. Но тут же сдержал себя, то не его дело.

Чуть полюбовавшись на своих дружинников, князь наконец заметил и мальчиков, усмехнулся, подзывая Блуда:

– Выросли-то как! Не по дням, а по часам растут. Время на коней сажать. Пора, завтра же!

– Кого? – тихо поинтересовался Блуд.

– Да хоть всех троих, коли сможем. Святополку давно пора, Всеволод крепенький, тоже выдержит. Ярослав только... – Что только – недоговорил, но и объяснять не надо.

Блуд в ответ усмехнулся:

– Давно сидят уж, князь.

– Кто? – резко повернулся к нему Владимир.

– Да все трое. Тебя все не было дома, мы сами и посадили...

– И... Ярослав? – Похоже, князя интересовало именно это.

– Ярослав прежде остальных. Ему лошадь помогла на ноги встать.

Владимир уставился немигающим взглядом в лицо Блуда, пытаясь понять, осуждает тот или нет. Блуд взгляд выдержал, своих глаз не отвел, снова пожал плечами:

– Нет в том большой беды, князь, тебе недосуг...

Владимиру вдруг стало стыдно, он все время с дружиной, о собственных детях словно забыл. Сыновей много, а вот все не то. Старший Вышеслав в Новгороде, его Коснятин, сын Добрыни, воспитывает. Изяслав с Рогнедой в Изяславле, эти трое при живых отце и матерях живут точно сироты. Может, потому Святополк такой хмурый и недоверчивый все время? Двое младших все время вместе, а он один и чуть в стороне.

Но князь не умел долго хмуриться, его глаза тут же заблестели:

– А ежели сидят на конях, и того лучше! Значит, будем вместе ездить!

– Куда? – Блуд даже вздохнул украдкой, не было печали, вернулся князь из похода! Уж легче, когда он где-то мотается, тогда Блуд сам себе хозяин. Себе и Ярославу, этот воспитанник интересовал Блуда больше других, он не считал себя обязанным воспитывать всех княжичей. Да никто и не требовал. И все же Блуд решил, что пора намекнуть Владимиру, что и Всеволоду со Святополком нужны свои кормильцы, пора их не просто на коней сажать, а приучать к оружию и ратным заботам. А ему со всеми тремя не управиться.

– Ты чего хмурый? С Ярославом что не так?

– С княжичем все хорошо, только ведь и двум другим тоже кормильцы нужны.

– А... ты? – вытаращил на Блуда глаза Владимир.

– Да ведь не сладить мне со всеми-то!

– Хм, я и не помыслил о том. Прости.

Блуд радовался, теперь его заботой стал только Ярослав. А остальные?.. Мало ли сколько у Владимира еще сыновей будет? Вон, Мальфрида в тяжести ходит, разродится на днях сыном.

* * *

Рогнеда из ссылки вернулась, а вот Изяслав нет, он остался княжить сначала в Изяславле, а потом в Полоцке, называя себя по деду Рогволожичем и не признавая власти Киева. Потомки Изяслава Владимировича тоже не признают власти киевских князей, и эта вражда заберет многие жизни русских людей.

Маленького Ярослава не слишком интересовали родительские ссоры. Нет, он не забыл мать, Блуд часто рассказывал сыновьям о Рогнеде, но мальчишкам интересней походы отца. Хотя князь Владимир не очень жаловал старших сыновей и вечно находился в отлучке. О его походах на ятвягов, на радимичей, на вятичей Ярослав с братьями слушали с большей охотой, чем о далеком Изяславле. Хотя брату Изяславу завидовали – как же, сам князь, его именем правят в полоцкой земле!

Зато день, когда вернулась мать, Ярослав запомнил хорошо. Братья ездили с отцом смотреть дружину, которая уходила на границу со Степью. Когда вернулись, с крыльца к спешившимся мальчикам бросилась женщина. Обхватила обоих, прижала к себе, целуя их щеки, руки, волосы, горячо зашептала:

– Сыночки! Сыночки мои!

И тут на Ярослава дохнуло таким забытым детским, что он не задумываясь тоже прижался, обхватил ее голову руками, только потом сообразив, что это и есть мать. Всеволод последовал за братом, но все оглядывался на отца. Князь спешился, стоял, спокойно глядя на жену и сыновей, не возражал. Да и как было возражать, если мать ласкает сыновей. С той минуты Ярослав стал близок к Рогнеде, часто сидел у нее в ложнице, расспрашивал о брате Изяславе, оставшемся в полоцкой земле. Внутренне восхищался: надо же, уже самостоятельный князь!

Сам правит! Позже понял, что это беда для Рогнеды, да и для отца – сын остался один в далеком Изяславле, пусть и под присмотром князя Туры.

* * *

И снова недолгой была спокойная жизнь. Князь Владимир вдруг задался вопросами веры. Сначала переделал старое капище, убрав оттуда прежних истуканов и поставив во главе Перуна. А потом и вовсе решил... креститься! Крещеной была его бабка княгиня Ольга, но та сама крестилась, а другим волю не навязывала. Князь Владимир же решил крестить всю семью.

Вряд ли так уж сразу вчерашняя язычница Рогнеда восприняла христианские заповеди, если и сам князь Владимир еще долго вел себя совсем не как добрый христианин. Но дело было сделано. Мы не знаем, где и как крестилась семья князя, но, скорее всего, это произошло за год до крещения всего Киева и в «узком кругу». Помня опыт бабки, князь не слишком старался кричать на всех площадях о смене веры.

А вот дальше завертелось все так, что круто изменило жизнь всей Руси.

Византийским императорам понадобилась военная помощь Руси против восставшего Варды Фоки. Князь Владимир согласился ее послать, но взамен потребовал... в жены царевну Анну, сестру императоров. До этого ее довольно долго и безуспешно сватал сын германского императора Оттона, есть даже сведения, что Анна имела от него детей!

Сама царевна к тому времени по всем понятиям была старой девой – возраст за 25 считался для женщины едва ли не пенсионным. Мало того, она была смуглой, а значит, «чернявой», то есть некрасивой, не отличалась славянской статью и привлекательностью. К чему понадобилась красавцу князю, имевшему гаремы отборных красавиц, эта великовозрастная замухрышка, непонятно. Конечно, здесь чисто династический брак, тем более что Владимир и после женитьбы в общении с красивыми славянками себе не отказывал.

Но Анна была сестрой императоров и этим могла дать фору любой сопернице. Расчет взял верх, Владимир потребовал женитьбы в обмен на военную помощь.

Византийские императоры пообещали, но оказались забывчивы, русский корпус помог разгромить Варду Фоку, но царевна в назначенное время к жениху не прибыла. Если гора не идет к Магомету... Князь сам отправился на randevu, причем во главе хорошо вооруженного эскорта. А чтобы оживить память византийцам, взял Херсонес, которым греки очень дорожили.

Сделать это помог местный предатель священник Анастас, отправивший при помощи стрелы сообщение, где проходит водовод в город. Водичку перекрыли, Херсонес пал, Анастаса забрали в Киев в качестве почетного гостя. Позже он сыграл свою роковую роль в судьбе многих русских и самого Киева. Подлость рано или поздно повторяется.

* * *

Конечно, это все было далеко от мальчишек, осваивавших ратную науку под приглядом Блуда, пока отец брал города, добиваясь руки их будущей мачехи.

Но приезд царевны в Киев Ярослав запомнил хорошо...

Новую жену князя Владимира готовились встретить в Киеве с почетом, все же царевна, сестра греческих императоров. Более всего киевлян, конечно, интересовало то, насколько хороша ромейка. Должно быть, хороша, потому как у князя все жены и наложницы одна другой краше. И молоденькая, а как же иначе, ежели невеста?

Особенно любопытствовали бабы, каждой страсть как хотелось хоть одним глазком глянуть, во что одета-обута, сурьмит ли брови или свои соболю, кладет ли румяна?.. Особо рьяные твердили, что уж, конечно, не сурьмит и румян не кладет, ни к чему ей! А росту-то, росту

какого? И росту хорошего, должно быть, и статью словно лебедушка, и голосом соловушка... наверное...

К пристани, немилосердно расталкивая остальные ладьи, причалила ладейка гонцов. В другое время обругали бы, а ныне все сразу кинулись выznавать, с чем приплыл. Гонец вылез важный, не подступись, но уж больно просили сказать хоть словечко, купец даже чарочку преподнес и большой калач, только чтоб разговорился. Но гонец, чувствуя важность сообщения, отвлекаться не стал, поторопился на княжий двор, а в толпу только одно и бросил, мол, завтра будут! На вопросы о том, хороша ли княгиня, глянул непонятно и не ответил вовсе.

Толпа на пристани тут же разделилась надвое. Бабы почему-то решили, что уж столь хороша, что у гонца и слов не хватает! Правда, нашлись сомневающиеся, мол, может, и говорить-то нечего. Таких оказалось немного, и они быстро скрылись с людских глаз, чтоб не быть битыми.

Но когда тот же вопрос задали гребцам на ладье, они тоже лишь отмахнулись. Вот это было уже непонятно и заметно усилило интерес к новой княгине.

С утра, кажется, весь Киев был на пристани. Те, кто порасторопней, места заняли чуть не с рассветом. Мальчишки облепили все заборы, рискуя их свалить; не только они, но и здоровые парни забрались на столбы сваи, прицепились на крышах ближних к пристани домов, гроздьями повисли на всем, за что можно зацепиться и продержаться.

Удержались не все, все же ждать пришлось больше чем до полудня. Были и свалившиеся, и даже покалеченные.

Но вот наконец с реки донеслось: «Е-едут!..» Конечно, не ехали, а плыли, но никто даже не заметил оговорку. Толпа единым движением подвинулась к пристани. Дружинникам стоило больших усилий удерживать людской напор, в конце концов в ход пошли даже кнуты. Это чуть остудило пыл самых настырных, но ненадолго.

Богато разукрашенные ладьи подплывали медленно, словно важные птицы скользили по водной глади. Кто-то даже ахнул: «Что твои лебеди!» К самой большой приставшей тут же бросили широкие сходни, застлали ковром. Шеи любопытных на берегу вмиг выросли в длину, большинство поднялось на цыпочки, чтобы хоть что-то разглядеть. Особенно счастливы были те, кто стоял в первых рядах, завидующие им задние даже потребовали, чтоб рассказывали, что там происходит.

– Причалили...

– Сходни кинули... ковер постелили...

Народ комментировал:

– Ага, это чтоб ноги не замочила. Они, небось, в своих Царьградах непривычные...

На берег сошли сначала гриди, встали по сторонам, образовав широкий проход, тех, кто мешал, не чинясь, разогнали плетью. Вот тут передние, получив жестким ремешком куда ни попадая, позавидовали задним.

И только после того на сходни ступили бояре князя Владимира, сопровождавшие его от Чернигова. Пришлось прокричать, что пока идут свои бояре. Наконец, после бояр на сходни ступили и сами князь с новой княгиней. А следом за ними, блестя золотом и дорогими тканями, свита из византийцев.

Задние напирали, требуя хоть сказать, какова царевна, а передние молчали. То, что они увидели, не соответствовало ожиданиям ни в коей мере. Маленькая щуплая женщина в тяжелом парчовом наряде и непонятно по-каковски скроенной шапке, одетой несмотря на жару, оказалась немолодой, чернявой, не то что не наруганной, а вовсе с землистым оттенком кожи женщиной. Если бы не князь, который бережно вел ее об руку, так вовсе решили бы, что это мамаша княгинина.

Что было кричать назад, что некрасива и невидна из себя? Получишь плетью еще раз. Но постепенно то, что княгиня вовсе не такая, как ожидали, поняли все. В толпе раздался смех, кто-то, пользуясь тем, что стоит подальше, даже выкрикнул:

– Не-е... куды ентой замухрышке до наших княгинь!

По толпе пронеслось: «Замухрышка!» Конечно, ни надменные царьградцы, ни сама княгиня не поняли о чем кричат, но князь-то слышал! Хотя чего тут понимать, смех был совсем нерадостным, и так ясно, что издеваются.

Плети заходили по головам и спинам, раздались крики тех, кому попало. Князь поспешил увести свое сокровище поскорее. Вслед неслась насмешка: «Замухрышка!» Много сил понадобилось князю, чтоб хотя бы забыли это прозвище царевны, ставшей княгиней. Но ни любви, ни хотя бы доброй о себе памяти у киевлян она так и не заслужила.

* * *

Анна всю дорогу мучилась дурнотой, она плохо переносила путешествия по воде, от мелкой качки мутило, нутро не принимало ни пищу, ни воду. Кроме того, изнуряла необходимость при стоявшей жаре потеть в тяжелых нарядах и головном уборе. Жизнь казалась ужасной, а муж противным и грубым! Радости в сознании себя (наконец-то!) замужней не было никакой. «Княгиня Руси!» Неужели этим можно гордиться?!

Вокруг незнакомая речь, незнакомые люди, незнакомая земля. На Руси не было моря, не было легкого ласкового ветерка, не было ничего, что радовало бы глаз. Это варвары могли гордиться своими бестолковыми скопищами деревьев, называемыми лесом, радоваться вяло текущей воде, зажатой берегами с такими же непроходимыми чащами. Анна любила упорядоченный сад с прозрачной водой и шум моря в ночной тишине.

Раздражало все: любопытство, проявляемое жителями города, явная их насмешка, множество детей князя, которые ей казались все на одно лицо, суетившиеся вокруг холопы, не понимавшие по-гречески, отсутствие привычного блеска византийского двора. И муж, которому требовались еженощные ласки! Этого еще не хватало! Она не собиралась становиться для князя любовницей, достаточно будет родить ему пару наследников – и все. А в остальное время желательно спать отдельно, да и жить каждому по своим законам. Так жила мать, так жили все известные Анне женщины Византии.

Но Владимир ходил в ее ложницу каждую ночь, овладевал и часто даже оставался ночевать! А уж когда позвал с собой в баню!.. Вот этого Анна вообще не могла понять. Во-первых, что такое баня? Как можно мыться в почти темном, жарком помещении, плеская воду на камни, чтобы все заволгло паром. Мало того, туда еще и ходили мужья вместе с женами! Более отвратительной и дикой привычки она не знала.

Никакие объяснения, что баня не только моет, но и лечит все тело, не помогали. И показывать мужу свое тело княгиня не собиралась.

В общем, все в этом Киеве было не по-человечески и противно византийской царевне. Она пролила немало слез, пока хоть чуть привыкла. Большую жертву потребовали от сестры ее братья-императоры во искупление грехов молодости...

Но больше всего Анну раздражали дети Владимира. Пасынки сразу стали смотреть волчатами, особенно этот хромой. Именно они были главной угрозой новой княгине – чтобы князь назвал соправителями, а потом и наследниками ее сыновей, нужно было удалить с глаз подальше щенков от предыдущих жен! Анну мало волновало, что по принятым на Руси правилам наследником назывался старший сын правящего князя и что Владимир отказался менять эти правила. Это пока отказался, потом изменит, братья помогут. Иначе зачем они отдавали бы сестру за этого русского медведя? То, что у него синие глаза, не заменяло отсутствия придворного лоска! Анна презирала и ненавидела и мужа, и все, что его окружало.

Куда князь денет остальных жен, ее тоже не интересовало, христианину нельзя иметь нескольких, а пока христианской женой была она. Владимир действительно отправил вон всех женщин, бывших с ним. Две жены вышли замуж за бояр, а та самая гречанка, к которой так ревновала мужа Рогнеда, и сама Рогнеда ушли в монастырь, приняв постриг. Рогнеда стала Анастасией и прожила под этим именем в обители еще десять лет. Куда были отправлены восемь сотен женщин из гаремов, вообще не сообщается, видно, розданы в виде подарков. Новую княгиню мало интересовали судьбы предыдущих, главное, чтобы ей было хорошо!

Мешали княгине и многочисленные падчерицы. Она испортила жизнь всем девяти дочерям князя, ни одна из них не вышла замуж при жизни мачехи! Все попытки сосватать княжон натывались на непонятные отказы, а ведь те слыли красавицами и умницами. Только ее собственная дочь была отдана за новгородского боярина Остромира, хотя вряд ли именно эту почти девочку сватал немолодой уже боярин, скорее, Анна исхитрилась выдать дочь вместо кого-то другого.

Неизвестно, был ли счастлив князь Владимир с новой женой, летописи утверждают, что был, мол, любил до самой ее смерти. Может, и любил, да только сразу после ухода из жизни этой жены тут же взял себе молодую и при ее жизни явно наставлял надменной византийке ветвистые рога.

Но это было потом, а тогда Киев ужаснулся новой княгине. И если о красоте гречанки, Рогнеды и многих наложниц князя Владимира ходили легенды, то об этой запомнили только, что была христианкой и сестрой императоров. А летописи... им положено восхвалять власть имущих...

* * *

Из Корсуни (Херсонеса) князь Владимир привез помимо супруги-перестарка все, что только смог утащить, – множество крестов, икон, церковной утвари, мощи святого Климента, даже куски мрамора, два саркофага, целые отдельные фрагменты зданий... Казалось, что он тащил весь Херсонес!

Это выглядело весомым трофеем. В каком-то смысле трофеем была и новая вера; может, потому ее приняли в Киеве едва ли не с восторгом? Тогда она была результатом победы над обманщиками-греками, наказанными за свою неправду!

Князь крестил киевлян оптом, объявив, что им следует прийти на берег Днепра. Получалось по принципу: кто не со мной, тот против меня. Быть против любимого князя, красивого, щедрого, одолевшего греков и привезшего столько даров из их земли, не хотелось никому. На берег Днепра пришел практически весь Киев. В воду вошли кто по шею, кто лишь по колено, получили новые имена, посокрушались участи низвергнутых идолов Перуна и Велеса и отправились по домам молиться своим языческим богам. Только позже, через много лет, пропустив через себя, русский народ принял веру всей душой, и не стало более искренне верующего народа в христианстве.

* * *

Сразу после женитьбы князь постарался удалить из Киева старших сыновей (чтобы не мозолили глаза ненавидевшей их мачехе?). Они получили уделы. Старший Вышеслав и без того уже сидел в Новгороде, остальных Владимир отправил подальше – ненавистного пасынка Святополка в далекий Туров, хромого Ярослава с Блудом в качестве помощника отправили в глухие ростовские земли, Всеволода подальше от брата на Волынь. Византийке были не нужны в Киеве соперники ее собственным будущим сыновьям. Падчерицам она испортила жизнь и без помощи мужа.

В жизни Ярослава наступил новый период – Ростовский. Конечно, его печалила разлука с матерью и любимой сестрой Предславой, но мальчик так мечтал стать самостоятельным князем...

Ростов

Ярослав попрощался только с матерью, отец не слишком старался привечать сыновей – новой жене это не нравилось. Да и Святополк тоже уехал, провожаемый лишь взглядами холопов. Правда, перед тем князь беседовал с сыновьями наедине, но мог бы и выйти, рукой махнуть...

Блуд старательно отвлекал Ярослава от таких мыслей, подчеркивая его нынешнюю самостоятельность, мол, князь теперь, как и Изяслав, свое княжество под рукой. Он не говорил воспитаннику, что княжество хотя и большое, но жить там негде. Крещеному маленькому князю вряд ли будут рады волхвы в Сарске, а на земле мери Сарск – главный город, как там скажут, так и будет.

Князь Владимир долго внушал сыновьям, а все больше Блуду, что мерю надо крестить, кормилец Ярослава кивал, думая о своем. Не крестить мерю он ехал, а устроить жизнь своему маленькому князю. Потому и священника попросил спокойного, чтоб дров не наломал. В отличие от Владимира Блуд уже знал, куда едет, и хорошо понимал, что не только крестить не позволят, но и жизни лишить могут, если с наскока брать. Это не Киев, где самых разных людей полно, в том числе и христиан тоже. Потому решил: лучше пока сидеть тихо, а там жизнь покажет. И ему было решительно все равно, что думает о том и заносчивая византийка, что так влияет на Владимира.

* * *

На Руси ездить в дальние земли можно только по рекам. Летом плыть на ладьях или челнах, зимой на саниах по льду. Потому и торопился Блуд, чтоб за время хороших морозов добраться до Ростова, да и еще чтоб время про запас осталось. Он никому не говорил, зачем тот запас, но умные люди и сами понимали – нужна возможность вернуться.

Конечно, этого пока не понимал юный князь Ярослав, но и он радовался возможности скорее покинуть ставший после приезда проклятой мачехи негостеприимным Киев. Лучше в далеком Ростове, только чтоб подальше от злых взглядов и шипения на чужом языке...

Осторожно выбрались санным поездом на речной лед, все же Днепр не промерзал очень глубоко, и лед пока не встал. Возница успокаивал Блуда:

– Не... уже можно! Давеча прорубь рубили, так семь потов сошло. Ништо, проедем...

Проехали. Сначала Днепр, потом до Чернигова и через вятичские земли к мере и муроме...

Ярославу было все интересно, хотя и ездил с отцом, но последние два года Владимиру было не до сыновей, и Ярослав уже подзабыл. Одиннадцать лет – возраст, когда интересно все, вот и крутил головой юный князь так, что Блуд расхохотался:

– Ярослав, шею свернешь! Кому в Ростове кривой князь надобен?

Отрок испуганно замер и какое-то время только глазами косил во все стороны. Кормилец хотел снова посмеяться, что так выйдет не кривой, так косой князь, но Ярослава надолго не хватило, он обо всем забыл, и голова снова закрутилась, а глаза восхищенно заблестели.

Велика Русская земля, всем богата – лесами, реками, озерами, в них рыбы, дичи, птицы ловить не выловить, бить не перебить! Куда тут любой другой! А снега какие? Занесло веси по берегам рек так, что только дымки над сугробами и показывали, что там люди живут. А рассветы? А звезды по ночам в черном небе? Где еще такое сыщешь? Нигде – был уверен Ярослав, и горло перехватывало от любви к этой земле и от восторга перед ней.

* * *

Они уже были далеко от Киева, когда во второй половине дня вдруг потянуло влагой, стало заметно теплее. Провожавший обоз Данец из Ростова нахмурился:

– Худо, князь.

Ярослав, обеспокоенный тревожными нотками в его голосе, даже не обратил внимания на обращение «князь», не до того.

– Чем худо, что случилось?

– Да ничего не случилось, только теплом тянет. Как бы не пришлось непогоду пережить в лесу.

Молодой князь задрал голову вверх, со знанием дела потарасился на серое небо и так же степенно поинтересовался:

– Думаешь, снег сильный будет?

Голос его уже начал ломаться, и начал он голосом мужчины, а в конце все же дал петуха, соскочив на тонкие звуки. От этого сильно смутился, даже чуть покраснел, закашлялся. Но Данец не обратил внимания на такую оплошность с голосом, а может, просто сделал вид, что не обратил, спокойно покачал головой:

– Не в том беда, князь. Здесь течение у реки быстрое, лед и без того не слишком крепок, а коли тепло налетит, и вовсе опасно двигаться будет.

Ярослав чуть не сказал, мол, берегом пойдем. Хорошо, что вовремя перевел взгляд на стену леса, стоящую по сторонам, и осекся. Помотал головой сокрушенно:

– Что делать скажешь?

Данцу видно нравилось, что князь, пусть и совсем молодой, советуется, крякнул, развел руками:

– Если к завтраму потеплеет, то как ни крути, а придется сидеть в лесу до морозов.

И снова Ярослав едва сдержался, чтобы не спросить – а вдруг морозов не будет? Снова вовремя вспомнил, что зима только началась, самые сильные морозы впереди. Конечно, не хотелось без толку сидеть на берегу, да еще и незнакомом, но деваться все равно некуда, ни вперед, ни назад, пока реку не скует хорошим льдом. С этим согласился и Блуд.

* * *

Утром рассвета не было, была только мелкая противная морось. Костры от нее тухли хуже, чем от дождя, и разжечь тяжело, потому как дрова отсырели.

Хуже нет такой погоды среди зимы. Снег сразу просел, лед на реке неверный, ехать опасно. Пришлось сойти на берег и встать, дожидаясь крепкого мороза.

Люди возились мрачные, казалось, даже голоса у них сели от недовольствия. Только когда удалось с горем пополам разжечь костры и чуть хлебнуть горячего, настроение немного поднялось. И все равно, в серой пелене, которая поглощала и свет, и звуки, было не по себе. Лес по берегам казался зловещим, птичьи голоса, которых зимой и так немного, совсем стихли...

Ярослав, стараясь, чтобы даже Блуд не догадался о страхе, время от времени пробирающим все нутро, обходил и обходил обоз, вроде проверяя, все ли в порядке, но потом присел у костра рядом с наставником.

Вдруг к огню подошел вятич Власко, что-то тихо сказал Данцу. Тот нахмурился, переспросил. Вятич показал рукой в сторону от реки, снова кивнул. Ярослав, поняв, что известие не слишком хорошее, потребовал объяснить, что случилось. Дружинник замялся:

– Да не случилось, князь. Только нож там в пне...

– Что? Убили кого?

– Нет...

Объяснить Данец не успел, Ярослав сорвался с места в ту сторону, откуда пришел вятич. Данец и Власко поспешили за ним.

Проваливаясь в рыхлом из-за тепла снегу, князь спешил по следам дружинника, но ничего не увидел. Власко показал ему на большой трухлявый пенё, почти занесенный снегом. Береза была старой, потому буря не вывернула ее с корнем, а переломила, свалив набок, пенё остался высокий. Но не сам пенё привлек внимание вятича, а воткнутый в него нож. Следов вокруг пня не было, Власко явно к нему не подходил, а вот Ярослав решительно двинулся ближе.

Его остановил Данец:

– Не стоит, князь.

– Почему? – И снова голос вчерашнего княжича сорвался на петушинные звуки. Он даже рассердился: что же теперь, молчать, что ли?! Из-за этой досады движения были особенно порывистыми.

– Нож в пне – значит, оборотень близко в волчьем обличье ходит. Такие ножи втыкают в старые пни, чтобы оборотиться волками, потом зверь возвращается к пню и снова принимает человеческий облик. Если нож вытащить, то он останется зверем.

У Ярослава дрогнуло внутри: одно дело воевать с живыми людьми и совсем другое – с оборотнями. Но он попытался храбриться:

– Ну так и надо вытащить, чтоб больше не становился человеком!

Теперь твердая рука Данца силой остановила молодого князя от неразумного шага:

– Зверь будет мстить тем, кто его обидел. Не стоит трогать, князь. Места здесь дикие, глухие...

Они ушли, оставив нож в пне, на душе было мутно. Где-то совсем близко ходил оборотень, теперь его можно встретить в любой час...

– Вятская весь близко, – хмуро усмехнулся Власко.

– С чего ты взял?

– Не мог же оборотень уйти далеко от своего человеческого жилья.

Хотелось предложить добраться поскорее до веси, но, чуть подумав, Ярослав решил лучше ночевать пусть в лесу, но среди своих. Кто знает, вдруг угодишь прямо в избу к тому самому оборотню. Приглядываясь теперь к каждому встречному, вдруг у кого блеснет из-под бровей желтоватый волчий блеск.

Но лошади у костров были спокойны, значит, волков близко не чуяли. Блуд, тревожно покосившись на сопровождавших, поинтересовался у Ярослава, куда это он ходил. Пришлось рассказать о ноже, оборотне и волках.

Воспитатель покачал головой:

– Я тоже про такое слышал. Но тут ведь как посмотреть. Хорст тоже принимает волчье обличье, а потому считается, что встреча с волком к удаче. Видать, волки бывают разные, умный зверь, он зря нападать ни за что не станет. Его не тронь, он тебя не тронет, ежели ему охоту не перебьешь. А вот от оборотня пощады не жди...

Сидевшие у костра дружинники принялись вспоминать разные случаи удачных и неудачных встреч с волками. У каждого нашлось о чем рассказать. Едва ли такие рассказы добавили спокойствия, некоторое время спустя Ярославу стало казаться, что за каждым кустом сидит, притаившись, тот самый оборотень.

За разговорами они и не заметили, как к кострам подошел неведь откуда взявшийся высокий старик. Чуть постоял, а потом поинтересовался скрипучим, резким голосом:

– Пришел, значит?

На миг установилась полная тишина, только слышно, как похрапывают лошади да трещат в огне не совсем высохшие смолистые сучья.

– Ты кто? – первым опомнился князь.

– Я-то? Я-то здесь живу недалеко. А вот ты кто? – усмехнулся в седые усы старик.

– Я – князь Ярослав, сын киевского князя Владимира! – почти запальчиво ответил юноша.

– Киевский?.. Далече тебя занесло, князь. Ну, легкого тебе пути, – кивнул старик и как ни в чем не бывало отправился по льду, словно точно знал, что лед не провалится.

– А весь-то где? – это уже крикнул вслед Данец.

– Весь? Там, – махнул рукой неопределенно вдоль реки старик. – Там...

В его голосе явно слышалась насмешка. Странный старик...

Ярослав вдруг подумал, что не успел посмотреть, каков его взгляд, желтый или нет. Не заметил, потому что отвлекся на другую странность – голова старика была темной, а вот борода и усы совершенно седыми. Обычно у людей наоборот...

Ярослав хотел задать этот вопрос Блуду, но, обернувшись к своему наставнику, обомлел. Блуд сидел как громом пораженный, не в силах вымолвить ни слова. Только разевал рот, как рыба, вытащенная из воды. Князь проследил за его взглядом и даже пожегся – Блуд не мог отвести глаз от темного силуэта на реке. В это время старик обернулся, и Ярославу показалось, что на его лице появилась усмешка. Не очень хорошая усмешка... Лицо наставника в ответ просто побелело.

Ярослав хотел спросить Блуда, что его так ужаснуло, но не успел, отвлекли другие происшествия, причем не слишком приятные.

Старик спокойно ушел по реке, а вот первый же дружинник, попытавшийся сделать то же самое, нахлебался воды, с трудом вытащили из-под льда. Полыньи вмиг образовались в нескольких местах. Люди ошарашенно мотали головами, дивясь тому, что лед так истончился за полдня. Не очень и тепло – с чего бы? Многим на ум пришло, что это проделки оборотней и местных кудесников.

Власко сходил к пню, издали попытался рассмотреть, там ли нож, но ничего не увидел, с соседней ели сбросило шапку снега, и тот почти укрыл пень от упавшей березы. От этого известия почему-то стало еще больше не по себе. Чего ждать в такой глуши, да еще и с оборотнями? Можно сгинуть в этом лесу, и никто не узнает, где пропали...

Разожгли как можно больше костров, но те дымили, дым разъедал глаза, застилавшие их слезы добавляли всяких нелепостей в мысли. Теперь казалось, что весь их маленький стан попросту окружен оборотнями и нечистью.

Первым опомнился, как ни странно, Ярослав:

– Да что же мы: «оборотни», «вурдалаки»... А про молитву и крест забыли!

По примеру князя остальные тоже вытащили из-под рубах нательные кресты, припали губами, моля о помощи. Опомнился и священник, хотя кому как не ему вспомнить бы о крестном знамении? Первым молитву зашептал сам молодой князь, дружинники подхватили. Блуд тоже истово шептал слова мольбы, ежеминутно крестясь. Никто не обратил внимания на то, что ничего не говорит Данец, а еще на то, что из-под его бровей всего на мгновение блеснул желтый злой взгляд!

После молитвы вроде и полегчало, появилась уверенность в защищенности, костры запылали ярче, морось рассеялась...

Но двигаться дальше пока не получалось, хотя к вечеру морозец стал покрепче, но этого было явно мало для прочного льда. На ночь у каждого костра оставили не по одному, а по двое охранников, от ближайших деревьев натаскали горы сучьев, чтобы запас дров был большой, перед сном снова долго и истово молились, стараясь отогнать дурные, опасливые мысли.

Когда уже устроились на ночлег, Ярослав вдруг вспомнил о том, как испугало Блуда появление старика, спросил. Блуд долго делал вид, что князю почудилось, потом все же решился на какой-то разговор, но попросил сесть в сторону, мол, наедине надо бы. Честно говоря, Яро-

славу почему-то очень не хотелось отодвигаться от огня. Не потому что замерз, а просто у пламени было уютней и спокойней, но он постарался снова не подать вида, что ему хоть на миг становится страшно, и, кивнув, отсел чуть в сторону с воспитателем.

Блуд только начал разговор со слов «ты еще был совсем маленьким...», как произошло то, чего никак не мог ожидать никто.

Почему-то к Ярославу с его воспитателем шагнул Данец, вслед за ним поднялся Власко, но ни догнать его, ни что-то вообще сделать не успел. Никто даже не понял, откуда прилетела эта стрела, только Данец вдруг рухнул как подкошенный, схватившись за горло, из которого торчало черное оперение!

Ярослав и Блуд вскочили на ноги, князь в страхе глядя на проводника, а воспитатель озираясь по сторонам. Весь стан вмиг загорожился щитами, выставил десятки луков. Ужас обуял всех! Только Власко присел над соплеменником, разглядывая стрелу и сокрушенно качая головой.

– Что? Кто это его?! – В глазах Ярослава метался ужас, а рука уже привычно двигалась, завершая крестное знамение. – Господи, помилуй!

– Это стрела волхва.

– Метили в меня?

– Волхвы всегда попадают в того, в кого метят. Данец хотел убить тебя, а я не успевал остановить. Его убил волхв, который подходил днем.

– Оборотень?! – ахнул Ярослав.

– Кто оборотень, волхв? Да, они умеют обращаться в волков, но думаю, волком был другой. Не доля тебе, князь, погибнуть. Живи.

И снова лицо Блуда было белее снега, а губы дрожали. Теперь Ярослав не стал откладывать разговор, пристал к воспитателю решительно:

– Расскажи, что знаешь!

Его поразило то, что Власко почему-то кивнул Блуду:

– Скажи князю, пора ему самому выбирать...

И почему-то Блуд не удивился тому, что простой вятич ему почти приказывает.

Блуд долго не мог подобрать нужных слов, но постепенно рассказал о пророчестве волхва, именно того, который вышел днем из леса. Князь кивнул: такого забыть трудно, черные волосы и седая борода не у всякого есть. Услышав, что должен получить Киев и всю Русь, но только ценой несчастий и даже предательства, Ярослав задумался.

Блуд не стал торопить воспитанника, пусть сам подумает. До сих пор он считал пророчество простыми словами, хотя старательно воспитывал будущего князя всей Руси. Только не думал, что выбирать Ярославу придется так скоро, казалось, что еще много времени впереди, еще успеет... Но увидев старика с седой бородой и черными волосами, вмиг осознал, что время пришло. Поэтому и стало страшно. А тут еще разговоры про оборотней и вурдалаков.

Пусть Ярослав решает сам, повернет обратно – его выбор, Блуд уже не решился бы настаивать, он понял, насколько все серьезно и страшно. Черная стрела, торчащая из горла Данца, красноречиво говорила о том, какая сила им будет противостоять. Блуд думал, что противостояние будет в Киеве, а оказалось – в дальнем медвежьем углу, где и помощи ждать не от кого. Такие мысли спокойствия не добавляли.

Тело Данца просто оттащили подальше в сторону и завалили еловыми ветками, никому не хотелось ночью копать могилу и хоронить так странно убитого человека. Да и человека ли? Он остался в людском обличье, и все равно казалось, что лежит убитый волк. До утра не спали почти все, сидевшим у костров людям казалось, что в любой миг отовсюду могут посыпаться такие же черные стрелы.

Ярослав лежал, глядя в пустоту, и размышлял. Блуд не решался спросить воспитанника, что тот думает, понимал, что здесь ни подсказывать, ни спешить нельзя, трудный выбор Яро-

слав должен сделать сам, чтобы потом никогда не смог укорить, если что в жизни будет не так. Выберет молодой князь спокойную жизнь – вернутся они в Киев. Объяснить будет легко: мол, убили проводника, кому дальше вести? Да и ни у кого после случившегося язык не повернется укорить Ярослава. Решит продолжить – как знать, все ли пойдут за ним, многих испугало происшествие. А выбирать-то совсем мальчишке, за таких, как он, обычно все решают либо отцы, либо кормилицы. Но отец далеко, а кормилец не вправе, самому придется.

* * *

К утру все почувствовали, что основательно промерзли. Куда и девалась вчерашняя почти оттепель? Ни тумана, ни капли, ни просевшего снега. И река едва не звенела на морозе! Кто-то решился сходить за водой ко вчерашней промоине, но там так замерзло, что впору рубить топором! Из лошадиных ноздрей валил пар, зима в одночасье вдруг вспомнила, что ей положено быть суровой.

Блуд осторожно покосился на Ярослава и замер. Изумленно уставились на князя и остальные. Как в одночасье сменилась погода, так за ночь изменился их князь. Перед небольшим отрядом стоял взрослый молодой мужчина, твердость воли которого была видна с первого взгляда. Куда девались щенячьи повадки юнца, пытающегося казаться старше своих лет? Княжич превратился в князя, и все почувствовали, что вот у этого человека хватит и сил, и воли править твердой рукой!

– Ты... что решил? – осторожно заглянул в глаза воспитаннику Блуд.

– А чего решать? Я князь, мне отступать негоже!

Показалось или его слова действительно вызвали вздох облегчения у остальных? Не только у Блуда вдруг защемило в груди, многие, слышавшие ответ Ярослава, почувствовали любовь и восхищение этим хромым мальчиком, взявшим на себя решение их судеб. Чувствуя, что с него не сводят глаз все дружинники, Ярослав размашисто перекрестился:

– Все в божьей воле, ему себя вверяю. Помоги, Господи!

Голос больше не сбивался на петушинные взвизги, словно за ночь и он повзрослел тоже.

Руки сами потянулись ко лбам, потом к животам, к правому плечу, к левому...

Но Блуд уже знал и другое – нигде нет Власко. Если он тоже волхв и тоже оборотень, то это плохо, тогда стрелы можно ждать из любого куста. Ярослав, видно, и сам заметил отсутствие второго проводника, чуть нахмурился, соображая, как быть, потом махнул рукой:

– Доберемся сами. Река вон замерзла, по ней и пойдём.

Он хотел добавить, мол, не возвращаться же из-за Власко, но не успел, потому что тот сам появился из-за деревьев.

– Ты... куда это ходил? – Князь постарался, чтобы голос не выдал и тени сомнений.

– Смотрел нож. Там он, потому волк на воле ходит...

– А может, это... – Князь не договорил, но и без слов понятно о ком речь.

Власко помотал головой:

– Не, он же был в человеческом обличье. Волк бродит еще. А Данца все одно зарыть надо, негоже, чтобы вот оставался.

– А кто сделает?

– Ну, могу я, если другие боятся. Только и оборотня надо хоронить, любой брошенный мстить станет и после смерти.

Почему вдруг у Ярослава возник следующий вопрос, он не смог бы сказать, но ответ на него Власку дался трудно:

– А ты крещеный ли?

Проводник чуть помолчал, потом мотнул головой:

– Нет. Не заставляй, князь, по чужой воле веру не меняют. Коли сам пойму, что годится она мне, так крещусь. А бояться меня тебе не след, слышал же, что волхв сказал – живи! А я помогу. Пока.

Ярославу бы спросить, почему пока и в чем поможет, но Власко дальше разговаривать не стал, повернулся, словно и не князь перед ним, и ушел к своему коню. А Блуд сокрушенно покачал головой:

– Не зря ли я тебе такую Долю выбрал?

– Не зря! – резко повернулся к нему Ярослав. – Я буду князем и даже киевским! Прав волхв! И перестань сокрушаться, лучше помоги, как до сих пор помогал!

– Помогу, помогу, соколик ты наш! – почти засуетился Блуд.

Никогда не видевший своего наставника таким суетливым и обрадованным, Ярослав с изумлением уставился на него, а потом от души рассмеялся.

В этот момент из-за туч вдруг выглянуло яркое солнце! Вмиг все страхи прошедшего дня и ночи были забыты. Много ли человеку надо? Выглянуло солнышко после серой мглы – он и счастлив! Радовался Блуд, с его души свалился огромный камень. Был счастлив и Ярослав, он вдруг увидел свое предназначение, почувствовал свою Долю, поверил в Божий промысел, создавший его хромым.

– Знаешь, а если бы я не был хромцом, вряд ли стал бы князем! – Это не раз скажет Ярослав Блуду.

Действительно, не будь он от рождения калекой, был бы обычным княжичем, а необходимость каждый день, преодолевая боль, преодолевать себя превратила его с раннего детства в настоящего бойца. Мудрый волхв оказался прав – Ярослав стал князем киевским, натворив много дел, за которые потом не раз молил господу о прощении, многих предал и продал, не всегда был счастлив, но его усилиями Русь изменилась, его стараниями стала гораздо больше и сильнее.

Но было это много позже, а тогда совсем молодой князь, сильно повзрослевший за одну ночь, распоряжался своей дружиной, отправляясь в Ростовские земли по воле своего отца крестить непокорных вятичей.

Глядя с дальнего берега реки, как выстраивает своих воинов Ярослав, и слушая, как звенит в морозном воздухе его молодой и уже крепкий голос, волхв с седой бородой усмехнулся в такие же седые усы:

– Пришло твое время, Ярослав! И ничего тут не поделаешь...

В ростовских землях всему глава Сарск, там основные капища, там волхвы, там власть. К удивлению Ярослава и остальных, Блуд решил в Сарске даже не показываться, выбрав местом для жизни Ростов. Ростовчане, помогая дяде князя Владимира, Добрыне, крестить Новгород, выговорили себе право более не стоять под этим городом, иметь свою власть. Хитрый Добрыня согласился, поразив племянника. На все расспросы отвечал, что так и надо. А когда князь решил посадить по дальним уделам своих сыновей, Добрыня посоветовал дать и Ростову своего князя: мол, хотели сами – получайте.

Ростов сначала насторожился, тем паче когда с князем прибыл и священник Феодор. Но Блуд бы не был Блудом, если бы не смог договориться...

* * *

Ярослав переживал за своего наставника, уехавшего в Ростов еще утром. Скоро полдень, а его все нет. Вдруг ростовчане чего утворили с Блудом?! Временами юного князя охватывала ярость, тогда он с трудом сдерживал желание скомандовать прибывшей с ним дружине разнести по щепкам строптивый город. А временами накатывал откровенный страх. Город-то можно

было и спалить, только куда потом самому. Ярослав уже успел сообразить, что Блуд прав – здесь нельзя силой, не успеешь трут запалить, как своей головы лишишься.

Князь старался не подавать вида, что ему страшно. А чтобы чем-то заняться, принялся читать. Грамоте его обучила гречанка, что сначала была женой Ярополка, а потом стала женой Владимира. С ней Рогнеда подружилась неожиданно после отъезда князя в Корсунь. Беда объединила двух женщин, по совету грекини, которую кто звал Натальей, кто Юлией (Ярослав все не мог понять, для чего им всем по два имени – собственное и крестильное, он, например, стал Георгием), Рогнеда и ушла в обитель. Ярослав слышал, что отец просил мать вернуться в мир, но та отказалась. Правильно сделала, решил княжич.

Но сейчас его занимали не мысли о матери, а страх за свою собственную жизнь. Как ни крути, а случись что с Блудом, и остался бы юный князь один среди враждебных ему лесов. Он хорошо помнил черную стрелу, торчавшую из горла Данца, и нож в пне. Что делать, если Блуд не вернется дотемна? Нападать на город или оставаться ночевать за его пределами в лесу? И то, и другое плохо.

Ярослав раскрыл большую книгу, привезенную отцом из Корсуни и подаренную ему на память. Князь не смог разобрать, что там, иначе не давал бы юному сыну то, что дал. Самому Ярославу понравились картинки, изображавшие какие-то битвы. Но он с трудом разбирал греческие слова. Мало того, мысли разбредались, как коровы летом по лугу, не желая собираться вместе. Оставалось только действительно разглядывать картинки.

Но скоро и это занятие стало невозможным. Вытянув руку, Ярослав заметил, как дрожат пальцы. Неожиданно накатила злость, но не на ростовчан, а на самого себя. Что же это он, сын киевского князя и сам князь, пусть и совсем молодой, дрожит, как осиновый лист на ветру?!

Князь поднялся и отправился вон из шатра. Снаружи ярко светило солнце, поблескивали снежные иголки на ветках деревьев, стрекотала беспокойная сорока, на верхушках деревьев шумел неугомонный ветер. Всему было не до его страхов и опасений.

Оглянувшись вокруг, Ярослав вдруг подозвал к себе Власко:

– Вели принести лук и стрелы.

– К чему, князь? – чуть обеспокоился тот.

– Пока Блуда нет, руку потренирую.

– А... – было заметно, что Власку полегчало. Видно, переживал, чтобы молодой князь не натворил без наставника дел.

Ярослав бил и бил стрелами в цель, это отвлекло, помогло забыть беспокойные мысли. Постепенно он так увлекся, что забыл о времени. Вдруг к нему подошел все тот же Власко:

– Князь, смотри.

От города отделился возок, в котором в Ростов уезжал Блуд, позади него ехали двое всадников. Все напряженно ждали: возвращается ли сам княжий кормилец, или возок пустой?

Но Блуд приехал, был весел и доволен, а еще видно, что под хмельком. Ярослав впервые видел своего кормильца таким, тот похихикивал, улыбался и широко размахивал руками.

– Жить будем в городе! Да! Сговорился! И дружину пустят! И попа тоже. – Он обвел взглядом притихших дружинников и погрозил пальцем: – Только чтоб ни-ни! Ик!

Потом поискал кого-то глазами, обнаружив почти рядом Феодора, подтащил того к себе и некоторое время, набычившись, смотрел священнику в лицо. Потом, видно, что-то уяснив, снова икнул и добавил:

– И ты чтоб сидел тихо! – Не выпуская из рук одежду Феодора, пригнул того к земле:

– Вот так тихо, понял? Во-от...

Ярослав с изумлением наблюдал за действиями Блуда, постепенно он понял, что тот просто пьян, и едва удерживался от смеха. Наконец кормилец решил, что на сегодня распоряжений хватит, и отдал последнее:

– Поехали в Ростов!

– Да есть ли там где ночевать?

– А? Есть!

– Может, лучше завтра, уже поздно? – сопротивлялся Власко, но Блуд настаивал на своем:

– Князь, поехали! Дружина пусть спит тут!

– Опасно князя одного отправлять!

Немного посопротивлявшись, Блуд махнул рукой:

– А, как знаете!

В результате Ярослав с самим Блудом, который счастливо храпел в возке, и большей частью дружины отправился в город. Там им действительно нашли где ночевать, а утром выяснилось, что пьяненький Блуд был прав: оставшихся нескольких дружинников с остатками обоза побили и добро растащили.

У Ярослава чесались руки применить силу, но очухавшийся после вчерашнего угощения Блуд настоял на том, чтобы пока ничего не делать.

– Так они решат, что мы слабы! И станут красть что ни попадя! – ярился молодой князь.

Блуд принял свои меры, он повстречался с кем-то, в результате уже к середине дня добро вернули, коней тоже, а за каждого побитого дружинника заплатили виру – выкуп.

* * *

Нам почти ничего не известно о десятке лет жизни князя Ярослава в Ростове. Знаем только, что основал город на месте впадения реки Которосль в Волгу, поставив сначала церковь там, где одержал победу над медведем. Что Феодору действительно не позволили проповедовать и кого-то крестить в Ростове, а стоило попытаться, как выставили из города вон. Пришлось священнику жить в Суздале, хорошо что попался тихий и не строптивый.

А еще при помощи Блуда осторожно перетягивал из Сарска в Ростов бояр и купцов. Постепенно Ростов рос и оттягивал на себя жителей Сарска. Но даже в Ростове очень долго существовал Чудин конец, где правили волхвы. У молодого князя под влиянием его воспитателя хватило ума не наломать дров, не пытаться загонять ростовчан в Волгу и не крестить всех оптом. Зато в городе росли храмы, новые дома и торги...

* * *

А у Ярослава уже заиграла молодая кровь, пришла пора влюбляться... Все бы ничего, но, как часто бывает, молодой князь нашел себе совсем не ту.

В тот день Блуд был в Суздале, а Ярослав в Ростове один. Он возвращался с охоты вместе с двумя гридями, когда дорогу вдруг заступила женщина, с поклоном произнеся:

– Князь Ярослав, боярин приглашает в дом.

Все было в этом приглашении странным. И то, что женщина посмела заговорить с проезжавшим князем. И то, что звал не сам боярин Стемир, а его жена, как потом выяснилось. И сама боярыня. Назвать ее красавицей было нельзя, но каждый, к кому она обращалась, попадал под странное действие желтовато-коричневых глаз и подчинялся ее воле. Вроде понимал, что подчиняться не стоит, но не сопротивлялся.

Внешне все было пристойно: боярин тоже встретил с поклоном и приглашением отведать всякой снеди. Дом небогат, но опрятен, слуги старательны, еда вкусная, хозяин приветлив. Но все время, пока сидели за столом, Ярослав чувствовал себя напряженно. А потом вдруг забыл обо всем. Просто боярская женка прошла совсем рядом, задела рукавом и, наливая гостю меду, коснулась плеча крепкой грудью. Боярыня была молода и весьма ладна телом.

Ярослава обдало каким-то дурманом, даже голова слегка закружилась. Он чуть растерянно оглянулся. На другом конце стола, уже заметно охмелевший, старательно тискал прислуживавшую девку ездивший с ним на охоту Михей, рядом пялил глаза на другую Воля. Князь почувствовал, что ему пора на воздух, поднялся, слегка пошатываясь, и направился к двери. Хозяин, который и сам едва держался на ногах, не возражал, даже проводил до выхода, но дальше не пошел, а куда-то девался.

В темных сенях Ярослава вдруг подхватили какие-то руки и затащили в другую дверь. Голова в дурмане работала плохо, и он даже не успел испугаться. Но почти сразу понял, что руки женские, мало того, их обладательница действовала весьма решительно. На попытку князя спросить, чего это она, прижала палец к его губам:

– Не шуми, князь! Не позорь бабу!

Крепкие пальцы похитительницы взяли его руку и запустили в низко расстегнутый ворот рубахи. Ярослав ощутил под своими пальцами упругую грудь и выпирающий сосок. Князя обдало жаром, но сопротивляться не хотелось совсем.

Хотя в светелке, куда его затащили, было совсем темно из-за закрытых ставень, он уже понял, кто это. А боярыня завладела второй рукой князя и запустила ее уже не в ворот, а под подол. Теперь ладонь Ярослава гладила бедро красавицы, а потом, повинувшись ее руке, поднялась выше. Когда он нащупал округлые ягодицы и понял, что под юбкой у боярыни вовсе ничего нет, то и первая рука присоединилась ко второй.

Красавица не сопротивлялась, напротив, она ловко развязала пояс и освободила от одежды самого Ярослава. Дальнейшее он потом вспоминал со стыдом. Повалил боярыню на ложе, точно простую девку, и еще долго тискал ее оказавшееся очень аппетитным на ощупь тело. Голова по-прежнему была в дурмане, но сладость владения послушным и жарким женским телом от этого не уменьшилась.

Хотелось пить, видно, поняв это, боярыня предложила:

– Испей кваску-то...

Вкус был сладковатым и тоже приятным. Квас добавил бодрости, и князь с удивлением почувствовал, что хочет красавицу еще...

После новых горячих ласк хмель прошел быстро, и Ярослав поспешил уйти. Боярыня задерживать его не стала, только спросила вслед:

– Придешь ночью, князь? Ты приходи, я ждать буду...

Он стрелой вылетел из ее горницы, соображая, как долго там пробыл и не ищут ли его. Не искали, потому как в палате, где они обедали, Ярослав застал только хозяина дома. Тот лежал головой на руках на столе. На вопрос, где Воля с Михеем, Стемир неопределенно махнул рукой:

– Там...

– Вели позвать, ехать пора.

Ярослав старался не смотреть в глаза боярину, но тот тоже оказался пьян и мало соображал, кто перед ним и куда уезжать. Положение было нелепым, потому князь поспешил удалиться. На дворе стояли все три лошади, но его спутников не было.

Холоп, державший под уздцы Ярославова коня, кивнул, передавая поводья:

– Мигом позову, князь.

И верно, почти сразу на крыльцо выскочили оба, завязывая по пути свои пояса. Ярослава обдало жаром от понимания, что и они занимались тем же.

Не глядя на окна дома, махнул рукой:

– Едем!

Уже подъезжая к своему терему, Ярослав хмуро попросил спутников:

– Блуду ни слова. И туда больше не ездить!

Воля пожал плечами:

– Не понравилось, что ли, князь? Вроде ловка баба-то?

Ярослав стегнул коня, хотя до ворот оставалось несколько шагов. Обиженный жеребец даже взбрыкнул.

До вечера князь ходил сам не свой, вспоминая то горячие ласки и наглые руки боярыни, то ее шепот:

– Придешь ли ночью, князь?

Очень хотелось прийти, снова ощутить под своими руками ее бесстыжее тело, упругую грудь и пышные бедра, снова овладеть этой женщиной и терзать ее до самого утра.

Помог ему Михей. Он смущенно поскреб подбородок и протянул:

– Мы того, княже... мы кой-чего забыли у Стемира.

– Чего забыли? – вздрогнул Ярослав.

– Да кой-чего... И уехали как-то не по-людски, не попрощавшись... Может, съездить?

Ярослав нахмурился:

– Негоже князю с извинениями к боярину ездить!

– А я бы поехал... особо к боярыне извиниться... Так ведь звала...

Князь едва не подскочил на месте – откуда он знает, что звала?! Михей спокойно объяснил:

– Да ведь даже за ворота сама вышла, а мы вот так не попрощавшись. Может, съездим, а?

После недолгих препирательств Ярослав позволил себя уговорить, взяв слово, что Блуд ничего не узнает. Тайно с одним Михеем он выскользнул за ворота и добрался до дома Стемира. Там их явно ждали, холоп забрал коней и провел на крыльцо, только не красное, а позади дома, что для челяди.

Ярославу было не по себе, он, князь, тайком пробирается к боярской жене! Но стоило переступить порог сеней и снова попасть в ее руки, как все сомнения забылись. Снова было обнаженное женское тело, снова сладостный миг, квас со странным привкусом и бесстыдные ласки после него. Ярослав уже осознал, что квас добавляет мужских сил и после него боярыню хочется снова и снова. Но пить трижды та не позволила, возразив:

– Завтра еще придешь, князь. Тогда и попьешь.

Ярослав вдруг вспомнил, что завтра должен вернуться Блуд, покачал головой:

– Завтра Блуд приезжает.

Ему было почти стыдно признаваться, что все еще ходит за кормильцем и слушается его. Боярыня возразила:

– Он еще три дня в Суздале пробудет.

– Откуда тебе известно?

– Знаю... А ты ко мне всякую ночь ходи, я встречать стану...

И снова стоило Ярославу выйти из дверей, как показался и Михей, видно, развлекавшийся с кем-то в этом же доме. Не разговаривая, они вернулись обратно.

На следующий день у Ярослава болело все тело, во рту горело, и никакие напитки не могли утолить страшную жажду, а мысли крутились только вокруг статей красавицы. Он пытался вспомнить ее лицо и не мог, в памяти всплывали только коричнево-желтые глаза. Зато все прекрасно помнили руки. Ярослав вдруг подумал, что даже имени женщины не знает!

Он твердо решил больше никуда не ездить, хотя Блуду ничего не рассказывать!

Но к вечеру вдруг примчался гонец с известием от кормильца, что тот задержится в Суздале на три дня, и вся решимость Ярослава сошла на нет. Чем ближе был вечер, тем больше ему хотелось снова испытать того кваску и обнять горячее тело боярыни.

Выскользнув за ворота вместе все с тем же Михеем, он поинтересовался:

– Как имя у боярской женки?

Тот почему-то нахмурился:

– Вучица...

Странное имя, что-то оно напоминало, а что, Ярослав понять не мог.

Но это не помешало горячим ночным ласкам, называть по имени красавицу не приходилось, та брала все на себя и передышки князю не давала. К концу третьей ночи он уже порядком устал от ненасытности ее тела и от бессонницы тоже и едва не валился с ног.

Это заметил вернувшийся Блуд. Приглядевшись к Ярославу, он обеспокоенно поинтересовался:

– Недужен?

– Нет, – помотал головой тот.

Но такой ответ не успокоил кормильца, он стал допытываться у тех, кто смотрел в эти дни за Ярославом. Воля, зевнув, объяснил все просто:

– Да у бабы князь всякую ночь.

И снова вроде ни к чему беспокоиться, но в сердце Блуда закралась тревога, он почувствовал угрозу для своего любимца именно сейчас.

– Что за баба?

– Женка боярская.

– Чья?!

– Стемира баба.

– Где он ее нашел?

– Сама набилась.

Вызнав все, что нужно, Блуд принял свои меры. Вечером он долго рассказывал Ярославу о поездке в Суздаль и о Рогнеде. Тот сидел как на иголках, мечтая удрать в дом, где его ждали горячие ласки. Не удалось.

Но постепенно все мысли снова притупились, а в голове поплыл туман, как тогда в доме Стемира. Ярослав не заметил, что Блуд, подливая вино в чашу своего любимца, внимательно наблюдает за ним, а когда князь захмелел, кормилец сделал знак, и какая-то девка помогла ему дотащить бедолагу до ложницы. Кормилец оттуда ушел, а девка осталась... Она оказалась не менее горячей и ловкой, а потому к середине ночи Ярослав уже не жалел, что не попал в ложницу к Вучице.

И на следующий день в гости к боярыне не рвался.

Шли день за днем, вернее, ночь за ночью, а Ярослав довольствовался своей новой ласкательницей, уже не вспоминая Вучицу.

Но через неделю та снова заступила ему путь посреди улицы:

– Что ж ты, князь, дом наш позабыл? Али плохо встречали-привечали?

Ошиблась, потому как вперед выехал Блуд:

– Ты прости, красавица, только некогда ныне князю по гостям ходить. В другой раз заедет.

– Я ждать буду...

Блуд вздрогнул, ему показалось, что из-под подведенных бровей блеснул желтый взгляд!

На следующий же день князь уехал прочь из Ростова на Которосль – вроде на охоту, которую, несмотря на хромоту, очень любил.

Пользуясь отсутствием своего любимца, Блуд отправился в дом к Стемиру один. О чем он говорил с хозяином дома, не слышал никто, только вернулся довольным, а сам боярин вдруг засобиравшись в Суздаль, причем не в гости или по делу, а жить! На недовольство жены внимания не обратил, только прикрикнул, чтоб собиралась скорее.

* * *

Ярослав вернулся через несколько дней, охота получилась странной, его едва не подмял под себя медведь. Неудивительно бы, ростовские земли не зря испокон века звали медвежьим углом, таких зверей там видимо-невидимо. И охота на медведя знатная, только охота зимняя,

но чтоб зверь нападал ни с того ни с сего летом – такого никто не мог припомнить. А тут вдруг на князя дуrom попер невесть откуда взявшийся огромный зверь! И как не поломал?

Ярослав смог одолеть большущего медведя, несмотря на хромоту и то, что у него подлюмилась рогатина. А в память этой победы и спасения велел заложить церковь в честь Георгия, сокрушающего змея, вроде как он сам сокрушил огромного зверя. Позже вокруг церкви вырос красавец город, на гербе которого и по сей день большущий медведь.

Слушая рассказы о схватке князя с хозяином окружающих лесов, Блуд качал головой:

– Тебя никуда отпускать нельзя...

Хотел добавить, что и оставлять тоже, но не стал.

* * *

А еще через день Воля рассказал, что боярин Стемир со своей женкой, вдруг решившие перебраться в Суздаль, по дороге были убиты в лесу!

– Как?! Кем?! – ахнул Блуд.

– Неизвестно кем, холопы разбежались, точно увидели что-то страшное. Боярина вроде волк загрыз, а боярыню стрелой черной побили. Говорят, что из горла торчала.

Блуд схватился за левую сторону груди. Воля испугался:

– Ты чего, боярин, чего? Да эта волчица и не стоит, чтоб добром вспоминать, ведьма она.

– Как ты сказал?

– Волчица. Ну, Вучицей ее звали, волчицей значит. Она и перед смертью, видно, колдовала, у нее в руках нашли две куклы – одну человечью, а вторую медвежью...

Договорить не успел, Блуд едва не сполз на пол. Чуть придя в себя, пробормотал:

– Ярославу не говори...

Тут сообразил в чем дело и сам Воля:

– Боярин, неужто?..

– Она... – прохрипел Блуд.

– А кто ж побил?

– Не знаю...

Блуд и впрямь не знал, но уже понял, что в медвежьем углу есть силы, способные убить его любимца и защитить тоже. Есть кто-то, кто сильнее его власти и даже колдовских чар тоже. Он догадывался, чья это стрела, но старался гнать от себя такие мысли. Оставалось надеяться, что Ярослава и дальше будет защищать сила того седобородого волхва...

* * *

Шли год за годом, князь взрослел и мужал вдали от отца и матери... Самым родным и близким человеком для Ярослава был Блуд.

Ростов строился и хорошел, в нем селилось все больше народа, переезжали из соседних земель бояре, привлеченные выгодой, селились и строили свои лавки купцы, рос торг. Блуд был прав, спорить с Сарском не стоило, они не трогали волхвов, волхвы не мешали жить... Пока не мешали... Даже в Ростове был свой Чудской конец, где было капище и волхвами справлялись все требы.

Блуду хотелось только одного – чтобы князь Владимир забыл о существовании своего сына, сидевшего в Ростове. Нет, они исправно платили Киеву дань, но пусть бы уж не трогал в остальном. Постепенно встанет Ростов, будет большим городом, центром большого княжества... Воспитатель князя осаждал сам себя: а как же мечта сделать Ярослава великим князем? И понимал, что этого уже не так и хочется, стал же он князем? Может, довольно?

Блуду, может, и было довольно, а самому Ярославу? Об этом никто не знал, сам же кормилец и приучил князя держать мысли при себе, не делиться ими... Как бы то ни было, а несколько лет прошли в обычных делах и заботах, если, конечно, не считать неожиданную страсть Ярослава к боярыне-колдунье. Но справились, и на том спасибо.

И вдруг гонец из Киева – князя Ярослава к отцу! У Блуда сжалось сердце – что еще придумал Владимир? Зачем ему Ярослав понадобился? Стал спрашивать гонца, нет ли известий из Новгорода от Вышеслава, тот отвечал, что нет. Блуд вздохнул: чего и интересоваться, Новгород к Ростову ближе, чем к Киеву, сюда раньше, чем на Днепр, вести с Ильменя придут. Значит, не в Вышеславе дело. Тогда спросил по-другому:

– Кого еще князь к себе позвал? Только ли Ярослава?

Гонец был бесхитростен, да ему и не сказано было скрывать.

– Еще князя Всеволода из Волыни.

– С княгиней Рогнедой что?!

– Нет, она, слышно, в обители живет, как жила.

Осенило:

– А Изяслав Полоцкий?!

– Не ведаю, не было вестей.

Это было уже совсем непонятно, Владимир звал в Киев сыновей Рогнеды, но с ней все в порядке. Что тогда?

Ярослав уже уехал, а Блуд все гадал, но сколько ни соображал, так и не понял в чем дело.

* * *

Боярину Блуду недужилось, не ел, не пил. Его уже и травами разными отпаивали, и кровь пускали, и перед иконами до боли в коленях стоял, ничего не помогло. Душу тянула тревожная тоска, от которой ни кусок в горло не лез, ни глаза для сна не смыкались. Стоило их закрыть, как тут же вставал Ярослав, которого без его опеки, казалось, обязательно поджидала какая-нибудь беда. Уехал князь по родительскому зову спешно в Киев. А зачем? Прощался так, точно мог и не вернуться... Куда тогда боярин Блуд? Кому он нужен, кроме князя?

Конь уже унес Ярослава далеко от Ростова, когда в голове у Блуда наконец все сложилось в одну картину. Ну конечно! Как он не догадался сразу?! Женит князь своих сокольников! Ведь позвал тех, у кого любушек нет, остальные либо уже женаты, либо еще малы для того.

Сначала обрадовался, но тут же тоска снова сжала сердце немолодого уже боярина. Женится Ярослав, а он и на свадебном пиру не будет... Точно чужой какой. И вернется ли князь в Ростов, глянется ли сам Блуд его княгине? Подбородок боярина даже задрожал с обидой, он чувствовал себя брошенным и никому не нужным. Снова перестал есть-пить, снова на цыпочках ходила по хоромам челядь, боясь половицей скрипнуть, дверью стукнуть... Тоскует боярин, плохо и остальным оттого. Только боярыню, казалось, ничего не берет. Ни аппетита не потеряла женщина, ни сон не нарушился. Так же ходила, слегка задыхаясь от своей дородности, пыхла что на ступеньках крыльца, что за трапезой, так же храпела, едва коснувшись головой подушки.

Это для Блуда Ярослав ближе сына родного, а боярыне что? У нее свои мысли и дела...

И снова стоял Блуд на коленях перед образами, просил для своего воспитанника помощи и защиты. И снова ждал вестей из далекого Киева.

* * *

А сам молодой князь в это время вместе с братом стоял перед отцом, теряясь в догадках, зачем зван. И Всеволод тоже не знал причины.

Князь Владимир внимательно оглядел повзрослевших сыновей. Уезжали мальчишками, а теперь перед ним были два молодых, с едва заметным пушком на подбородках князя. Каждый держит свой удел твердой рукой, исправно шлет дань... Конечно, обоим помогают, но ведь и сами тоже вон каковы.

Заныло Владимирово сердце, негоже вот так далеко и надолго отправлять сыновей, совсем чужие теперь были ему оба. Дал себе слово, что если и выделит уделы следующим, то будет часто звать к себе или сам ездить. А сыновья Рогнеды? Как получилось, что они все трое отрезанные ломти? Изяслав в Полоцке давным-давно сидит, князь и забыл, как он выглядит. Да что теперь вспоминать, небось встретит и не узнает, столько лет прошло. И Ярослав изменился, совсем стал похож на деда Рогволода. А Всеволод – тот больше на Рогнеду... Ничего в них нет от него, Владимира, может, потому и кажутся чужими?

Князь понял, что обманывает сам себя, чужими сыновья кажутся потому, что сам отправил их от себя по воле новой жены византийки Анны, чтобы ее сыновьям воли больше дать. Так и есть, Анна родила Бориса и Глеба, а еще Позвизда. Вот и оказались Рогнедичи отрезанными ломтями. О Святополке, что на Болеславовой дочери женат и в Турове сидит, и говорить нечего, тот с малых лет хоть и признанный сыном, а не свой.

Сыновья с недоумением смотрели на задумавшегося отца. Тот заметил взгляды, опомнился, кивнул на лавки, чтоб садились. Молодые князья выждали, пока опустится на свое место отец, негоже сыновьям садиться прежде. Вот, и этому не он научил – почему-то стало горько Владимиру.

Завел разговор о необходимости женитьбы. Ярослав настороженно смотрел на отца. Почему речь сразу с обоими, что, две невесты отыскиались? Они христиане, женятся единой, к чему спешка?

Рассказал о смерти шведского короля Эйрика Победоносного. После него осталась вдовой Сигрид Суровая. Конечно, по праву власть переходила к их старшему сыну Олаву Шведскому, но ни для кого не секрет, что и при жизни мужа всем заправляла Сигрид. Даже Победоносный Эйрик, получивший прозвище не за трусость в сражениях, не мог сладить со своей супругой, бежал от нее и женился на дочери норвежского ярла Хакона. Править в Швеции осталась королева, и делала она это твердой рукой. Вряд ли Сигрид был нужен новый муж, но смерть Эйрика делала ее очень завидной вдовой.

Случись все до крещения, Владимир бы не задумался, но сейчас он женат и вторую супругу завести не может. Зато мелькнула мысль сосватать суровой красавице кого-то из своих сыновей. Только кого? Вышеслав женат, о Святополке даже не думалось, да и он женат. Без жен только вот эти двое, но оба молоды – Ярославу всего семнадцать, а Всеволоду и того меньше, чуть только исполнилось шестнадцать. Куда ему справиться со своенравной королевой...

Владимир понимал, что более достоин такой участи Ярослав, он старше, умнее, сильнее, но как сказать князю, что гордая свейка отвергнет его, хромца, как когда-то отвергла Рогнеда робичича? Ничего объяснять не пришлось, только услышав имя предполагаемой невесты, Ярослав сам закачал головой:

– Отче, она меня не примет. Ей и Эйрик плох был...

Да и незаметно по лицу сына, что рад он такому предложению. Неудивительно, старовата для княжичей королева. А Всеволода это не смутило:

– Отче, а мне позволишь ли? – Чуть воровато оглянулся на Ярослава, добавил: – У брата зазноба есть, а у меня никого...

Ярослав чуть поморщился от такой речи, но смотрел на отца спокойно, взглядом честного человека. Владимир почему-то подумал, что у него материнский взгляд.

Князь пропустил мимо ушей слова сына о зазнобе Ярослава, внимательно взгляделся во Всеволода:

– Королева в возрасте, о том помнишь ли?

Всеволод кивнул, жадно следя за отцом. Владимир усмехнулся – рвется к власти в большом королевстве.

– Нрав у нее крут...

Княжич самодовольно скривился, мол, справлюсь. Подумав: «Ой ли?», Владимир тем не менее согласно кивнул:

– Езжай, если желаешь...

* * *

Знать бы им, какую беду накликали на князя Всеволода этим нелепым сватовством! Он действительно отправился к суровой королеве с богатыми дарами. Одновременно с ним прибыл и жених из Норвегии Олав. Сигрид ни словом, ни взглядом не дала понять, что презирает глупых мальчишек, которые годятся ей в сыновья, приняла их вроде и радушно, устроила в нарочно возведенных палатах, напоила, накормила. Но потребовала сочинить в ее честь стихи – висы, как полагалось при сватовстве благородной женщины.

Смог ли это сделать Олав, неизвестно, а вот князь Всеволод вряд ли. Во-первых, он не знал шведского языка, во-вторых, вряд ли отличался таким уж красноречием, он не был грамотен, из старших сыновей читать умел только Ярослав.

Видно, не понравились висы женихов королеве, Сигрид велела их напоить без меры и, закрыв двери снаружи, попросту поджечь палаты! Сын князя Владимира Всеволод сгорел заживо из-за попытки посвататься к шведской королеве!..

Жизнь иногда странно перемешивает самые разные судьбы. Пройдет немало лет, и Ярослав женится на внучке Сигрид Суровой, дочери Олава Шведского Ингигерд. А его старший сын Илья – на дочери вдовы того самого неудачника Олава Норвежского, чьи висы тоже не понравились шведской королеве вместе с сочинениями князя Всеволода.

* * *

Ярослав благополучно вернулся в Ростов и продолжал княжить. В следующий раз он уехал из Ростова только получив весть о смерти матери. Но обратно в город уже не вернулся.

Смерть редко приходит в семью лишь однажды; повадившись к несчастным, она норовит собрать свой урожай еще и еще раз.

В 1000 году умерла Рогнеда, жившая в обители под именем Анастасии. Почти следом за ней оставил эту Землю Вышеслав, старший сын князя Владимира, княживший в Новгороде. Следовало заменить его новым князем, и Владимир снова собрал сыновей.

Существует изображение князя и его сыновей. Перед Владимиром сидят в ряд взрослые князья, похожие друг на дружку, как близнецы. Это неверно, князья были разного возраста, от разных матерей, а потому быть похожими никак не могли.

Владимир снова перераспределил уделы. Из-за смерти Вышеслава оставался без князя Новгород, после гибели Всеволода – Владимир-на-Волыни. И Святослав уже в силах сам править. Да и Борис с Глебом подросли, пора давать настоящие уделы, чтоб рядом с братьями не обидно было. Борис вроде считался князем Волынским, но кто его в Волыни знал?

* * *

Киевский терем каменный, а оттого холодный. Его не прогревало весеннее солнышко, не справлялись и множество печей. В летнюю жару под каменными сводами прохладно, но в промозглые дни поздней осени или ранней весной вода, кажется, проникала сквозь камень и

пробиралась за шиворот каждому, кто сидел в нижних ярусах. Теплее и приятней в верхнем, деревянном, ложницы князя и княгини с княжичами там, а вот гридница и трапезная внизу. Эхо шагов гулко отдавалось под каменными сводами, бесчисленными подошвами наполовину стертые ступени, факелы, вставленные в держатели на стенах, нанесли толстый слой копоти на потолок. Его время от времени оттирали холопы, но копоть все равно копилась. Освещать переходы надо круглый год и днем и ночью, туда почти не попадал свет со двора.

Молодые князья и княжичи торопились в трапезную по зову отца князя Владимира, стараясь не задевать местами мокрые, а местами грязные от сажи стены перехода. Князь ждать не любит. Тем более если вдруг позвал сразу всех. Не приехали только Святополк и Изяслав, те словно отрезанные ломти.

Владимир оглядел сыновей, сидевших на большой лавке в ряд. Один другого краше, все сильны и непохожи друг на друга! Старший из присутствующих Ярослав себе на уме, он уже не первый год князь, сумел взять под себя непокорный Ростов, живет с ростовчанами миром, это дорогого стоит. Разумен и спокоен Святослав Древлянский. Борис и Глеб тихие и ласковые, воспитаны в христианстве, любят книги и богословские беседы. Остальные трое пока малы, чтоб на таком совете присутствовать, пусть подрастают, придет и их время. Много сыновей у князя Владимира, но и земля Русская велика, на всех хватит. Только бы жили меж собой миром.

Князь напомнил о смерти дорогих людей:

– Царствие им небесное!

Сыновья перекрестились, но только губы Бориса и Глеба быстро прочитали молитву, остальные если и вторили этим словам, то только мысленно, хотя вряд ли...

– Мыслию, что должно наделы распределить...

В ответ первым беспокойно вскинул глаза Ярослав. Чего он боится? Сидит в Ростове, дальше уже не отправят. Нет, не боится, чуть усмехнулся, скосив глаза на братьев Бориса и Глеба: мол, куда этим наделы-то? У Бориса даже есть, он князь Волынский. Да только кто в Волыни его за год видел? Князь все в Киеве с отцом беседы богоугодные ведет. Разве так княжить надо?!

Владимир понял мысли старшего сына, но отвечать не стал. Если честно, прав Ярослав, князь Бориса на Волынь посадил вместо погибшего Всеволода, когда сам Борис был совсем мал, в противовес Святополку, чтоб тот волынян под себя не взял. Приехал девятилетний князь во Владимир Волынский, показался волынянам, чтоб не забывали, что под Киевом ходят, и отбыл к отцу под крылышко. Так и жил, изредка в своем городе появляясь. Волыняне не против, они хорошо понимали, что если возмутятся, то получают в князья Святополка, от которого воли вольной не будет.

Тут в душе у Владимира зыграло ретивое, захотелось всем доказать, что Борис не только любимый сын, но и самый способный. Да и Глебушко тоже. Неужто они глупее Ярослава? Если Рогнедич смог миром решить все с ростовичами, то неужто Борис и Глеб не смогут разумными речами привести вольные Ростов и Муром в христианскую веру? И князь вдруг объявил не совсем то, о чем думал еще несколько часов назад.

– Мыслию, князем Новгородским станет... – Братья заметно напряглись. Новгород не самый спокойный город, там сейчас тяжело, всегда было тяжело. Кого сошлют? – ...Ярослав!

Князь Ярослав усмехнулся уже открыто, точно говоря: а кого же еще?

– Ты старший, тебе Новгород под себя брать! – чуть повысил голос Владимир и, не давая возразить, продолжил: – Вместо Ярослава в Ростов поедет Борис.

И снова вскинул свои темные глаза на отца Ярослав. Что князь говорит?! Бориса в Ростов?! Да ростовчане его и в ворота городские не впустят! Все, чего с таким трудом добились с Блудом, будет утеряно в одночасье. Но это был не последний для него удар.

– Муромским князем станет Глеб. – Владимир уже не заботился о том, как посмотрит на него старший сын. – Святослав останется в Древлянской земле. Святополк в Турове...

Растеряны были Борис и Глеб, хмурился Ярослав. Новгород давно выступал против Киева, всегда был против. Вышеслав сидел там тихо, как сам Ярослав сидеть не станет. Значит, либо война с городом, либо с... Думать о втором не хотелось. Конечно, у него есть хитрый Блуд, который смог даже ростовчан убедить жить с князем миром.

Безразличен только Святослав, пожалуй, ему одному было все равно. Оставался на месте в Древлянской земле, где давно живут спокойно. Не очень богато, но зато без ежегодной рати, как у полян и северян, дреговичей и волынян, даже как вон у новгородцев. Может, так и лучше? Подумав об этом, Ярослав вдруг понял, что нет. Для него нет. Ему лучше беспокойный Новгород, обиженный Владимиром и сам уже готовый обидеть кого угодно.

Заметив раздумья Ярослава, князь Владимир вдруг велел ему:

– Останься, говорить еще надо...

Ярослав остался. Смотрел на отца спокойно, для себя он уже решил, что сможет стать новгородским князем, справится с городом, как справился при помощи Блуда с Ростовом, а братья Борис и Глеб пусть как хотят, помогать не станет.

Владимир встал, прошелся по трапезной, в которой говорил с сыновьями, остановился возле окна, долго смотрел на облака, медленно плывущие в небе. Ярослав молча ждал, понимая, что разговор с отцом будет нелегким.

– Ты старший. Я знаю, тебя не очень манит Новгород. – Князь обернулся к сыну. – Но кого я отправлю туда? Святополк не уйдет из своей вотчины, Святослав тоже. Борис и Глеб молоды. Твой Новгород!

Ярослав, с каким-то ледяным спокойствием наблюдавший за отцом, не произнес ни звука. Владимир даже разозлился, вскочил, нервно пройдясь по хоромине. Сын тоже встал – негоже сидеть, когда князь-отец стоит. Ярослав хром, на улице непогода, оттого и нога ноет с самого утра, но вида не подал, князь не должен никому показывать свою боль. Владимир все равно заметил, как чуть переступил сын, стараясь облегчить больную ногу, почему-то стало досадно, сел.

– Не молчи! Вижу же, что ты против! Не хочешь в Новгород?

Ярослав устало усмехнулся:

– Не о том забота, князь. Не во мне дело.

– А в чем? – удивился Владимир. Что за человек! Никогда не скажет: «отец», все «князь» да «князь». Не простил ссылки матери? Но ведь не его же сослали. Делает все так, что никогда не знаешь, что он себе думает. Советчик у Ярослава хороший – Блуд, хитер, смышлен, может, оттого сын такой молчун? Но молчун только при отце, с матерью вон как говорлив! Был говорлив...

Для князя Владимира постоянное напоминание о Рогнеде не далекий Изяслав, а вот этот сын. Если честно, то он более других достоин взять под себя Русь после отца, он умнее, сильнее и крепче остальных. Но он не старший... Хотя даже не это остановило бы князя Владимира, а именно то, что Ярослав себе на уме. Всегда себе на уме, лучше промолчит, чем выскажет, что подумал. В глубине души князь Владимир всегда ревновал сына к матери, а саму Рогнеду к Ярославу.

Мысли князя ушли в сторону от беседы, но сын вернул их на место.

– Нельзя Бориса в Ростов, а Глеба в Муром.

Ярослав сказал то, что понимал и сам князь, да только не желал признавать. Оттого слова сына показались особо обидными, вспылил:

– Думаешь, ты один с Ростовом мог справиться? Борис тоже разумен, хотя и молод.

Ярославу очень хотелось возразить, что одной разумности мало, надо еще и княжить, причем хитро княжить. Но сказал чуть другое:

– И в Муром нельзя идти с епископом.

– Почему? – изумился снова начавший мерить трапезную шагами князь.

– Не пустят, – пожал плечами Ярослав.

– Пустят! – Рука Владимира сжалась в кулак, ясно показывая, что будет с муромой, если ослушаются. А Ярослав вдруг почувствовал усталость, сильную усталость. Отец отправил его с глаз долой в Ростов, теперь, когда они с Блудом справились, туда пойдет Борис со священниками, испортит все, чего достигли, а им надо начинать заново. И вдруг молодой князь чуть испугался, а ну как Блуд решит остаться с Борисом? Воевода уже стар, вдруг захочет покоя? Самому с новгородцами справиться будет сложно.

Занятый этой мыслью, он не стал далее пререкаться с отцом, соглашаясь, кивнул и попросил удалиться. Владимир смотрел ему вслед раздраженно, он так и не понял ни озабоченности сына, ни его настроения. Что Ярослав о себе думает? Ишь ты, сильный князь! Справился с маленьким Ростовом... Пусть попробует одолеть непокорный Новгород! А Ростов и Муром? Куда они денутся, будут исправно платить, как платили, и постепенно креститься. Разумные речи младших сыновей сделают свое дело не хуже твердой руки Ярослава и хитрости Блуда.

Знать бы Владимиру, как он ошибается! Ни Ростов, ни Муром не смирятся и епископов не примут. Там, где Блуд замирил людей хитростью, ни Борису, ни Глебу ничего не удастся проповедями. Но это будет позже.

А тогда в Новгород уезжал новый князь – Ярослав Владимирович из рода Рюриковичей, слишком похожий на своего деда Рогволода, чтобы быть любимым сыном князя Владимира.

* * *

Конечно, ни Борису, ни Глебу не хотелось уезжать от отца так далеко и в такие беспокойные места. Потому князь, во-первых, не торопил их с отъездом, во-вторых, собирал с сыновьями многочисленное христово воинство. С каждым по епископу и массе приданных священников и просто дружинников и холопов. А пока в Ростове сидел воевода Блуд, правил за князя и ждал приезда другого. Все налажено, можно и не торопиться. Ярослав в Новгород уезжал один.

* * *

Новгородский торг, как и всякий другой, был, считай, главным местом города. И не только потому, что Новгород богател торгом.

Здесь можно было купить все, что только способны сделать и вырастить человеческие руки. Имей деньги – и не уйдешь с торга с пустыми руками. За чем бы ни пришел человек – едой, одеждой, обувью, оружием, скобяными ли изделиями или хомутом, лошадью или персидскими порошками – все мог найти на торге, все купить.

Нужна изба? Вон они лежат готовые, уже срубленные и снова раскатанные по бревнышку, плати, и тебе соберут снова, где скажешь. Сластей детишкам привезти надумал? И этого полно на любой вкус и кошель. В житном ряду встретишь мельника, белого от муки. Там вон кисло пахнет выделанными кожами, знать, кожемяки близко. А неподалеку тянет конским навозом. Издали разносится поросичий визг – тут и объяснять не надо, что продают. Удивительное животное – поросенок: коли начнет, так может визжать с утра до вечера, не переставая.

Между рядами передвигается, ловко увиливая от чьих-то спин, локтей, животов, лоточник. Его голос перекрывает все остальные крики, приглашая отведать свежих пирогов с визигой и грибами. Пирожный дух быстро разносится вокруг, и у невысокого, но голосистого парнишки дело движется споро. Хитер он, другой покупатель до калачного ряда может и не добраться, потому как за гвоздями пришел да за новым топором, и потерпел бы без пирогов

до дома-то, а вот рядом купил кто-то, пахло вкусно, и потянулась сама рука за деньгой, чтоб и тоже отведать горяченьких пирогов...

Парнишка быстро распродал свой товар, кивнул кому-то, кому не досталось: «Я мигом, щас принесу!» – и исчез в толпе. Не успели о нем позабыть, как вот они еще пироги с пылу, с жару. Теперь купили у ловкача и те, кто вовсе не собирался тратить драгоценные деньги на еду.

Также ловки и сбитенщики. Коли жара стоит да разопрел люд на солнышке, у них квас готов, откуда-то холодненький, забористый... А если студено на улице, так сбитень горячий паром исходит, сам сбитенщик словно котел с тем напитком, тоже весь парит на морозе. А по морозу да после дела лучше нет румяных пирогов со сбитнем! Вот и тянутся руки к кошелю или за пазуху, тратятся те денежки, что совсем на другое припасены...

А вокруг идет гомон, кто-то предлагает товар, кто-то приценивается, кто-то уже купил и теперь, может, и жалеет, что не обошел сначала весь ряд, потому как чуть подальше дешевле оказалось. Кто-то напротив, жалеет, что сразу не взял, – купили то, к чему он уже приценился да пошел повыгодней поглядеть. Одни бьют по рукам, сговорившись, другие переругиваются, не соглашаясь... Торг есть торг, но откровенно обманывать здесь не решаются. Один раз негодный товар продашь как хороший – ославят так, что всякий уважающий себя покупатель стороной обходить станет. На новгородском торге честью дорожат, доброе имя ценят, а потому обмана нет. Это хорошо знают и заморские гости, вот и не пустеет торг круглый год.

Но для горожанина это не только место, где можно купить или продать, это еще и место, где люди узнают новости. Человек ведь живет как? У него из окошек виден только свой двор, ни на улицу, ни на соседей не глазают, на Руси не принято, места хватает, чтоб впритык избы не ставить. Живет каждая семья своей жизнью, все ведают только о своих родичах да ближних соседях. Но стоит чему случиться в городе, как все сразу оповещены. Откуда?

А все торг. Стоит первым лучам солнца из-за верхушек деревьев показаться, как он оживает, чтобы затихнуть уже в полной темноте вечером. Здесь и перемалываются все городские, и не только, новости, сюда человек несет что узнал, отсюда и домой приносит не один товар, но и вести, добрые ли, худые ли...

Это на площадь народ созывает вечевой колокол, а до колокола люд все вызнать на торге должен. Откуда свои купцы вернулись, что дальние гости привезли, что берут ныне у свеев, с кем воюют греки, почем рожь в Киеве... Купцы и те, кто с ними ходит, – главные разносчики дальних вестей, а новгородские новости бабы выболтают, у них языки не просто без костей, но и не привязаны. Посмотришь на такую – вроде и язык не больше, а даже меньше, чем у мужика, но во рту точно не помещается, норовит наружу все, что в голове накопилось, выплеснуть.

На торге зарождаются слухи, иногда нелепые. Сболтнет какая-нибудь дурында глупость, а остальные и ну трепать своими языками! Бывает, человеку от иной сплетни век не отмыться. Но в основном все же верное говорят люди, умеет народ отделить нужное от ненужного, понять то, что хотелось бы и спрятать, разглядеть в пустословии зерно правды.

Нежданно по торгу пронесся слух, что киевский князь Владимир взамен умершего Вышеслава присылает другого своего сына – Ярослава. Присылает и присылает, известие мало кого поразило, не сидеть же городу без князя, а правит Новгородом вече и вон боярин Коснятин. А под ним какой бы князь ни сидел, все одно сделает, как велят.

А Ярослав, еще сказывали, и хром к тому же! О новом новгородском князе смогли порассказать те, кто бывал в Ростове, и сами ростовчане, тоже нередко наведывавшиеся в вольный город. Все сходилось к одному – князь умен, скрытен и терпелив. Новгороду такой подходил, потому поговорили и забыли. Оставалось только ждать.

Не переживал и Коснятин Добрынич, он-то не сомневался, что подомнет под себя любого Владимировича, сколько бы тех ни присылали. Главное – сразу показать, чья власть в Новгороде, чтоб новый князь понял, что вольный город хотя и вольный, а стоит под ним, Коснятиным, сыном Добрыни. И это право его отец Добрыня заслужил еще при жизни князя

Святослава, потому как словом Добрыни, брата Владимировой матери Малуши, новгородцы получили себе в князя Владимира, а потом тот же Добрыня спасал молодого Владимира, и крестил Новгород тоже он. Кому как не сыну Добрыни, Коснятину, теперь держать под собой Новгород?

Для вида пусть и князь будет, это даже удобно: ежели что не по нраву вольному городу, всегда можно на князя спихнуть, мол, он придумал, его и вина. А потом за князя перед городом заступиться, и снова всем хорош Коснятин, всем помог, всех примирил, все без него не могут. Коснятин и сам не раз устраивал стычки князя с горожанами, а после помогал замирению.

Потому не переживал боярин за появление нового князя. Худо, что с ним рядом хитрый Блуд, но и с тем сладить можно. Если не останется в Ростове, так в Новгороде найдется возможность от него избавиться. А услышав, что Ярослав пока один едет, Коснятин и вовсе обрадовался. Пока до Новгорода доберется Блуд, князь уже будет делать все, что скажет ему Коснятин!

* * *

Ярослав хорошо сознавал, что ему предстоит, но был готов к встрече с вольным городом и его правителями.

По пути ему пришлось пережить немало трудных минут. Татей на дорогах развелось множество – почему бы проезжих не пограбить, если мимо едут? Вот и на поезд Ярослава тоже напали.

Для князя главным в обозе было защитить книги, что лежали в возах. Татям они ни к чему, все одно выбросят, а сам Ярослав уже не мыслил жизни без чтения и никак не мог понять тех, кто не желал осваивать грамоту. Часто спорил об этом с неграмотным Блудом.

Отбиться смогли, мало того, перебили всех нападавших, это были, скорее всего, жители соседних весей. Неприятный осадок остался. Ярослав дал себе слово, что в его землях путникам будет безопасно. Дать-то нетрудно, а вот как выполнить? Князь еще долго не сможет выполнить этого обещания самому себе, не только потому, что извести желающих поживиться чужим добром трудно, но и потому, что другие заботы поглотят все время, силы и думы.

* * *

Ильмень проехали поздно вечером. Ночевать в снегу почти рядом с городскими стенами совсем не хотелось, потому подогнали уставших лошадей и разбудили стражу. Лошади, не хуже людей стремившиеся под крышу, в тепло и к корму, торопились как могли. А вот стража долго не могла поверить, что среди ночи прибыл из Киева князь. Ехавший первым дружинник Евсей подскочил к воротам Городища, забарабанил в них изо всех сил. Со всех сторон залаяли собаки, постепенно слышались и людские голоса. Княжий терем на высоком крутом берегу стоял темный, ни в одном оконце не видно света. Ярослав вздохнул – не ждали князя. Темная махина терема почему-то сразу не легла ему к душе. Первой мыслью было: «Поставлю себе другой. И на другом берегу!» Утром он увидел, что и терем не так велик, и другой берег не так хорош, но передумывать почему-то не стал, его двор действительно вырос на Торговой стороне.

Из-за ворот наконец слышался сонный голос:

– Кто такие?

– Князь Ярослав Владимирович приехал! Открывай!

Несколько мгновений за воротами было тихо, потом заскрипели засовы, и в открывшееся маленькое окошко сунулась чья-то включенная голова:

– Чего?!

Евсей заорал:

– Чего пялишься?! Открывай, князь на морозе ждет!

Стражник позвал кого-то в помощь, и они принялись возиться с засовами, выбивая клинья, которые не позволяли воротам распахнуться.

– Да чего вы там? – все сердился дружинник. – Возитесь, точно старый дед возле своей бабки!

– Сейчас-сейчас... – Дозорные, видно, испугались гнева прибывших, а от спешки получалось только медленней. Наконец половина ворот приоткрылась, в нее просунулось лицо стражника. Правильно делал новгородец, что стерегся, Евсей схватил его за нечесанные космы и живо вытащил наружу. Заорав благим матом, стражник пытался вырваться из огромных лап дружинника. Князю надоела эта возня, он окликнул Евсея:

– Отпусти, чтоб вторую половину открыл. Не то будем до утра тут стоять.

Новгородец уже увидел большой санный поезд, сопровождавший князя, понял, что это не простой купец, и заюлил:

– Проходите, гости дорогие...

– Гости! – фыркнул Ярослав. – Сначала полночи в собственный терем не пускают, а потом гостями зовут!

Стража наконец пустила князя с сопровождающими в Городище, засуетились разбуженные холопы, понабежали бояре, все завертелось вокруг Ярослава, мешая толком понять, рад он приезду или нет.

Поднятый с ложа среди ночи, быстро пришел Коснятин, стал распоряжаться так, словно князь приехал к нему в гости, а не править. Ярослава покорило хозяйское обращение с ним родственника, привык уже в Ростове чувствовать себя князем. Здесь же по всему было видно, что старший брат Вышеслав сидел за Добрыней, а потом Коснятиным тихо-тихо, как сам Ярослав сидеть не собирался. Но у него хватило ума сразу не показывать своей воли, смолчал, только кивал в ответ на распоряжения и рассказы сына Добрыни. Надо сначала приглядеться к боярам, к епископу, к самой жизни вольного города. Хотя какой он вольный, если делает все, что из Киева ни прикажут?

Позже, лежа без сна с закинутыми за голову руками и прислушиваясь к потрескивавшим в печи поленьям, Ярослав раздумывал, как вести себя утром, как сделать так, чтобы не только Коснятин, но и все остальные поняли, что в Новгород прибыл Хозяин, что воли, какую знали при Вышеславе, не будет. Он князь и должен здесь править, а не следить за отправкой дани в Киев. Новгород силен, он вполне мог бы обойтись и без Киева, если бы нашел другие торговые пути, не по Днепру. Сейчас Ярослав понимал, зачем было Добрыне поддерживать князя Владимира в его походе на Волжскую Булгарию, и радовался своему решению поставить на Волге Ярославль. Этот город хорошо поможет тем же новгородским купцам в их путях к Хвалисскому морю. Вспомнился Ярославль, волжский берег в закатном солнце, тихий плеск воды, а еще огромные рыбины, которых вылавливали меряне. И впрямь мало где такие водятся, говорят, вот еще в Сурожском море. Но Сурож далеко, а Ярославль рядом.

До самого рассвета он все размышлял и размышлял над тем, как управляется огромная земля по имени Русь. В ней множество княжеств, множество городов, недаром варяги вон зовут Русь Гардарикой – страной городов. И каждый город хорош и силен по-своему. Но самый сильный Новгород. Если честно, то он сильнее Киева. Только в Киеве княжеская власть, а в Новгороде вечевая.

Князь Владимир и сам начинал с Новгорода, пользовался его помощью. Значит, на город можно положиться?

Ярослав осадил сам себя: против кого это он собирается призывать на помощь новгородцев? Отец держит Русь крепкой рукой, если и досаждают печенеги, так это с юга. Иногда

грабят купеческие караваны свеи? Но они всех грабят, вообще, свеи лучше торгуют, а варяги не прочь наняться в дружину.

Князь Владимир воюет мало, может, в том его сила? Лучше торговать, чем воевать – это Ярослав понял в Ростове. Начни они с Блудом войну против ростовчан – и не лежал бы сейчас Ярослав, закинув руки за голову, а покоился бы в холодной земле, если вообще покоился, а не был съеден дикими зверями.

А отец разве не так? Он тоже старался со всеми замирился, воевал с братом за Киев, даже убил его, но после-то собрал русские земли в кулак, вернул все отцово, что растерял Ярополк, и правит миром.

* * *

Молодой князь, сам того не сознавая, оценивал правление своего отца. Он отбрасывал в сторону убийство дяди Ярополка, понимая, что по-другому князь просто не мог, не потому что должен был мстить, а потому что иначе не стал бы великим князем, остался сидеть в Новгороде под рукой старшего брата. Где-то в глубине души шевельнулась нехорошая мысль, что Новгород поставляет великих князей Руси, значит, придет и его очередь? Но Ярослав не первый, даже если не брать в расчет Изяслава, то Святополк имеет больше прав на Киев, всем ведомо, что он Ярополчич. Что же тогда? Делить Русь с братом или идти на него войной? Князь постарался отбросить такую мысль, но она упорно возвращалась.

Только к утру Ярослав решил для себя, что думать о Киеве пока рано, надо взять в руки Новгород, а это будет не очень легко, тем более рядом нет опытного Блуда. Если справится с непокорным вольным Новгородом, то сможет стать и великим князем Руси. А для этого именно сейчас надо выкинуть все мысли о Киеве и думать только о Новгороде. И с Коснятиным ссориться никак нельзя. Пока нельзя.

Утром, увидев сына Добрыни, Ярослав невольно поморщился, у отца в Новгороде будут десятки глаз и ушей, это не Ростов, князь Владимир всегда будет знать, что и как делает сын. Заметив его недовольство, Коснятин нахмурился, ишь ты какой! Здесь он, сын Добрыни, хозяин, каким был при жизни его отец Добрыня, и не молодому князю поперек опытного боярина вставать! Это не укрылось от Ярослава, сработала привычка, воспитанная Блудом, поспешил исправить оплошность, поморщился снова и объяснил боярину:

– В дороге пришлось с татями столкнуться, немного ногу поранил, как наступлю, так точно по горячим углям...

Коснятин снисходительно усмехнулся: всем известно, что Ярослав хром с рождения, чего уж тут на татей сваливать? Но и тут молодой князь его перехитрил, взялся за левую ногу, мол, эта побаливает, и с удовольствием заметил, как призадумался боярин, вспоминая, на какую же ногу хром князь.

Ярослав, не теряя времени даром, велел созвать бояр и старших людей Новгорода, чтобы познакомиться сразу со всеми. Но для начала отправился к епископу. Иоаким Корсунянин возглавлял Новгородскую церковь бессменно со своего появления в Новгороде вместе с Добрыней и крещения города. Он не стал селиться в Городище, где хорошо укрепленный двор, перебрался на другую сторону и там поставил свои палаты. Ярослав, мальчиком уже бывавший в Новгороде вместе с отцом при жизни старшего брата Вышеслава, помнил деревянную Софию, но не помнил епископских палат, наверное, его туда не приглашали. Теперь, оглядывая выросший вокруг двора епископа Иоакима крепкий детинец, князь мысленно восхитился. Хорошо сидит епископ! Но свой двор все же решил ставить не рядом, а на другой стороне, близ Торга. Князь должен жить рядом с центром города, а у Новгорода это Торг, ни к чему сидеть далеко.

Епископ внимательно смотрел на молодого князя, он уже знал, что сын Владимира отличается умом, даже хитростью, что грамотен, что боголюбив. Встретившись с проницательными глазами епископа, Ярослав не отвел своих серых, внимательных глаз. Это понравилось Иоакиму, он подумал, что, став для князя духовным наставником, сможет влиять на его правление, только действовать надо осторожно, заметно, что не слишком доверчив молодой князь. Целуя длинную жилистую руку епископа, Ярослав отметил для себя, что рука теплая, а пальцы слегка сжали его руку.

– Легка ли была дорога, сын мой?

– Осилит с Божьей помощью, владыко... – Ярослав не стал рассказывать о нападении татей по пути, ни к чему епископу это знать. Но Иоаким сразу показал, что хорошо осведомлен обо всем, что происходит в его землях.

– А про татей, какие чуть не погубили, забыл?

Ярослав виду не подал, что изумлен, чуть поморщился:

– Недостойно князя о таком вспоминать...

– Слишком много таких развелось на Руси, о том помнить надо. У князя с дружиной есть чем защититься, а купцов и других людей немало обижают. – У епископа был свой резон поговорить об этом с Ярославом. – Да ладно, после о том побеседуем. Добро пожаловать, князь, в Новгород, рад такому решению князя Владимира. Хорошего князя дал городу.

– Благодарствую на добром слове, владыко, – чуть склонил голову Ярослав, ему было приятно слышать добрые слова в самом начале своего княжения.

Иоаким в ответ улыбнулся:

– Наслышан, князь, о твоём правлении в Ростове. Разумно правил, да только епископу Феодору мало помогал.

Ярославу очень хотелось ответить, что тому и помогать не в чем было, сидел тихо в Суздале, никому не мешая. Но правильно, что сидел, Ростов не та земля, какую крестить с налета можно, там на многие годы все затянется. Хотел ответить, да промолчал, и это не ко времени, он в Новгород надолго, потому еще успеет объяснить все епископу.

Иоаким понял все по-своему, решил, что епископ Феодор просто был слаб, чтобы верно наставлять молодого князя, оттого правил Ярослав хорошо, а вот крестить мерю не смог. Надо сразу взять князя под свою опеку, стать духовным наставником. Все киевские князья выходили из Новгорода, о том Корсунянин ни на миг не забывал, только всегда жалел об излишней мягкости Вышеслава. Этот, похоже, не такой, этот сможет стать Великим князем, вон как глянул! А вместе с ним в Киев переберется и Иоаким...

Так началось новгородское правление князя Ярослава Владимировича.

* * *

И здесь мы очень мало знаем о том, как жил Ярослав Владимирович. Кажется, женился на некоей Анне. Кажется, у него родился сын Илья и, возможно, дочь Агата. Построил Ярославово городище, первым стал жить часть года вне самого города – в своем дворце в Ракоме. Открывал школы, чтобы обучались грамоте дети бояр и купцов. Сажал грамотных переписчиков, чтобы множились книги...

В общем, жил и княжил. Сталкивался ли он с Коснятиным? Наверное, но до самого 1014 года ничего ни о стычках, ни о самом Ярославе Владимировиче в русских летописях нет. Да и в иных источниках тоже. Это просто был очередной новгородский князь, сын князя киевского. Один из... Пока не пришла его пора.

Справились ли Борис в Ростове и Глеб в Муроме? Нет, Ярослав в своих опасениях оказался прав. Глеба просто не пустили в город. С юным князем отправилась немалая дружина и

большое количество священников во главе с Илларионом. Зря князь Владимир рассчитывал на разумные речи своего любимца, речи речами, а жизнь брала свое.

* * *

Муром не встречал князя хлебом-солью. Муромчане были готовы принять самого князя, но, прослышав, что с ним священники, которые станут крестить людей, собрали всю племенную рать и заперлись за стенами. Конечно, киевляне могли бы и осадить Муром и попросту нанести городу урон, но воевода хорошо понимал, что тогда они наверняка не вернутся обратно. Киев далече, а лес на Муромской земле действительно глухой...

Киевская дружина встала неподалеку от города. Шли день за днем, но Муром ворот не открывал. Глеб ходил сам не свой, что делать, вернуться в Киев к отцу? Нельзя. Взять город в осаду? Тоже. Ему на помощь придет все племя, вырежут по одному, и не только священников.

К князю попросился один из дружинников, сказал, что муромский, потому места здешние знает. Глеб только успел подумать, чем он может им помочь, как воевода уже о чем-то расспрашивал дружинника, кивая головой.

Поговорив, воевода Велич обратился к князю:

– Здесь неподалеку есть укрепление, погост, еще со времен княгини Ольги стоит. В нем жить можно, подновим только кое-что.

Услышавший такие речи Илларион рассердился:

– Негоже князю от муромы на погосте прятаться!

Велич даже отмахнулся от него:

– Никто прятаться и не собирается, только жить где-то надо! В город не пустят, что, стоять под стенами будем, пока помощь из Киева не подойдет?

Глеб кивнул:

– Поехали на погост.

Старый погост действительно был вполне годен для жизни, там даже запасы зерна сохранились. Быстро подновили обветшалые постройки, поставили новые избы и конюшни, укрепили на всякий случай тын. Илларион ворчал, что лучше бы взяли Муром, но на него никто не обращал внимания. Быстро поняв, что понадобится помощь, Велич отправил гонцов в Ростов, но не за дружиной, а за хлебом и овсом, надеясь, что князю Борису повезло с ростовчанами больше, чем Глебу в Муроме.

Постепенно жизнь наладилась, даже с городом договорились, не пришлось везти хлеб-пшеницы людям и овес для лошадей из далекого Ростова, Муром дал все. Только князя со священниками оставили вне города. Сколько ни уговаривал Велич скрипевшего от злости зубами Иллариона потерпеть, епископ не мог.

Прошло целых два года, Муром признал князя, исправно платил дань, только вот в город ни Глеба, ни тем более Иоанна с его людьми не пускали. При любой возможности в Киев уезжал кто-нибудь из священников, скоро остался лишь самый упорный – епископ. Воевода качал головой, можно бы понять, что крестить мурому не удастся, чего упорствовать?

Однажды, когда они с Глебом были на охоте, куда епископ не ездил, считая это бесовским развлечением, Илларион не выдержал и отправился в Муром проповедовать. Горожане, привыкшие, что княжьи люди не появляются в городе без приглашения, да и вообще за стены не заходят, не поверили своим глазам – священник осмелился прийти не просто к Мурому, а на площадь города! Илларион шел, высоко подняв большой крест и распевая духовные гимны, которые были должны помочь завладеть умами и душами муромчан. Что произошло в самом городе, он упорно не рассказывал никому. Видно, Илларион сильно рассердил муромчан своими проповедями, потому как вернулся обратно... без бороды! Опозоренный епископ долго

призывал кару господнюю на головы проклятых язычников, только борода от этого на свое место не вернулась.

Первым забеспокоился Горазд:

– Князь, епископу надо уезжать в Киев. Может, и ты поедешь?

Глеб чуть растерялся:

– А Муром?

– Я останусь здесь, дань буду собирать и присылать исправно. Дружина будет при мне, плохого не допустит. Объясни князю Владимиру, что Муром не то место, которое сейчас крестить можно. Рано еще.

Глеб от такого совета почувствовал только облегчение. Он сидел в Муромской земле в тоскливом одиночестве. С детства привыкший всегда быть рядом с братом, очень тосковал по Борису. Ездил к нему из Муroma дважды, видел, что жизнь в Ростове совсем не та, что на их погосте, душой рвался к Борису и в Киев, потому долго уговаривать не пришлось. Оправдывал себя молодой князь тем, что и Борису в Ростове мало что удалось; как уехал Блуд, которого Ярослав оставил в Ростове дожидаться нового князя, так и пошел разлад. Нет, ростовчане, как и муroma, не противились, они просто не желали видеть у себя епископа Феодора. Только тот умней, сказано сидеть тихо в Суздале – сидит и никого силой не крестит. Борис часто в Киеве бывает, значит, и Глебу можно? Князь решил ехать, воевода прав, нужно же епископа обратно проводить? А там как бог даст...

Провожая в обратный путь молодого князя, Велич подумал, что тот не вернется. Если только в Киеве не случится что-нибудь такое, отчего пришлось бы уносить ноги хоть в далекий Муром. Подумал – и сам ужаснулся такой мысли. Но мысль засела глубоко в потаенном уголке. Знать бы воеводе, насколько окажется прав, придет время, и князь Глеб вынужден будет бежать в Муром, спасая свою жизнь. Только это не поможет.

Новгород

Улицы Новгорода мощены дубовыми плахами с умом, мостники головами за каждое бревно отвечают. Если какое обветшает или прохудится, его тут же вон, это лучше, чем ноги ломать на негодном. И для снега, что тает весной, и для дождевой воды свои желобки в порядке содержатся. Но сейчас улицы завалены выпавшим ночью снегом. У дворов хозяева или их холопы уже расчищают сугробы деревянными лопатами. Молодцы новгородцы, с толком хозяйствуют! Спуски к мосту расчищены, чтоб сходить или везти что было удобно. Великий мост и впрямь немал, о семнадцати устоях, за которыми тоже тщательно следят. Мост разбирали, когда Добрыня пришел новгородцев крестить, потом пришлось восстанавливать. Сделали лучше прежнего, но память осталась. Зимой можно и по льду перебираться через Волхов, многие, кому до моста идти далеко, так и делают. Натоптаны дорожки через реку, наезжены. Торговый берег низкий, да и Софийская сторона невысока, там только Детинец на горе стоит, грозит врагу, если такой найдется, своими башнями. В Детинце городская скотница – казна, которую берегут, да хоромы епископские. От бывших княжых Ярослав отказался сразу по приезде, не глянулись ему, не легли к душе. Себе он двор поставил на Торговой стороне. Новгородцам такое решение князя понравилось, поддержали.

Ярославу терем сложили каменный, так, чтоб двор примыкал к торговой площади. По другую сторону гостевые дворы иноземных купцов приткнулись – Варяжский, Свейский, многие другие. Вроде защиту у князя ищут. А чего ее искать: торгуй по справедливости, веди себя уважительно – новгородцы не обидят. В городе любым гостям почет и уважение, если те без злого умысла приходят.

Ярославу очень полюбился этот вольный город, который и себе цену знал, и гостей принимать умел тоже. Хочешь торговать честно – милости просим в Новгород. А станешь обманывать – не видать милости на новгородском торгу! Стоило один раз нарушить данное слово, и купец лишался всяческого доверия, об этом знали и потому вели дела честно.

Понравилась и забота новгородцев о своем городе, каждый конец норовил у себя церковь поставить одна другой краше. И чтоб мостки выложены были лучше, чем у соседей, и чтоб парни на кулачках крепче других дрались. Только бои эти бывали до первой крови, стоило кому губу или нос расквасить, бой останавливался.

Сначала Ярослав дивился: шла стенка на стенку, а ни одного изуродованного или калечного не было. Оказалось, и здесь твердое правило: если дознаются, чьи люди виноваты, тот конец на год лишится права в праздниках участвовать. Большого позора, чем знать, что у тебя живет такой нарушитель, для кончанских старост не было. Честь своего конца берегли пуще собственного глаза.

В общем, нравился Ярославу этот город, а он сам нравился Новгороду. Потому как был любопытен, незаносчив, крепок, хотя и хром. Эта любовь к хромому князю останется у горожан навсегда, хотя много будет у них и стычек, и даже убийств! Зато свою «Правду» Новгород тоже получит от Ярослава, только уже киевского князя.

* * *

От Святополка из Турова приехал посланник. Тайно, чтоб никто не вызнал, а потому ему пришлось долго пробиваться к князю. Не потому, что Ярослав окружил себя охраной или был недоступен, а потому, что присланный боялся выдать кто он и зачем приехал. Но все же смог поговорить с глазу на глаз, как велено.

Князь с изумлением смотрел на то, как вспарывает подшитый низ своего кафтана человек, как достает оттуда смятый свиток и почти дрожащими руками протягивает ему. Но пробежав глазами написанное, вскинул их на гонца:

- Что на словах велено передать?
- Ничего, только отдать...
- Обратно поедешь?
- Если отпустишь, завтра.
- На что ты мне? – усмехнулся Ярослав. – Езжай. Ответ твоему князю сам дам.

Когда человек вышел вон, князь присел, все еще держа свиток в руке и крепко задумавшись. Послание было от Святополка, хотя... как он может быть уверен, что от него? Вместо печати отгиск какого-то перстня, то ли туровский князь побоялся свой след оставлять, то ли это чья-то подстава. Вот именно подставы и боялся Ярослав. Недругов много, а написанное в послании странно...

Святополк напоминал, что отец немолод и часто недужен. Привечает же больше Бориса, явно собираясь назвать наследником его. Но Борис по отчине и по дедине прав не имеет. Если и держать ему Киев, так только с согласия старших братьев.

Хотя и сказано не было, а понятно, что больше всех прав имеет сам Святополк. С этим Ярослав был согласен, он старший, да и рожден гречанкой скорее от старшего брата князя Владимира Ярополка, Киев должен быть его. Но у Святополка все западные земли.

Ярослав и без этого послания понимал, что оставь отец Киев на Бориса, и Святополк потребует своего. Зачем тогда советоваться с Ярославом? Но брат предлагал другое: загодя договориться о делении Руси! Мол, его по праву Киев и те земли, что под ним сейчас. Ярославу же Новгород и все, что за ним. А Борис с Глебом пусть остаются там, где сидят, – в Ростовских и Муромских землях. Это закрепляло то положение, что уже было и вполне самого Ярослава устраивало. Он прекрасно понимал, что держать Киев, сидя в Новгороде, не получится.

Через несколько лет князь столкнется с этой проблемой и действительно будет держать и Киев, и Новгород, по полгода проводя то там, то там. Но тогда в Киеве правил отец, а сам Ярослав еще не вполне справился с вольным Новгородом.

Он понимал, что Святополк прав, но принять такое, значило пойти против воли отца, а ведь именно его волей сам Ярослав поставлен на любимый Новгород. Да, князь Владимир собирался нарушить отчину и дедину, отдавая Киев своему любимцу, далеко не старшему сыну и, если честно, далеко не самому способному этот город держать.

Вот это и было главной бедой. Больше всего Ярослава мучило не то, что Киев будет не его, а понимание, что если завтра отца не станет и киевским князем будет Борис, то уже послезавтра под его стенами встанут печенеги, и кто знает, как повернет дальше.

А если Святополк? За ним придет его тесть, гнезненский князь Болеслав, объявивший себя королем. А Болеслав – это ляхи, которые тоже своего не упустят... И Ростовских земель с Муромом при Глебе не видать как своих ушей: либо отделятся, либо попадут в зависимость к Булгарии. Получалось, что Русь ныне держится только князем Владимиром, умри тот, и сыновья развалят ее по клочкам.

Где-то в глубине души он знал, кто способен удержать всю Русь крепкой рукой, но этого ответа боялся. Это означало пойти не только против отцовской воли, но и против старших братьев. Тогда война и разор русским землям. Святополк предлагал договориться загодя, вполне разумно и в его пользу.

Если бы князь Владимир при жизни переступил через свою нелюбовь к хромому сыну и назвал наследником его, кто знает, как повернуло бы. Вряд ли Святополк решился бы выступить против сильного Ярослава, которого поддерживал Новгород. Но произошло то, что произошло, Владимир не назвал наследника, при этом явно давая понять, что им станет Борис.

У Ярослава появилась мысль самому съездить в Киев и поговорить с отцом, открыто объяснив все и обещая не обижать ни Бориса, ни Глеба, ни кого-то из братьев. Почему он не посоветовался с Блудом на сей раз, не знал и сам. Нутром чуял, что это уже за пределами возможности кормильца. Князь и его заботы переросли Блуда.

От принятого решения полегчало. Лучше честно рассказать отцу все свои думы, и будь что будет. Что он сделает? Взъярится, накричит, но не посадит же в темницу? Князь умен, он должен понять, что Борис не сможет противостоять более сильным братьям. Во главе должен встать самый сильный. Если отец поймет и посадит в Киеве Святополка – так тому и быть, Ярослав подчинится, за ним останется Новгород.

Сделай Ярослав то, что задумал, кто знает, что было бы дальше. Но его закружили дела, решил съездить в Киев весной. А Святополку просто не знал, что ответить, потому пока тоже тянул.

* * *

Все старшие сыновья сидели по уделам, держали Русь. Князь мог бы и отдохнуть, но не получалось... Умерла горячо любимая княгиня Анна. Похоронив, словно осиротел.

А сердце ныло и ныло... И не только после тяжелых разговоров или дел, все сильнее тоска накатывала по вечерам, когда оставался в пустой ложнице один. Он везде один, любимые сыновья Борис и Глеб далече, а больше вокруг никого... При стольких детях Владимир был одинок.

Потому, когда нужный человек из Новгорода сообщил, что от Святополка к Ярославу был гонец с предложением заранее договориться о разделе Руси, стало совсем тошно. Весь день князь Владимир не мог ни с кем разговаривать.

И вдруг у него появилась совершенно неожиданная мысль. Сыновья делят за его спиной Русь оттого, что считают отца ни на что не годным стариком? Он им покажет на что годен! Пришло решение... жениться! Да, жениться на молодой девушке чинным браком и даже родить детей!

Эта придумка настолько заняла мысли князя, что он напрочь забыл обо всем остальном, и о своем больном сердце тоже. Твердо решив жениться, Владимир принялся размышлять, на ком. Греческая царевна у него уже была. Полоцкая княжна тоже. И чехиня была. И болгарыня. И русская боярыня. И даже монахиня-расстрига. Оставалось обратить взор на запад. Но о ляхх и думать не хотелось после неприятностей от Болеслава. А если сосватать кого-то из родственниц Оттона? О том, пойдет ли за него, уже имевшего внуков, молодая знатная девушка, почему-то не думалось, слишком сильна Русь, чтобы бросаться таким женихом, пусть даже и в возрасте.

В таких вопросах, как женитьба или просто завоевание женщины, князь никогда не тянул, решено – сделано. Сыновья с изумлением узнали о новом браке своего неугомонного отца. И чуть позже о том, что новая мачеха понесла! Вот вам и старый князь!

Предслава писала брату в Новгород:

– Новая мачеха Адиль моложе не только тебя, но и меня! Сколь княгиня Анна была бледна и тоща, столь эта румяна и пышна. Дети не заставят себя ждать. Кажется, мачеха уже непрадна, хотя как разглядеть? Пухлая, точно булка, высаженная из печи. И квохчет как наседка.

Ярослав хохотал:

– Князь решил всем доказать, что его силы на ложе неиссякаемы? Пусть старается. Пусть лучше воюет с женщинами, чем со своими сыновьями!

Это было жестоко, но справедливо.

И снова сыновья разделились. Святополк и Ярослав посчитали это блажью, недостойной великого князя, Святославу, как всегда, все равно, Мстислав посмеялся над чудачествами престарелого отца, только Борис и Глеб порадовались за него, приветствуя новую мачеху.

А новая княгиня оказалась действительно плодовитой, быстро понесла и родила дочку. Назвали Добронемой, а крестили Марией. Ее судьба сложится удивительно, через много лет Ярослав выдаст младшую сестру замуж за польского короля Казимира.

* * *

А потом в Киеве произошло что-то непонятное и страшное этой самой непонятностью. Князь Владимир вызвал к себе Святополка с женой и... посадил их в темницу. Их и еще священника княгини Рейнберна, каждого в свою, где бедолага священник быстро окочился!

Вести до Новгорода доходят с опозданием. Когда Ярослав узнал, ехать к отцу с разговорами было поздно. Он ужаснулся: неужто Святополк поговорил начистоту?! Но тогда следующая очередь за самим Ярославом, небось, старший брат рассказал о своей попытке с ним договориться.

А тут еще новгородские бояре под руку: к чему платить две трети дани Киеву, если защиты от него никакой, кто хочет в Ладоге хозяйничает! В Варяжском море и впрямь полный разбой, купеческие корабли грабит всякий, кому по пути попадутся, сами гости грозят прекратить возить товары к славянам или норманнам. И на Ладогу то и дело набеги. Держать в ней новгородскую дружину? Для такой крепость нужна хорошая, да и почему Новгород должен все сам делать, а дань Киеву отправлять?

– Чего хотите?

– Варягов надобно нанять, чтоб нашу Ладогу да ладьи охраняли!

– На варягов деньги нужны, и немалые.

– А вот Киеву не давай, на них и найдем!

Как ни крутил Ярослав, выходило, что новгородцы правы. Киев только дань берет, не давая взамен ничего. Но перестать платить означало отделиться – этого князь тоже не мог не понимать. И все же...

После вести о заточении старшего брата Ярослав решился.

* * *

Новгородцы когда-то попросили себе Владимира, потому как были совсем без князя, а сейчас у них есть свой. Сильный, умный, даже хитрый Ярослав. Новгороду нравился такой князь, и город готов поддержать его в отделении от Киева! Беседа закончилась тем, что тысяцкий Ярославу так и сказал:

– Город за тебя, князь! В обиду супротив Киева не дадим! Только, когда в Киеве сядешь, не забудь, как твой отец забыл, про помощь новгородскую.

У Ярослава раскрылся рот от изумления, он говорил только про отказ от дани, а горожане решили, что князь против Киева выступает? Так далеко его мысли не шли, вернее, шли, но совсем тайно, ни с кем не делился. Но возражать Ярослав не стал, сделал вид, что не понял. В это тысяцкий не поверил, с умом Ярослава мало кто может поспорить, потому знал Якуп, что все князь понял, а что говорить сразу не хочет, так на то, видно, свои причины.

По первой воде к Олаву Харальдсону и на варяжский Готланд поплыли посланники с приглашением варягов на службу к новгородскому князю. Желающих нашлось много, хотя и знали, что новгородский князь серебра на ветер не бросает, скуповат, но лучше уж скупому князю служить, чем совсем никакому.

* * *

А в Киеве князь Владимир тоже не сразу решился на заточение старшего сына с женой. Он знал, что Святополк в сговоре с Болеславом. За Туровским князем стояла вся его земля, да и среди других земель Руси сторонников немало. Многие города обижены Киевом, в стольный град издавна идет большая часть повоза, туда оттекают люди, великий князь забирает в дружину сильнейших, лучших. Киев стягивал на себя торговые пути, ослабляя другие города. Соперничать с ним мог только Новгород, но и тот все чаще против князя Владимира, и сидит там сильный Ярослав...

А теперь вот принесли весть про сговор двух братьев, будто от Святополка тайно был гонец к Ярославу. Им не о чем сговариваться, сидеть вдвоем на киевском столе не станешь, это не времена Аскольда и Дира. Владимиру бы позвать Ярослава и поговорить, но он решил начать со старшего, опасаясь, как бы тот, прослышав про приезд в Киев Ярослава, не принял свои меры.

Святополка вызвали в Киев под предлогом, что отец хочет земли загодя поделить меж сыновьями. С князем вызвалась ехать и его жена, а с ней священник Рейнберн, надеявшийся повлиять на Владимира своими советами.

Вот уж кого меньше всего хотелось слушать киевскому князю, так это советчиков Болеслава! Он долго приглядывался и к самому Святополку, пытаясь понять, насколько тот опасен. Туровский князь, не обнаружив в Киеве никого из братьев, осознал, что его обманули, но, не поговорив с отцом, уехать не мог, да это был бы побег, а за ним следили ежеминутно.

Может, князь Владимир на это и надеялся? Неизвестно. Только как ни тянул, а говорить пришлось.

– Зачем Рейнберна при себе держишь?

Святополк пожал плечами:

– Он с княгиней Мариной из Гнезна приехал. Ее духовник, как могу запретить?

Глаза князя блеснули недобрым светом:

– Болеславу все про тебя доносит?

– Пусть, я ничего плохого не делаю. – Хотелось возразить, что и киевских соглядатаев при нем немало, но смолчал, ни к чему зря злить князя, его пока сила. Пока...

– С Болеславом дружишь?

– Как не дружить, тесть он мне.

– А с Ярославом о чем сговаривались? Думаешь, не ведаю о твоём к нему посланнике в Новгород?!

Откуда было знать Святополку, что только это и известно князю Владимиру – что посылал он к брату в Новгород, а о чем посылал, никто не знал. Спроси князь Владимир иначе, просто поинтересуйся, о чем сносился туровский князь с новгородским, Святополк честно ответил бы, может, все и обошлось бы. Но глаза старого князя смотрели в глаза пасынка так, словно норовили вывернуть наизнанку его душу. Внутри у Святополка всколыхнулось все нехорошее, что копилось столько лет с самого рождения. Долго копилось, всю жизнь, зрело и вызрело. Вскочил, метнулся по горнице, в которой вели беседу, зашипел точно гусак на дворе:

– Мой Киев, по праву мой! Я за князем Ярополком, моим отцом, тобой убитым, Русь взять должен был. А ты не только меня принадлежавшего по праву на много лет, что сам в Киеве сидишь, лишил, но и теперь Борiske отдать хочешь?!

Святополк словно забыл, что говорит с великим князем, воспитавшим его как сына, что в его власти, что и возрастом ему в сыновья годен, что назван сыном еще до рождения. Говорил то, что много лет не давало покоя, о чем много лет думал.

– Не одного меня обходишь, князь, таким решением, и своих сыновей обижаешь. Перед Борисом старших много. Ярослав, Мстислав, Святослав...

Видя, что князь Владимир смотрит на него широко раскрытыми глазами, видно, не ожидал, что рискнет пасынок такие речи вести, Святополк вдруг остыл. Чуть устало добавил:

– Плохо ли, чтобы мы загодя с Ярославом свои наделы определили? Ему Новгород, мне по праву Киев...

Договорить не успел, лицо князя перекосила гримаса гнева:

– Вы... за моей спиной... Русь делить?! Я ее собирал! Я ее крепил и оборонял! Я!.. И отдам, кому пожелаю!

Глаза метали молнии, изо рта брызгала слюна, голос сорвался почти в хрип. Страшная боль сжала сердце, не хватало воздуха, губы посинели. Святополк кинулся к нему, стараясь поддержать. Как бы ни ненавидел он убийцу своего отца, но не помочь сейчас не мог. Не в силах ничего произнести, Владимир только оттолкнул эту руку, разрывая ворот рубахи, добрался до двери, потянул на себя и почти вывалился в переход. Стоявший у двери гридь бросился на помощь, кликнул еще людей. Святополк услышал только, как князь Владимир прохрипел, видно, указывая на него:

– В темницу! И его княгиню... и священника! Всех врозь... И не... вы... не выпускать... без... меня...

Приказ выполнили, в тот же день Святополк, Марина и Рейнберн сидели взаперти врозь. Посадить их прямо в узилище не решились, но держали под крепкими запорами, дожидаясь новых распоряжений князя. Кормили, правда, из княжьей кухни, все трое ни в чем отказа не знали, кроме одного – к ним никого не подпускали.

* * *

Князь Владимир после тяжелого разговора с пасынком приходил в себя долго. И никому сказать о том, что произошло, тоже не мог. В глубине души понимал, что Святополк и Ярослав правы. Оба достойны стать правителями после него, они самые сильные и умные. А сам Владимир невечен, вон как сердце прихватывает. Но именно то, что сыновья решили все без него, не попросили нижайше отдать одному Киев, а другому Новгород, не пришли под его очи с обещанием не обижать младших, а сами распорядились, сами справились, и доводило князя до иступления. Зубами скрипел с досады, а совесть подсказывала, что сыновья разумными оказались, что зря злится. И от своей неправоты становилось еще хуже, снова подкатывала к горлу желчь, а к голове дурнота, снова заходило болью сердце.

* * *

Святополка с его женой и колобжегским епископом в узилище посадил, а вот до Ярослава дотянуться не мог. Да и в чем обвинит? В том, что Туровский князь ему земли поделить предложил? Так ведь Ярослав ничего не ответил... В глубине души князь Владимир хорошо понимал, что Болеслав Святополка, а особенно дочери в темнице ему не простит, значит, война с Польшей? Пока Болеславу не до Руси, он воюет с немецким Генрихом, только это пока и спасет Киев от нападения, а потом? Разозлившись на прямые слова пасынка, князь отправил его с княгиней в темницу и теперь не знал, как быть дальше. Особенно почему-то Владимир был зол на Рейнберна, ему казалось, что епископ, призванный самой верою налаживать мир между христианами, плетет нити заговора против него, используя нестойкого Святополка.

Конечно, Болеслав не простил заточения своей дочери! Была ли ему так дорога Марина? Может быть, но гораздо дороже повод пойти на Киев войной. Договорившись с печенегами, польский король так и сделал. Над Киевом нависла серьезная угроза. В Ростов спешно поска-

кал гонец с требованием князю Борису прибыть в Киев. Русская рать отправлялась против недавнего друга и свата князя Владимира – польского короля Болеслава.

Болеслав уже основательно пограбил червенские и туровские земли. Киев спасло только то, что ляхи вдруг перессорились с печенегами. Никто не понимал, в чем дело, но Болеслав приказал перебить все печенежское войско, шедшее с ним, и повернул восвояси. Когда об этом князю сообщил загнавший свою лошадь, до самой шапки забрызганный дорожной грязью гонец, Владимир не мог поверить своим ушам! Он получал передышку, очень нужную передышку, чтобы собрать силы и выбить Болеслава из захваченных земель, примерно наказать печенегов за предательство и больше не позволять нападать на Русь.

Священник Десятинной церкви, Анастас, привезенный Владимиром еще из Корсуни, смотрел на молившегося у иконы князя и раздумывал. Как сказать Владимиру, что ему нужнее всего сейчас в Киеве сын Ярослав, который может привести с собой помощь с севера, встать во главе дружины вместо тихого и спокойного Бориса, объединить русичей вокруг себя? Боится Владимир Ярослава, может, и верно, что боится, тем более что тот сросся с Новгородом, пришелся по душе этому строптивому городу. Но еще хуже, если Ярослав встанет против, тогда Русь ждет разделение. Епископ хорошо знал, что киевские бояре совсем не жаждут власти Ярослава над собой, понимая, что тот уже новгородский, да только сам князь Владимир стар и немощен, а его любимый Борис с Русью сейчас не справится.

Владимир выслушал епископа молча, чуть поморщился, потом вдруг резко вскинул голову:

– Тебе кто это подсказал, новгородский епископ Иоаким?

Тот растерялся:

– Нет, сам так мыслю, князь. Князь Борис всем хорош, да только не ратник он.

– Не ратник? А хромый Ярослав ратник? И Волчий Хвост на что? Тебе бы за Бориса ратовать, который столько для Десятинной сделал, а ты!.. – Князь с досадой махнул рукой и отвернулся от епископа.

Тот не выдержал, возразил вслед:

– Я за Русь ратую.

Разговор с Анастасом разозлил Владимира, умом князь понимал, что епископ прав, Борису не удержать Русь даже с помощью Волчьего Хвоста. Злило его больше всего то, что это понимали все вокруг, в самом Киеве так и глядят в сторону опального Святополка, считают его законным наследником. Новгородцы спят и видят, как бы своего Ярослава над Киевом поставить. Раздражение князя росло с каждой минутой. Нужны были новые деньги и новые дружинники, как никогда нужна сильная власть, а он слабеет с каждым днем. Все тяжелее подниматься по утрам, одолевают болезни, которых в молодости и не замечал.

* * *

Но шли день за днем, а из Новгорода вестей не было. Зато приплывший по первой воде киевский купец, которому пришлось зазимовать со своими ладьями в Новгороде, вдруг попросился к князю. Владимир велел позвать, купец Антипий хорошо знаком. Пусть расскажет о том, как у князя Ярослава дела. Антипий вел себя чуть странно, вроде и хотел что-то сказать, и боялся. Владимир, уже поняв, что вести будут не самые хорошие, повелел:

– Говори как есть!

Антипий протянул что-то на раскрытой ладони. Князь переводил взгляд с его ладони на лицо и обратно, не понимая, в чем дело, наконец сообразил посмотреть ближе. Купец подавал ему монету. Рассмотрев ее у огня, Владимир рассвирепел:

– Да кто ему позволил?!

На монете значилось: «Ярославле серебро». Отсутствие новостей и вот этот серебряник означал только одно – Новгород отложился! Рука князя сжала монету в кулаке, ее края врезались в ладонь до крови. Таким Владимира давно никто не видел.

– Власти захотел?! Против отца пошел?! Готовьте пути и мосты мостите!

С ладони, порезанной новгородским серебряником, капнула кровь, но князь не заметил этого. Он велел спешно вызвать из Ростова Бориса с его дружиной, решив стереть с земли мятежного сына вместе с городом, который ему помогал!

А еще в Киеве вдруг принялись чеканить совсем иные монеты, чем те, которые князь Владимир выпускал до того дня. На них уже не было, как раньше, княжеского изображения, а только надпись: «Серебро святого Василия». Увидев одну такую впервые, Анастас покачал головой:

– Вспомнил, что Василием крещен...

Потянулись тревожные дни, Владимиру почему-то казалось, что без Бориса он никак не должен выступать в поход, а тому требовалось время, чтобы добраться из Ростова в Киев. Борис, которому отец не удосужился сообщить, для чего зовет, торопился как мог, гадая, что за срочность у князя. Решил, что снова Болеслав или печенеги.

Замер Киев, замер Вышгород, затихла в ожидании чего-то неведомого Русь.

* * *

Но спешно выступать на Новгород Борису не пришлось, его дружина и Волчий Хвост с киевской вышли на печенегов. Отдохнувшие от рати и собравшие силы левобережные печенежские князья готовы оторвать свой кусок от терзаемой разладом меж отцом и сыновьями Руси.

Воевода смотрел на князя и думал совсем не о том, что говорил ему Владимир. Нет, не печенегов боится он сейчас, не на них отправляет Бориса и киевскую дружину в Степь. Волчий Хвост все больше понимал, что князь не хочет, очень не хочет воевать с собственным сыном Ярославом! Да и тот, видно, тоже. Прошло немало месяцев, но ни отец, ни сын не сделали ни шагу друг против друга. Если, конечно, не считать, что в Новгороде полно нанятых Ярославом варягов, а в Киев прибыл Борис со своей дружиной. И на степняков князь Владимир посылает ратников попросту для того, чтобы не идти на север!

Владимир, заметив пристальный взгляд своего давнишнего воеводы, ходившего с ним еще на вятичей и ятвягов, рассерженно фыркнул, точно тот и впрямь застал его за тайными мыслями.

– Чего глядишь? Пойдешь с Борисом, он Степи не знает, надо помочь.

Волчий Хвост кивнул:

– Помогу, князь. То верно, лучше печенегов воевать, чем свой же Новгород.

Сказал и осекся, ответный взгляд князя был просто бешеным, губы его дрожали от гнева:

– Думаешь, я твоего Ярослава боюсь?! Раздавлю, как муху, одним хлопком! – Дернул головой, вскочил, резко зашагал по горнице, несмотря на боль в спине. Но долго не выдержал, снова вернулся на подушки. Вспышка гнева далась князю тяжело, задыхался, губы посинели, лицо покрылось пятнами, выступил холодный пот. Добавил уже чуть тише: – А не иду на Новгород пока только потому, что опасаясь нападок печенегов, пока дружина там будет. Уже не раз так бывало...

Воевода, подумав: «Сам себе лжешь, князь», вслух возражать не стал, но все же сказал:

– Ярослав за то время силы соберет...

Показалось или из-под бровей князя блеснул синий глаз? Таким взгляд Владимира бывал еще в молодости, когда тот придумывал что-то уж очень хитрое. Волчий Хвост оказался прав, сил у князя Владимира уже было мало, а вот ум его работал по-прежнему.

– Ярослав варягов нанял, чтобы на меня идти или чтобы от меня защититься?

– Мыслию, чтобы защититься, князь, не пойдет он просто так на тебя...

Взгляд Владимира действительно был с хитринкой.

– А я на него не нападаю. Что варягам делать?

Воевода с недоумением пожал плечами:

– Сиднем сидеть пока.

Что Владимир думает, что варяги, устав ждать, уйдут обратно, и тогда идти можно на Новгород? Нет, князь мыслил иначе:

– Что делают варяги, когда им нечем заняться? Вспомни Киев. – Воевода все равно не понимал. – Они начнут хозяйничать в городе! Вот тогда Ярославу придется либо отправить варягов обратно, либо выступить против меня первым.

Волчий Хвост замер, вот это да! Хитрость князя не иссякла, он и сейчас продумал все на много дней вперед. Все думают, что Владимир слаб, Владимир не может ни на что решиться, а он просто выжидает. Ждет, пока закончится терпение у старшего сына, когда его подведут наемники, а Борис с Волчьим Хвостом заодно печенегов погоняют, чтобы не напали в самый тяжелый час. В Новгороде у князя много своих глаз и ушей; если только Ярослав решит все же выступить, сразу сообщат, дружина успеет вернуться из Степи. Воевода кивнул:

– Разумно придумал, князь. Но тогда нам далече в Степь ходить не стоит...

– А кто вас далече гонит? По краю походите, главное, чтобы Ярослав знал, что дружины нет в Киеве.

Волчьему Хвосту очень хотелось спросить, что будет с Ярославом, если отец одержит над ним победу. Владимир, видно, почувствовал невысказанный вопрос, усмехнулся:

– Непокорные сыновья посидят под замком, пока Борис в силу не войдет!

– Борису не очень хочется княжить...

– Знаю! Да только выхода другого нет, некому, кроме него, остальные друг другу глотки перегрызут. – Тяжелый вздох князя говорил о том, как трудно ему давалось такое решение.

– А может, пусть бы правил себе Ярослав в Новгороде сам по себе. Все же он против Киева не идет...

– И ты туда же?! Как можно Новгородские земли сейчас отделять, когда и Болеслав против, и печенеги снова силу набрали?! Я Русь столько собирал, а теперь она развалится?!

Волчьему Хвосту хотелось возразить, что с Болеславом сам виноват, не посадил бы Святополка с его женой и священником в узилище, не было бы вражды с польским королем. Но, подумав, сам себе признался, что король был готов воевать с Русью всегда, только повода не было. И все равно не видел правоты в расправе со Святополком воевода, не понимал князя, как и многие другие. К чему Бориса на княжение сажать, если видно, что не по нему такое? К чему Ярославу крылья подрезать, пусть бы себе правил Новгородом, присоединил бы к нему еще много земель, тоже неплохо. И Болеслав, может, добром своему внуку гнезненские земли оставил бы, соединились те с туровскими, снова прибыток... Но князь рассудил по-своему, и не воеводе его поправлять. Волчий Хвост вздохнул, князь немолод уже, недужен вон, да и сам он тоже немало пожил, землю потоптал. Пусть уж другие разбираются...

Знать бы воеводе, как станут разбираться другие и каких бед это будет стоить Руси, может, настойчивей убеждал князя Владимира не ссориться с сыновьями, а дать им волю. Но он промолчал, а Владимир, ожидавший разумных возражений и не услышавший их, вздохнул: значит, верно поступает, хотя и тяжело все происходящее для княжеского сердца, для отцовского сердца. Как бы ни был люб послушный, мягкий Борис, но и о Ярославе сердце болело, и о Святополке тоже...

* * *

У новгородских пристаней полно ладей, которые товар почти не возят, даже шнеки свейские есть. У некоторых ладей носы выгнуты и изукрашены всякими чудищами, с палуб слышен звон мечей. Это варяжские ладьи. Поромонь-двор тоже гудит, варяжская дружина шумная, люди моря не привыкли сдерживать рвущийся из горла голос, хохочут так, что на всю округу разносится.

Купцы уже ворчать начали, лучшие пристани себе варяги взяли, точно хозяева в городе. На торге от них покоя не стало, ладно бы брали товар да торговались по обычаям, а то ведь норовят даром взять или просто так, забавы ради цену сбивают. Но хуже всего, что к новгородкам приставать начали. Женщины возмущаются, мол, что же вы, мужчины, с ними сладить не можете?! В городе растет недовольство варяжской дружиной, все чаще слышны голоса, что зря князь столько наемников позвал, ни к чему тут они. Или пусть бы поселил их у себя на дворе, а лучше в Ракоме, чтобы в Новгород не совались. До Ярослава уже доходили такие слова, пока князь лишь зубами скрипел, но поделаться ничего не мог. Варяжская дружина вроде сидит зря уже не первый месяц, но отпускать их нельзя, князь Владимир свою дружину собрал, Бориса из Ростова вызвал. Скрипел зубами князь и молчал, раздумывая, как быть.

Новгород уже открыто готовился к рати. День и ночь работали кузнецы, ковалось оружие, кончанские и уличанские старосты скликали людей, распоряжались подготовкой припасов, собирали коней, заботились о конской упряжи... Всем находилась работа, все понимали, что предстоит схватка с киевской дружиной. Только когда это будет? Город готов встать за своего князя.

* * *

Кто знает, за какой невидимой чертой заканчивается мир и начинается война? Войну ждали с юга, а началось все в самом Новгороде!

С утра ярко светило солнце, и летний день блистал всеми красками. Мальчишки визжа скатывались с берега в воду Волхова, не слыша материнских окликов, по мосту деловито спешили люди, каждый по своим делам, шумел Торг. Кнут Кривобокий с трудом разлепил глаза, щурясь от солнечного зайчика, упавшего на лицо. Ох и крепки меды у этих новгородцев, даже рослого, сильного варяга с ног валят! Голова не болела, но во всем теле какая-то истома, противившаяся любым движениям. Варяг зевнул и сладко потянулся. Делать нечего уже который день. Нет, даже не день, а месяц. Князь Ярицлейв позвал их себе на службу ради защиты от отца, но тот не нападал, и варяжская дружина маялась в Новгороде. Сбежать по округе пограбить нельзя, сами новгородцы и расправятся, это понимали все. От тоски не спасали даже ежедневные, вернее, вечерние попойки. Утром голова на удивление не болела, русские меды не оставляли похмелья, но слабость в теле была. Это и нравилось и не нравилось варягам одновременно. Слабость была приятной, разливалась непривычной для морских разбойников истомай, но она же лишала силы.

* * *

Кнут нехотя поднялся и, почесывая бок, выбрался из большой ложницы, где остались валяться в сонном бреду еще с десятков его собратьев, тех, кто вчера выпил еще больше. Кривобоким его прозвали зря, прозвище появилось тогда, когда он полгода ходил действительно перегнувшись на один бок из-за тяжелой раны. Но рану затянуло, Кнут выровнялся, а про-

звизг осталось, и никак от него не избавиться. Молодые варяги, пришедшие в дружину уже после, недоумевали: с чего бы такое? Кнут досадовал: не станешь же объяснять каждому про рану и бок! На дворе его внимание привлекла крупная, под стать ему самому, дворовая девка-холопка, несшая бадью с каким-то пойлом. Неожиданно заиграло ретивое, захотелось прижать девку в темном углу, а лучше на сеновале и... Понимая, что это не дело, Кнут отвел глаза, но желание не проходило.

Девка давно ушла, с трудом таща свою ношу, а варяг принялся раздумывать, где бы раздобыть послушную холопку, а еще лучше не челядинку, пахнувшую навозом или попросту потом, а томную черноволосую и черноглазую красавицу, каких в избытке доставляли купцы в накрученных на головах тряпках в любой торговый город. Любой, но только не Новгород! На Руси это не принято! А ведь тонкие станом, гибкие красавицы со смуглой кожей умели так искусно раззадорить мужчину, а потом принести ему наслаждение!.. Кнут даже зубами закрипел от такой мысли. Руки потянулись немедленно кого-то облапить, но на Поромонь-дворе женщин мало, все они довольно стары. Появилась мысль сходить развеяться на Торг, может, там удастся все же заполучить красавицу у какого-нибудь арабского купца?

Наскоро перекусив, Кнут засобирался уходить, с ним увязались еще трое, которым скучно сидеть сиднем и, конечно, тоже хотелось найти себе женщин. Остальные уже стали приходить в себя после вчерашней попойки и медленно выползали во двор. Уходя, Кнут огляделся и фыркнул: толку-то что проснулись, тут же улеглись досыпать на солнышке! Раскати-стый хохот варяга испугал нескольких ворон, усевшихся полюбопытствовать, что происходит на Поромонь-дворе.

Торг шумел как всегда. Варяги не пошли в ряды, где торговали кожами с их кислым запахом, не стали осматривать изделия кузнецов и бондарей, их не интересовали большие кади с зерном или сарацинским пшеном, конская упряжь и даже оружие! Они искали арабских купцов.

Ряд, где торговали всякими порошками и украшениями мужички в чалмах и цветастых халатах, нашелся не сразу. Конечно, он был подальше от кожемяк и конников с их пронзительными запахами, возле златокузнецов. Варягов никогда не пугал запах, даже вонь, но они понимали, что тонко пахнущие, дурманящие или горчившие порошки не станут продавать подле кислой вони от кож или конского навоза.

Кнут подошел к купцу в цветастом халате, сидевшему перед несколькими горками снадобий, и только нагнулся ближе, чтобы задать интересующий вопрос, как невесть откуда вынырнувший мальчишка вдруг с силой дунул на одну из горок, и она разлетелась прямо в лица варягу и купцу! От неожиданности и возмущения оба вдохнули, вместо того чтобы задержать дыхание. Пока они чихали и кашляли, потому как разлетелась горка жгучего перца, мальчишка сумел удрать. Вокруг от души хохотали новгородцы, не потому что были против варяга или купца, а просто от нелепости случившегося.

Кнут так злился, что даже не смог разглядеть пройдоху. Настроение было испорчено. Прочихавшись, он решил уйти совсем, но тут на беду рука сама потянулась к полненькой женской фигуре, оказавшейся рядом. Варяг с удовольствием облапил ее зад, мало задумываясь, к чему такое приведет. Молодка взвизгнула и отскочила. Все бы обошлось, но рядом оказался ее муж. Новгородец не из слабых, он наскочил на Кнута как петух на незваного гостя:

– Пошто бабу обидел?!

Варяг даже чуть смутился, может, впервые в жизни:

– Да не тронул я ее!

Но ушибнул, видно, сильно, женщина стояла, поневоле держась за то, на чем сидят, с глазами, полными слез и от боли, и от унижения. Муж то ли сильно любил свою жену, то ли просто посчитал себя слишком оскорбленным, продолжал наседавать на Кнута:

– Пошто вы, варяги, наших баб завсегда обижаете?! Вы для того князем званы, чтобы безобразничать?!

Трое варягов вмиг оказались в плотном кольце горожан. Та самая молодка уже отступила в сторону, а новгородцы все ярились. Припомнить варягам было что, они действительно безобразничали в городе, хватали попадающихся под руку женщин и частенько не только лапали, но и насиловали. Холопки жаловаться не рисковали, заступиться некому, а вот новгородки давали отпор и грозились рассказать мужьям. Рассказывали, может, и не все, потому как стыдно, но уже многие горожане знали о варягах-насильниках. Только Кнут никогда этим не занимался, умел если и облапить, то только холопку, и чаще с ее согласия.

Толпа, прижавшая варягов к одному из лотков, все наседала с криками:

– На новгородское серебро живете и нас же обижаете?!

– Пошто жен наших позорите?

– Пошто рукам волю даете, проклятые?!

Кнут с изумлением заметил, что большинство из наступавших на него сами бабы, их руки тянулись к его бороде – вырвать, к его глазам – выцарапать. Варяг все же сумел вырваться, оставив клочок своей одежды в руках у разъяренной толпы. Трое его товарищей пострадали от женских рук гораздо сильнее, были нещадно биты, раздеты и вернулись на двор уже ввечеру без портов. Но никто не рискнул посмеяться над бедами, все понимали, что и сами могли бы вот так оказаться в окружении взбунтовавшихся женщин.

* * *

А над Новгородом гудело било, созывая горожан на площадь Торга. Купцы спешно собирали товары, они лучше других понимали, что дело может кончиться плохо. Будь князь Ярослав в городе, может, и смог бы разрешить спор между горожанами и варяжской дружиной, но он, как всегда, жил в Ракоме. Туда даже звук вечеревого колокола не долетал.

На вече стоял крик:

– Пошто варяги нас обижают?!

– ...насильничают над нашими женами?!

– ...прохода не дают молодкам?!

– Доколе мы будем терпеть такое насилие?!

Кто крикнул: «Бей варягов!», неизвестно, только вся толпа, вооружившись кто чем мог, кто кольями из соседнего тына, кто оглоблей, кто попросту камнями, а кто и звонким мечом, бросилась к Поромонь-двору. Варяжская дружина, понимавшая, что может быть свара, однако никак не ожидала, что новгородцы нападут этой же ночью. Вернее, был вечер, когда сами дружинники сидели за ужином. Доесть не пришлось, расправа обозленных новгородцев оказалась крутой, перебили не одну сотню варягов! Остальные спасались, перелезая через тын двора и прыгая в Волхов в надежде добраться до другого берега и скрыться во владыччих покоях. Все же епископ не должен допустить избиения варяжской дружины!

К утру на Поромонь-дворе оставались только перебитые варяги да разбросанный повсюду скarb. Конечно, немало нашлось тех, кто поспешил воспользоваться суматохой и пограбить двор, но все же новгородцы больше мстили за свою поруганную честь. К князю уже усакал гонец с сообщением о ночной резне. Беспокойным выдался конец июля в Новгороде...

Никто не знал, что в Киеве и того хуже.

Вести из Киева в Новгород приходят с опозданием...

* * *

Ярослав мерил шагами горницу, заметно прихрамывая. Ему только что донесли о случившемся на Поромонь-дворе. Новгород посмел перебить значительную часть варяжской дружины! Да что они себе думают?! И это тогда, когда с юга грозит ратью отец! Набрать новую не удастся, не на что, да и варяги, прознав об избиении, сюда ни за какое золото не пойдут! Его дружина теперь мала, а со дня на день может прийти известие о том, что киевская рать, вернувшись от Степи, идет на Новгород! Бежать за Варяжское море? Только куда, теперь он повсюду князь, у которого горожане перебили дружину! Ярослав скрипел зубами и готов был собственноручно задушить новгородцев, предавших его! Ну пожаловались бы на насилие, он выгнал бы вон виновных, чтоб остальным неповадно было, а вот что делать теперь – непонятно.

* * *

Солнце уже всюду светило в окна, а князь все шагал и шагал по горнице. Гриди и холопы притихли, таким Ярослава давно никто не видел. Почему-то ему, всегда советовавшемуся с епископом, даже в голову не пришло прийти к Иоакиму или хотя бы позвать Коснятина! Все решил сам. Распоряжению князя поразились все, он велел с почетом позвать к себе знатных горожан, особо тех, кто обижен варягами и участвовал в их избиении. Дружина недоумевала, князь собирается мириться с новгородцами? Неужели он простит такую резню? Тогда ни один варяг больше не пойдет к нему на службу, никто не сможет простить позорную гибель товарищей, пусть и не кровных родичей.

Одновременно велел созвать и дружину. Все при оружии, смотрели настороженно, время от времени даже оглядывались вокруг, испуганно ища глазами, не прячется ли кто из новгородцев, чтобы напасть вдруг сразу на всех. Ярослав, заметив такое беспокойство, усмехнулся:

– Здесь опасности нет. – Его голос неожиданно загремел на весь двор Ракомы. – А в Новгороде сами виноваты, нечего горожанок обижать! Новгород не Готланд и даже не Ладога, здесь за свою честь постоять могут!

Дружина затихла, конечно, князь прав в своих укорах, но что же делать теперь?

– Я позвал к себе новгородцев, которые перебили варягов... – Князь понизил голос и с расстановкой добавил: – Позвал, чтобы наказать...

Он больше не стал ничего объяснять, круто развернулся и ушел с крыльца. Дружинники стояли, не решаясь не только двинуться, но и проронить хотя бы слово. Постепенно все же разошлись, но все также тихо и настороженно. Повисло тяжелое в своей неопределенности ожидание.

* * *

Епископ Иоаким ждал князя или хотя бы человека от него, вместо этого сообщили, что... Ярослав зовет к себе новгородских нарочитых мужей. Что он собирается делать, мирить их с варягами? Если так, то молодец, сейчас нельзя допускать ссор в своем доме. Но простят ли такое варяги? Может, Ярославу удалось убедить варяжскую дружину, что те сами виноваты? Ой ли...

Снова загудел вечевой колокол. Город решил, что князь кается за своих наемников и готов просить о замирении. Тогда почему бы не прийти на вече самому? Зачем зовет к себе в Ракому, куда бежали недобитые варяги и где сидит его собственная дружина? Идти опасно и не идти нельзя, князь не может без Новгорода, но и Новгород без князя тоже. Вече кричало

сотнями голосов, даже тысяцкий не мог справиться с множеством орущих глоток. Вдруг его взгляд упал на стоявшего неподалеку от помоста дьякона, Якун махнул ему рукой, чтоб поднимался. Охранявшие помост гриди живо расступились, пропуская голосистого дьякона. Его голос перекрыл все остальные, от неожиданности толпа замерла.

Тысяцкий шагнул вперед, опасливо поглядывая на Кучку, а ну как снова гаркнет? Тогда прощай, уши, надолго... Дьякон скромно отступил в сторону, как бы говоря: мы свое дело сделали, теперь ваша очередь, но с помоста не уходил: вдруг еще раз придется громогласно умирять новгородцев? Не пришлось. Постепенно и вече успокоилось, появилась уверенность, что князь действительно решил мириться, а сам в город приходить попросту боится. Решили отправить в Ракому, как и просил Ярослав, нарочитых мужей, ведь послание князя гласило: «Уже мне сих не кресити...» Это были слова примирения.

* * *

Ракома село небольшое, но вокруг очень красиво, и подступы охранять удобно. Князю здесь спокойно, нравится и его жене. Княгиня тиха и совсем незаметна рядом со своим мужем. Судьба словно нарочно свела двух таких разных людей, чтобы они сдерживали друг дружку. Синеглазая Ладислава, которую муж зовет Ладушкой, смешлива, как ребенок, шустро во всем, но очень покладиста и миролюбива. Все бы ей добром да ладом решать! Может, потому и Ладой названа? Ее очень обеспокоила собравшаяся вдруг на дворе дружина, но муж смотрел сурово, потому княгиня не посмела задавать ненужные вопросы. И все же поинтересовалась, не пойдет ли в Новгород, там, слышно, ночью варягов много перебили? Ярослав фыркнул, уже и до женщин докатилось, огрызнулся:

– Не лезь не в свои дела!

Но Лада даже не обиделась, не потому что была глупа, а потому, что поняла: у князя очень беспокойно на сердце. И то, с отцом разлад вон какой, чуть ни рать, варяги с городом не дружат, тоже опасно... Лада достаточно умна, чтобы понимать, как трудно Ярославу поступать так, чтобы не потерять ни одного из союзников. Другей у него не было.

Когда из Новгорода прибыло довольно много людей, княгиня сначала страшно перепугалась: вдруг пришли по княжью душу?! Но, увидев, что двор наполняется богато и совсем не походному одетыми горожанами, чуть успокоилась, видно, пришли мириться. Князь встретил на красном крыльце, приветствовал так, что и не поймешь – рад ли, недоволен ли. Новгородцы смотрели на Ярослава, одетого в зеленый бархатный кафтан и такого же цвета сафьяновые сапожки, и ждали. Князь поклонился горожанам, приветствуя, но глаза все равно смотрели зло, настороженно. И то, кто же будет рад, если дружину перебили? Кое-кто из самых ярых даже приосанился, мол, видал наших? И варяги нам не указ, захотели и побили их, тебе, князь, это наука, наша воля в Новгороде! Таких Блуд сразу взял на заметку, им нельзя дать уйти, забаламутят город сызнова. Сам воевода стоял в стороне, помалкивая и делая вид, что происходившее на дворе его не касается. Но зыркающие во все стороны глаза выдавали интерес.

Ярослав подождал, пока пришедшие успокоятся, потом вдруг рывкнул:

– Побили варягов и рады?! Забыл Новгород, что за смерть чужеземца в городе смерть положена?!

Такого не ожидал никто, да, действительно в Новгороде смерть чужеземца карается смертью или, если сумеет бежать, изгнанием виновного, но мало кто это относил к ночной резне на Поромонь-дворе, казалось, что если уж все сразу, то о каком наказании может идти речь? Раздались возмущенные голоса:

– Да ведь они наших женок обижали!

– Разбойничали, князь, варяги-то!

– Ровно хозяева себя в Новгороде вели!

– Да и на Торге тоже...

Не давая горожанам заяриться, Ярослав снова гаркнул на весь двор не слабее Кучки, и откуда только голос взялся:

– А вы мне, своему князю, про то жалобы говорили?! Меня разобратся просили?! Я князь, и я суд вершить должен, а не вы разбой!

Новгородцы вдруг поняли, что не мириться позвал князь, а наказать, кое-кто опустил голову, признавая вину, верно, должны были князю на варягов пожаловаться, на вече его позвать, там крикнуть, а не бить наемников ночью. Только все равно казалось очень обидным, что свой же князь готов покарать новгородцев за чужаков.

– Вы не только против варягов пошли, но и против меня, сами суд учинив. Потому будете наказаны – биты, как и варяги!

Последние слова заставили поднять головы и опустивших их. Что?! Биты?! Но возразить не успели, мало кто и отбил, а уж удрать через запертые ворота вообще смогли двое-трое.

Ярослав, резко повернувшись, скрылся в тереме. Якун не мог поверить ушам и глазам – князь убивал новгородцев за варягов! Он стоял не шевелясь, пока чей-то меч не рассек голову, залитые кровью глаза все смотрели вслед ушедшему Ярославу, последней мыслью было: «С кем же ты останешься, князь?» Спросить не успел, солнце погасло в очах тысяцкого.

* * *

В горнице возле окошка стояла, сцепив руки и прижав их к губам, Лада. Ее синие, всегда веселые глаза были полны слез и ужаса. Она смогла только спросить:

– Зачем?

Дыхание перехватило, но Ярослав не ответил, выскочил в переход так быстро, как только позволила больная нога. Хотелось самому кого-нибудь загрызть, руки сжимали рукоять меча так, что суставы побелели, дыхание хрипело. Все, все против! Повинуясь напору новгородцев, он пошел против отца, значит, в Киев дороги нет! Варяги перебиты, потому за море тоже! Новгород ему этого избиения не простит. Все против него!

* * *

К вечеру все, кто участвовал в походе на Поромонь-двор, были либо биты по княжьему приказу в Ракоме, либо спешно бежали из Новгорода, боясь его мести. Новгород затих, ожидая новых расправ. Но сами новгородцы не были едины, нашлись те, кто посчитал князя правым, ведь на варягов действительно надо было попросту пожаловаться... Никто не мог теперь понять, почему этого и впрямь не сделали, почему сами пошли убивать. За убийство чужестранцев в городе всегда жестоко карали, иначе нельзя, иначе никто не станет торговать в Новгороде, понимая, что могут обидеть. Не раз случалось, что новгородец оказывался в опале, хотя и бил за дело. Тогда его изгоняли и не пускали в новгородские земли, пока не выплатит виру – выкуп за убийство. Но то купцы, они не ходят по городу ватагами, не задирают чужих жен, не ведут себя как хозяева.

Ярослав сидел в горнице один, даже не зажигая свечи, весь остаток дня и вечер. Гриди осторожно заглядывали в дверь, но натыкались на ярый взгляд и исчезали обратно. Не зовет, значит, не суйся. Князь сколько дней уже не в себе, ярится и ярится!

На дворе спешно убирали убитых, посыпали песком кровавые следы. Княгиня тоже сидела одна в ложнице, вернее, лежала и плакала. Она не могла поверить в такую жестокость своего мужа. Убить стольких безоружных людей... Они, конечно, были вооружены, но ведь не на бой же шли, не ожидали убийства. Иногда закрадывалась мысль, что и убитые варяги тоже,

но казалось, что посеченные новгородцы гораздо важнее чужих варягов. У них же семьи, дети, а у наемников нет...

* * *

Наступил трагичный июнь 1015 года.

В Берестове умер князь Владимир. Это все, что известно достоверно, в остальном такая сумятица, что пока разобраться невозможно. Расхожая версия русских летописей: злодей Святополк, неизвестно как выбравшись из темницы, сначала раздает киевлянам богатые дары, а потом отправляет убийц к двум своим братьям – Борису и Глебу. Невинно убиенные братья ныне причислены к лику святых. Никто их святости не оспаривает, но...

В июне 1015 года старшие сыновья князя Владимира были кто где. Святополк сидел в узилище в Киеве, Ярослав собирал войско в Новгороде, Борис зачем-то гонялся по степи за печенегами, которых не было видно и в помине, Глеб жил в Муроме, Мстислав далеко в Тмутаракани, Судислав тихонько во Пскове, а Святослав у древлян. Остальные были еще слишком малы, чтобы ввязываться в драчку со старшими за Киев.

Из Владимировичей реально побороться между собой могли только Святополк, за которым стоял польский король Болеслав, Ярослав, у которого была мощь Новгорода, и Борис, уведший дружину отца гоняться за печенегами. Глеб в далеком Муроме не был страшен никому. Борис особо к власти не рвался и, по словам летописи, сразу объявил, что признает того же Святополка старшим братом (правителем, которому нужно подчиняться). Мстиславу изначально Киев не был нужен, ему хватало Тмутаракани.

Кому помешали два блаженных любителя духовной литературы? Кто, вернее, для кого убили Бориса и Глеба? На сведения летописей полагаться не стоит, во-первых, рассказ об этом преступлении явно вставлен позднее, во-вторых, он настолько не выдерживает критики, что даже разбирать не хочется.

На что же можно полагаться?

Есть еще скандинавские саги, например «Пряди об Эймунде», повествующие о похождениях двух неприкаянных бывших конунгов Эймунда Рагнара. Из потока похвалы в адрес этих героев можно выудить, что они действовали по собственному разумению, но в интересах конунга Ярицлейва. Действовали как настоящие киллеры, то есть сначала проникли в шатер к Бурицлейву, а потом и, видимо, Глебу, обезглавили и принесли голову последнего как доказательство содеянного конунгу Ярицлейву.

Не правда ли, похоже на Ярослава, Бориса и Глеба? Все бы ничего, но уж слишком много несуразицы в описании Руси, ее городов и обычаев. Неудивительно, ведь сага не учебник истории Руси, она рассказывала о «подвигах» определенных «героев», в чем весьма преуспела. Кроме того, эти двое еще долго будут служить на Руси у... племянника Ярослава, полоцкого князя Брячислава. А из остального описания «подвигов» складывается впечатление, что убивали-то они не Бориса-Борицлейва, а... польского короля Болеслава, которого тоже звали Борислейвом! Если вспомнить, что скандинавы часто отождествляли Святополка с его тестем Болеславом (особенно если учесть, что сага написана через пару столетий после самих событий), то вполне возможно, что от рук «помощничков» пострадал Святополк, а не Борис.

Кто в таком случае убил Бориса? Да мало ли... Глеба вон прирезал собственный повар Торчин! Повара умеют не только яд подсыпать в кашу, но и ножом орудовать тоже...

Узнаем ли мы когда-нибудь правду? Скорее всего, нет. Эта правда была невыгодна многим, а потому следы давно замечены и присыпаны песочком, нет их.

* * *

А еще есть документальное подтверждение, что византийский император Василий Болгаробойца обращался за помощью для наведения порядка в Крыму к... брату киевского князя Владимира Сфенгу! Есть немало свидетельств существования такого сына князя Святослава Игоревича. Именно Сфенг правил Тмутараканским княжеством и его, а не Владимира, сын Мстислав после смерти (или гибели?) отца получил это княжество в наследство.

Русские летописи о Сфенге скромно умалчивают. Почему? Дело в том, что по «отчине и дедине» именно он имел больше всего прав на киевский престол после смерти Владимира, так как сыновья синеглазого князя были его племянниками. А Ярослав получался дважды узурпатором – старше него был дядя Сфенг и брат Святополк. Сфенга «замолчали» совсем, благо тот в Киеве практически не бывал, а на Святополка «навесили» то, чего в принципе не могло быть.

Итак, стоит помнить о существовании Тмутараканского князя Сфенга (Тмутаракань находилась на побережье нынешнего Азовского моря, напротив Керчи, на противоположном берегу Керченского пролива, тогда называвшегося Боспором Киммерийским). Существование этого сильного брата у киевского князя Владимира объясняет множество несуразиц и нелепиц в грубо правленных русских летописях.

* * *

Князь умер, теперь главной заботой боярина Путши было освободить из-под стражи Святополка и посадить его на княжение в Киеве. Это нетяжело, потому как сам Путша опального князя и охранял. Стоило только поторопиться, чтобы Святополк был уже в Киеве, когда туда из Вышгорода привезут тело его отца.

Пока все остальные занимались умершим князем, Путша метнулся в темницу. Дрожащими руками открывая замок, прикидывал, что потребует для самого себя за такую оказанную услугу.

Но услышал то, чего никак не ожидал:

– Нет!

– Как нет, князь?! Кому как не тебе брать под себя Киев?

– Нет!

– Для того ли тебя спасали, чтобы ты ныне удирал, точно набедокуривший хорь из курятника? Кого боишься? Ярослав в своем Новгороде, слышно, с варягами перессорился, Борис слаб...

– Сфенга боюсь!

У Путши откровенно полезли на лоб глаза:

– Этого-то что?! Сфенг отродясь из своей Тмутаракани носа не высывал и ныне не будет.

– Ты уверен? А с чего тогда отец столько лет городился?

– От степняков, вестимо.

– Степняков?.. В сговоре со Сфенгом они печенегов побили бы за одно лето. В том-то и беда, что такого сговора не было... У кого по отчине больше прав на Киев, у меня или у Сфенга? Молчишь? Вот то-то и оно... Меня киевляне и так не слишком любят, а супротив отчины и дедины пойду, так вовсе сами на березе вздернут или порвут, как древляне прадеда порвали.

Путша смотрел на молодого князя с сожалением. Почему-то пришла мысль, что Ярослав не стал бы задумываться, взял Киев под себя, а потом пусть спрашивают!

– Мыслию, отец Бориса не против печенегов отправил, а чтоб Сфенга в Киев не пустить.

– Волков бояться – в лес не ходить! – махнул рукой Путша, жалея, что не на того рассчитывал. Святополк еще что-то говорил, но Путша его уже и не слушал, задумавшись о своем.

Киевским боярам к кому ни кинь – всюду клин выходит. Ярослав своих новгородских приведет, им честь и почет будут. Борис не выдюжит с братьями бороться, зря на него князь Владимир рассчитывал. Остальные совсем слабы. Ежели Сфенг из Тмутаракани явится, то вовсе худо будет, он никогда киевских бояр не любил, Путше вообще хоть беги куда. Мог бы Святополк побороться, за ним тесть сильный стоит – Болеслав польский, так вон трясется князь, как осиновый лист на ветру, от одного упоминания дяди.

Вдруг мелькнула мысль о Болеславе. Этот тоже не задумался бы! Но Болеславу не до Руси и Киева, со своим бы управиться, на него немецкий Генрих насаждает. Киевом займешься, как бы свое не потерять. Эх, слабы сыновья у Владимира, слабы!.. Один крепок – хромец Ярослав, но тот новгородский, а меж Киевом и Новгородом никогда соперничество не ослабнет, никогда!

– Да ты меня не слушаешь?! – Возмущенный голос Святополка заставил Путшу вздрогнуть.

– Слушаю, князь, слушаю.

– Нет, не слушаешь! Я говорю, что надо Марину вызволить и бежать с ней подальше и поскорее, пока тут еще и Сфенг со своими не явился.

– Беги пока один, Марину позже к тебе отправим...

И чего заупрямился? Княгиню Марину-то освободить и вовсе труда не составляло, только замок сбить, ежели быстро ключ не отыщется. Но Путша почему-то не стал этого делать. Даже сам себе не сознался в тайной мелькнувшей вдруг мысли: оставить Марину как гарантию своей собственной безопасности! Все же княгиня, за нее и с Болеславом поторговаться можно, тот дочь всегда выручит...

Ждал, что Святополк взбеленится, начнет требовать свое, но князь вдруг сник. Боярин живо этим воспользовался, принялся убеждать, что если не хочет попасть в полон к тому же Сфенгу, то надо бежать скорее самому.

– Тебе-то погибель грозит от братьев и дяди, а княгине ничего. Вызволю – к себе ее заберу, если что, пересидит у меня, пока сможем к тебе либо к отцу переправить.

– Лучше к отцу, – оживился Святополк. – У него надежней.

Путша, уже осознавший, что Святополк не рискнет брать власть в Киеве себе, теперь меньше всего думал об этом князе и больше о своей собственной выгоде. Теперь Святополк ему мешал.

* * *

По беспокойству, вдруг возникшему вокруг, Марина поняла, что произошло что-то очень важное. Этим «что-то» могла быть только смерть заболевшего вдруг князя Владимира. Грех, конечно, христианке радоваться смерти христианина, тем более свекра, но сейчас княгиня обрадовалась. Махнула рукой служанке, чтоб сходила, разведала, что и как. Славка часто миловалась с охранником, что у наружных дверей, потому вполне могла выбраться из дома, если тот не знал о происшествии сам. Единственное, чего побаивалась Марина, – что Славка вместо разведки отправится с охранником на сеновал, как бывало уже не раз.

Та не возвращалась долго. Марина осторожно выглянула из своей ложницы, прислушалась. Тихо... Попробовала окликнуть служанку, потом gridя, просто покричать: «Эй!» Но в ответ ни звука. Это означало, что дверь открыта, можно и бежать. Только куда? Почему-то стало страшно, вокруг ночь, чужие, недоверчивые люди, муж неизвестно где, где-то в Киеве, жив ли? Да и на защиту Святополка она совсем не рассчитывала. Отец тоже хорош, вроде

собрался дочь вызволять, потом передумал, немного повоевал и остановился. Может, теперь, когда князя Владимира нет в живых, решится?

Марина мысленно ахнула: грех это, о живом думать как о мертвом. Но внутри росла уверенность, что помер Владимир.

А утро все не наступало, и служанка не возвращалась. Откуда Марине знать, что юркая Славка попалась не вовремя под руку заговорщикам, тайком выносившим тело князя из терема, и поплатилась за это жизнью.

Прокричали уже третьи петухи, вот-вот рассвет, а служанки все нет. Неужто и она сбежала, почувствовав свободу? Не в силах успокоиться, Марина то садилась, то снова вставала и мерила шагами небольшую ложницу, в которой ночевала. Несмотря на теплое июньское утро, она куталась в большой плат, из-за беспокойствия было знобко. Она нервно щелкала костяшками пальцев – привычка, которую терпеть не мог Святополк. Но теперь было не до привычек и не до мужа.

С дальней улицы послышалось мычание – это выгоняли коров в стадо, перекликались люди. Отчего-то сжало сердце. Сама не зная почему, Марина вдруг осторожно, стараясь не шуметь, закрыла большущий засов на двери. Снова прислушалась, нет, тихо, только слышно, как колотится сердце.

Постепенно она немного успокоилась. Но, уже собравшись вернуться на ложе, вдруг услышала чьи-то осторожные шаги. Это не могла быть дуреха Славка, та всегда топает, как гридь, потому сердце у Марины сжалось от страха. Но она тут же мысленно осадила сама себя: если бы шли убивать, то напротив, не стереглись бы. Мысли метались, как мыши, застигнутые котом, подумалось, что убивать тоже можно по-разному, ежели ядом или тайно, то стереглись...

За те несколько мгновений, когда слышала шаги и кто-то стукнул в дверь, передумала сколько, что в другое время хватило бы на день.

– Кто? – Голос у княгини от испуга был хриплым. Путша даже засомневался, не мужик ли у нее.

– Княгиня, открой, это боярин Путша.

– Чего тебе надо ночью-то?

Как он прошел мимо стражи или ее и впрямь внизу нет?

– Князь помер...

Боярин не рискнул назвать Владимира по имени, а у Марины ухнуло сердце: не Святополк ли? Ей не очень был нужен муж, но его смерть могла означать и ее собственную гибель.

– Ка-какой князь?

– Старый. Открой, не время бояться.

Дрожащими руками Марина отодвинула засов. Путша скользнул внутрь так, словно был вдвое тоньше собственного объема. Тут же прикрыл дверь обратно. Не обращая внимания на то, что Марина не совсем одета, тихо и быстро заговорил:

– Князь Владимир помер. Пока суд да дело, надо бежать! – Видя, что та не совсем понимает, что сказано, добавил: – Тебе бежать надо!

– А... а Святополк?

– Он уже бежал, я помог. Собирайся.

– А где Славка?

– Кто?

– Служанка моя, Славка, пошла узнать, что случилось. Где она?

Путша смотрел на жену Святополка и злился, муж нерешителен, жена нашла время о служанке заботиться!

– Не ведаю я, где твоя служанка. Самой бы уцелеть!

Марина хотела сказать, что без служанки не справится, но потом сообразила другое:

– А куда бежать?

Путша еще раз оглянулся, словно опасаясь, что его услышат, и совсем тихо сообщил:

– У меня пока спрячешься, а после переправлю тебя к отцу. Князь туда доберется сам.

Только тут наконец до Марины дошло, что князь Владимир умер, в Киеве хаос, а муж уже бежал. Она словно очнулась от сонного состояния, метнулась по ложнице:

– Сейчас, я быстро!

Путша сообразил, что собирать хозяйку должна служанка, но искать дуреху времени не было, потом только попросил:

– Ты многое не бери, у меня, чай, не в узилище, моя баба все даст.

– Я только свое, чего оставить нельзя. – Марина и впрямь собирала только иконы, пару книг и кое-что из совсем личных вещей.

– Накинь что сверху, чтоб не сразу поняли, что это ты. Ни к чему лишних глаз, да и рассвело уже.

– Отвернись! – вдруг резко скомандовала княгиня. – Отвернись, говорю!

Путша подчинился, злясь на надменную польку, нашла время наряжаться! Сказано же, что боярыня все даст.

– Пошли! – Марина переделалась быстро. Но когда Путша повернулся, то едва узнал княгиню. Та поверх своей одежды натянула, видно, Славкину, перед боярином стояла толстая, замотанная платом баба. Не знай он, что это Марина, не сообразил бы. Путша протянул руку за узлом, который тащила баба, но та отвела руку в сторону:

– Ты что, боярин, нешто можно холопкины вещи таскать. Сама я...

Тихо засмеявшись, Путша первым шагнул за дверь. Да, такую просто так не возьмешь! Это не Святополк, этой дай волю, так и под себя Киев возьмет! На мгновение, всего на мгновение мелькнула такая шальная мысль, но боярин даже додумывать ее не стал. Марина и вовсе не имеет прав на Киев, это не Ольга, которая осталась вдовой с малыми детьми. Эта княгиня совсем чужая Киеву, она может стать только разменной монетой, когда Путше придется выторговывать жизнь себе. Но для этого такую «монету» надо было припрятать и не упустить. А еще чтоб до поры никто не узнал о ее местонахождении.

От небольшой избы, в которой под замком жила жена опального сына киевского князя, быстрым шагом удалялись двое – присматривавший за княгиней Мариной боярин Путша и какая-то девка, тащившая узел. Но всем было не до них. Пронесся слух, что помер сам князь Владимир!

Гудел Киев, гудел Вышгород, люди тянулись к Десятинной, потому как говорили, что князя положили там. Одно то, что князь помер, а другое – кто наследником будет?

Простому люду что? Им лишь бы поборов поменьше да жизнь спокойней. А вот бояре да купцы, что поторовитей, забегали, заперезживали... Под кого вставать, под кого голову клонить? А ну как просчитаешься и не к тому примкнешь? Кузнец может лишиться своей кузни, но умение при нем останется, усмошвец и в малом городишке свои сапоги да порошни шить будет, кожемяка тоже работу найдет... А вот купец, коли разорят дочиста, может и не встать снова на ноги. Не говоря уж о боярах, которым и вовсе головы лишиться можно.

Вот и ломали головы, трясли бородами. Кинулись освобождать Святополка, все же как-никак князь, да старший сын Владимира, а того нет! Бежал Святополк из-под стражи, пока с его отцом суетились!

Путша вместе со всеми охал и ахал, делая вид, что ничегошеньки не ведает о побеге Святополка, поминутно крестился и в то же время зыркал по сторонам глазами, точно проверяя, как ведут себя остальные. Он уже успел отправить Марину в дальнее свое селище под пригляд верного слуги Порони, ей дали расторопную, но не менее преданную служанку Талю. И Пороне, и Тале было строго наказано бегства княгини не допустить, если что, так и особенно ее не жалеть. А пригляд чтоб был ежечасный:

– Ни на минуточку глаз с нее не спускать! Ежели сбежит, так я с вас самих шкуру спущу! Она хитра, а вы будьте хитрее. Но чтоб и обиды ей не было никакой!

Пороня только затылок поскреб, а хитрая Таля заверила боярина:

– Не бойсь, не упустим.

Путша надеялся на изворотливость Тали и силу Порони.

Он так задумался о Марине, что не услышал, как сбоку осторожно подошел боярин Еловит, потому, когда Еловит осторожно окликнул его, даже вздрогнул.

– Ты чего это дергаешься? Рыльце в пушку?

– Чего? Какое рыльце?

– Святополка ты выпустил? А княгиню его?

– Тыфу на тебя! Мелешь что ни попадя! – разозлился Путша. – Не ровен час услышит кто!

– А ты не трусь, я не из болтливых. Поговорить нужно. Отойдем?

Но говорить об опасных делах в Десятинной негоже, слишком много ушей и глаз, потому не спеша, хотя обоих так и подмывало торопиться, зашагали к дому Путши. По пути со скорбным видом кивали всем приветствовавшим, сокрушенно качали головами, мол, какое горе, Еловит даже слезу с глаз утер, чем немало подивил Путшу.

Они надежно спрятали жену опального Святополка, настолько надежно, что она больше вообще не появилась в Киеве. Хотелось поторговаться с ее отцом, польским королем Болеславом, но тот взял Киев не сразу, а когда взял, торга не вышло. Княгиня исчезла неведомо куда, судьба ее неизвестна.

* * *

Ночью к терему в Ракоме подъехал всадник. Его долго не хотели пускать, подозревая неладное, вдруг новгородцы таким образом пытаются выманить стражей и отворить ворота? Только после того, как гонец объявил, что он от княжны Предславы к князю, а стражи убедились, что за спиной прибывшего никого нет, ворота приотворились. Гонец въехал, спрыгнул наземь и потребовал спешно отвести его к Ярославу.

Дружинник сокрушенно покачал головой:

– Не ко времени, погодь хоть до утра. У нас тут такое днем творилось, что и вспомнить страшно.

Но гонец возражал:

– Некогда ждать, в Киеве тоже такое, что как бы нам всем за голову не схватиться!

Больше ничего говорить не стал, не велено, но что-то в его голосе заставило гридей все же пойти к князю. Ярослав, услышав, что спешный гонец от сестры, приказал вести к себе.

– Что? – Он уже ждал чего угодно, даже что отец примирился с Болеславом или печенегам, чтобы побороть его. Беда никогда не приходит одна, сейчас, когда ему попросту некуда деваться, из Киева не могли прийти хорошие вести. Ждал чего угодно, но того, что узнал, не ожидал никак.

Гонец протянул грамоту, писанную рукой Предславы. Глядя поверх нее на дружинника, Ярослав развернул. Но стоило вчитаться в первые строки, как о гонце было забыто. Предслава сообщала, что умер отец! Князь Владимир сильно разболелся и отдал богу душу в Берестове. Первым о том узнал Святополк, нашлись бояре, что помогли ему выбраться из узилища и взять Киев под себя. Князь Владимир похоронен в Десятинной рядом с княгиней Анной. Но самое страшное не то – Святополк послал убийц к Борису, и брата больше нет. И на Глеба тоже послал убийц. Очередь за самим Ярославом!

Ярослав смог только прохрипеть:

– Когда?..

Гонец, все еще стоявший в ожидании приказа князя, почему-то шепотом произнес:

– В середине июля...

Получалось, что времени прошло немало. Ярослав закрыл глаза, пытаясь собрать мысли воедино, не получалось, одна опережала другую. Отец умер, Святополк, который совсем недавно сам предлагал ему стовор, теперь убивает братьев и, если верить Предславе, а ей нельзя не верить, готов убить и его самого! А у него перебита дружина и разлад с Новгородом.

– Почему раньше не сообщили?

– Никак, князь, княжна в обход князя Святополка меня отправила, попался бы, головы не сносить.

– Святополк дружину на меня собирает? – Ярослав кусал губы от волнения.

– Пока нет, но готовится.

– Иди, – махнул рукой князь. Ему нужно было остаться одному, попытаться хоть что-то придумать.

Ярослав раз за разом перечитывал послание Предславы, хотя уже давно знал его наизусть. Какая же умница сестра, что сумела предупредить!

Полная луна высвечивала каждую кочку на дворе. Его уже убрали, но память осталась... Ярослав стоял перед раскрытым окном, не замечая ни луны, ни заметно крепчавшего перед рассветом ветерка. Утро застало князя все так же перед окном. Какой-то холоп, вприпрыжку несущийся через двор, чтобы успеть затопить печь в поварне, замер, увидев Ярослава, стоявшего истуканом со сложенными на груди руками.

* * *

Первым, кого позвал к себе князь, был Блуд. Но князь уже давно не советовался со своим кормильцем, только приказывал. Иногда Блуд даже вздыхал, зря он так, со стороны виднее... Вот и вчера тоже, Блуд не стал бы избивать новгородцев, лучше было взять с них большую виру, и себе польза, и им урок на будущее – не иди поперек князя! А теперь вот как с городом говорить? Даже Блуд не мог придумать, с чего начать. То есть понимал, конечно, да только князю это дорого обойдется, многим жертвовать надо будет. А так, нанял бы на ту виру еще больше варягов, чем на Поромонь-дворе перебили...

Так размышлял бывший княжий кормилец, с кряхтеньем поднимаясь по ступенькам крыльца. Не спал князь всю ночь-то, не спал... Рано поутру вон зовет. Ага, как дел натворить, так без Блуда, а как исправлять, так и старый воевода надобен стал... Блуд ворчал, но радовался, что снова нужен Ярославу. Снова будет хоть на что-то годен. Князь и впрямь не спал, глазища вон какие, ввалились глубже некуда. Воеводе стало жалко своего воспитанника; умный, расчетливый, решительный, ему бы княжить и княжить, а вон приходится...

Ярослав уставился на Блуда каким-то странным взглядом и вдруг велел:

– Пойдешь в Новгород, пусть собирают вече. Да только на поле, а не в городе.

– Что?! – изумился тот. Чего его на вече-то несет? Вчерашнего новгородцы не простят, для вечера рановато, сначала надо поговорить кое с кем, подарки поднести, горожанам что-то хорошее сделать, а уж потом на площади орать, как вчера смог.

Но Ярослав не собирался с Блудом ни спорить, ни что-то объяснять, только коротко бросил:

– Собирай вече! Князь Владимир умер...

Воевода глядел вслед удалявшемуся из горницы князю раскрыв рот. Не в силах справиться с изумлением, он коротко икнул и почему-то сказал сам себе:

– Ага-ага...

* * *

Над Новгородом снова зазвучал вечевой колокол. Горожане не могли понять, что еще случилось за ночь, если с утра пораньше зовут на вече. Меж ними ходил слух, что в колокол попросил ударить князь Ярослав. Что это? Мало того, просил собраться в поле, не на вечевой площади. Князя ждали с опаской, а ну как решил требовать выдачи сбежавших вчера? Хотя самые решительные полегли под мечами княжьих дружинников, но готовых вступить за своих осталось немало.

Ярослав подъехал к собравшимся людям один, дружинники остались вдали. Шел к помосту, сильно хромя, толпа безмолвно расступалась перед ним, кто со страху, кто из уважения, все же князь... Он взбирался на помост, ни на кого не глядя, потом все же поднял глаза на притихшую площадь и вдруг... поклонился городу в пояс! Такого не ожидал никто. Ждали, что начнет казнить или корить, что потребует своим зычным голосом виноватых, но только не вот такого. Вече затихло так, что дальний плач ребенка казался криком. Голос Ярослава был на сей раз тихим и хриплым.

– Любимая моя и честная дружина, избил вас вчера в безумии своем! Теперь мне того и златом не испкупить!

Стоявшие ближе могли поклясться, что видят на лице князя слезы! Показалось? Нет, не показалось, Ярослав действительно плакал. Утерев слезы тыльной стороной ладони, он снова поклонился горожанам.

– Отец мой, князь Владимир, умер, и Святополк сидит в Киеве, избивая братию свою. Погибли князья Борис и Глеб. Хочу на него пойти. Пойдете за мной?

На несколько мгновений снова воцарилась тишина. И вдруг толпа выдохнула в едином порыве:

– Пойдем, князь!

Раздался чей-то звучный голос:

– Хотя и побиты братья наши, можем, княже, за тебя бороться!

Теперь рыдал уже не только Ярослав, даже у Блуда, много чего повидавшего на своем веку, на глаза навернулись слезы. Для всего Новгорода, и для его жителей, и для князя эти слезы были очистительными. Они точно смыли все причиненные обиды, примирили Ярослава с Новгородом.

Сфенг

Тмутаракань далеко от Киева. Так далеко, что птица устанет крыльями махать, пока долетит, а конь скакать, пока доскачет.

Но в Тмутаракани живут русские люди, и это русское княжество. Русские там жили издревле, а под Киев город и княжество встали по воле князя Святослава, до того город звался Самкерцем и был под хазарами. От Хазарии стонали многие порубежные русские земли, сколько материнских слез пролито по погибшим или плененным сыновьям, сколько отцовских сердец изболелось по женам и дочерям! Хазарский полон как яма бездонная, уводили и уводили русичей проклятые, торговали людьми, как скотом, на рынках Итиля, Саркела, того же Самкерца... Плененные мужчины слыли хорошими работниками, сильными, выносливыми, хотя не всякого русского заставишь в полоне работать. Иной скорее под плетью или мечом погибнет, чем голову перед насильником склонит. А другой и работать станет только с надеждой бежать, добраться до своих и вернуться к проклятым с мечом в руках.

Все страдали от хазар – и поляне, и северцы, и те же вятичи... Потому когда собрался на них князь Святослав, то хорошая рать под его руку встала. Но князь хитрый, чтоб хазары заранее не изготовились, сделал вид, что вовсе и не на них идет, отправился сначала к вятичам, вроде тех сначала под себя брать.

И на Хазарию пошел не по Днепру и через Русское море, а вятичскими лесами. Понимал, что обычным караванным путем ему в Итиль – столицу Хазарии – не пройти. Он только пороги днепровские пройдет, а в Хазарии знать будут, потому как надо спуститься мимо печенегов по Днепру, пройти Русским морем до Боспора Киммерийского, чтобы попасть в Сурожское море, которое греки Меотийским болотом за малую глубину зовут.

А по берегам Боспора города стоят – Корчев да Самкерц. И сам Боспор не столько велик, чтоб пройти беспрепятственно, это не Цареградский Босфор, хотя и тот опасен. Сурожское море и впрямь мелкое выше меры, старики рассказывали, что были времена, когда его и вовсе не было, тек Дон-Славутич прямо в Русское море, а на месте Сурожа озеро плескалось.

Из-за своего мелководья море с норовом, в нем, как в корыте, любая волна даже при малом ветре – беда. Потому и сидели хазары спокойно, держа под своей рукой Корчев и Самкерц, не пройти мимо войску ни русскому, никакому другому.

А от Сурожа русским надо было еще и Доном проплыть мимо Саркела, что укреплен сверх меры с помощью греков. Русские эту крепость Белой Вежей звали. От нее волоками через степь до Волги, что хазары Итилем нарекли, и до самого Итиля почти у Хвалисского моря плыть. Такой путь смерти подобен, лучше сразу отказаться. Не боялись русских хазары и не ждали. Итиль и укреплений-то почти не имел, никому в голову не могло прийти, что его кто-то брать станет.

Не пройти ни одному войску такой путь. А князь Святослав осилил. Но не Днепром и Русским морем на хазар пошел, а через вятичей. У тех побыл, заручился, что в спину не ударят, спустился Волгой до Волжской Булгарии, взял на меч их столицу Булгар, хотя те особо и не сопротивлялись, скорее сделали вид, что противятся, разметал по степи буртасов и отправился Волгой к самому Итилю.

Но не крался, как тать в ночи, а напротив, отправил к Кагану в Итиль сообщить, что «Идет на Вы!», была у князя такая традиция. На все вопросы, для чего заранее предупреждает противника, отвечал, что предупреждает тогда, когда времени подготовиться у того уже нет, а дрожь в коленках появится. А со степняками и того хуже, не брось вызов – разбегутся по всей степи, лови потом каждого бека по отдельности и воюй или жди удара в спину.

Хазарский царь Иосиф войско собрал, конечно, Святослав не ошибся в своих расчетах, не все беки успели (или захотели) встать под Иосифа, но все же хазары воины отменные, с такими

на кулачный бой не выйдешь! Одни бессмертные чего стоили. Рассказывали, что в стародавние времена такие же были у Дария Великого, самая сильная часть, охранявшая самого правителя.

Но Святослав все продумал верно, и Иосифа раньше времени из Итиля выманив, и людей своих вооружив и обучив даже с бессмертными биться. Славный бой вышел, ох славный! И правнуки помнить будут, как разбили знаменитое хазарское войско русские под предводительством князя Святослава! Сумел он противопоставить всем ухищрениям хазарских полководцев свою хитрость, во всех придумках их передумать.

А после боя с Иосифом, когда тот с трудом смог удрать с малой частью своих бессмертных, князь Итиль грабить не стал, простой люд не тронул, себе забрал только сокровища Кагана.

За Итилем пришла очередь остальной Хазарии. Всю прошел князь Святослав, где сами под его руку вставали да клялись в верности, там не трогал, а тех, кто сопротивлялся, – стирал с лица земли. Пришла очередь и Самкерца.

Но к этому времени уже среди союзников Святослава недовольные нашлись. Это были печенеги! Никто не помнил, чтобы вольные степняки с кем-то вот об руку ходили, а князь Святослав сумел договориться, хазарские земли, что он не обижал, следом печенеги грабили. А теперь стали требовать большую долю добычи. Дело не в доле, князь никогда себе много не брал и ничего не жалел, но печенеги простой люд в полон гнали. К чему одних освобождать, чтобы другие тут же рабами становились?

А тут из Самкерца гонцы примчались – чуя последний час, хазары в городе и в Корчеве, что на другом берегу Боспора, лютуют, людей бьют, все жгут! Святослав, помня, что в Самкерце русских много, рвался освободить, а печенеги – грабить. Тогда князь предложил союзникам забрать свою очень немалую долю и отправляться восвояси. Кто знает, как повернуло бы, да предложения русские подтвердили видом своих дружин, вставших в полном боевом облачении. То ли печенеги вспомнили, как русские не побоялись хазарское выученное войско, то ли решили пограбить их на обратном пути, но свою долю в добыче взяли и ушли. Разведка, посланная следом, сказала, что ушли невозвратным путем.

Теперь Святослав бросился спасать Самкерц и Корчев. От Самкерца мало что осталось, и люди не все выжили, а в Корчеве жители сами справились со своими поработителями. И самкерцы, и корчевцы помогали русским чем могли, даже головы хазарских наместников принесли Святославу на блюде! Но для князя куда более значимым подарком была золотая цепь, что жители поднесли в знак благодарности и уважения. Святослав не любил золота, ни единой гривны не было на его шее, только в ухе серьга с тремя черными жемчужинами, а вот эту цепь надел, не смог отказать, когда подал ее старый русич замотанными тряпицей обожженными руками. Князь низко склонил голову перед стариком, чего никогда не сделал бы ни перед одним врагом.

С тех пор Самкерц назвался русским городом и стал именоваться Тмутараканью.

Корчев тоже хотел бы под русского князя встать, но Святославу ни к чему было ссориться с греками, да и греков в Корчеве куда больше чем русских было. Так и остались на одном берегу русская Тмутаракань, на другом – греческий Корчев. Позже и Корчев русским станет, а тогда князь Святослав в обратный путь засобирался.

Но отправился так, что никто его замысла снова понять не мог! Перед князем лежала Таврика, и сил оборонять ее у греков не было, мог бы весь полуостров под себя взять, а он вдруг повернул в Киев еще и тем путем, каким пришел! Когда Святослав объявил, что идет на Саркел, что на Дону, даже свои воеводы плечами пожали:

– Да к чему тебе эта крепость, князь?! Там только Иосиф с сотней своих бессмертных сидит, что с них возьмешь?

Но Святослав оказался прав: оставь он живым хазарского царя, и его именем проклятый каганат возродится снова! Да и для тех же вятичей или булгар живой Иосиф – это живая Хаза-

рия. А по Днепру возвращаться тоже было нельзя, там русские полки поджидали обиженные печенеги, пороги пройти не дали бы.

Вот и пришлось Святославу сначала уничтожить Саркел, а потом снова пройти по хазарским и болгарским землям, подтверждая свою победу. Это тоже дало свои результаты, те беки, что в боях вместе с Иосифом не участвовали, принесли богатые подарки, спеша заверить русского князя в своей верности. Вятичи тоже осознали, насколько силен киевский Святослав, потому дань обязались платить исправно ему. И печенеги остались сидеть у порогов ни с чем, скрипя зубами от ярости на хитрого русича.

Позже они взяли свое: именно от печенежской руки погиб, возвращаясь из последнего похода, князь Святослав. Печенежский князь Куря сделал из его черепа чашу, отдавая дань уважения сильному воину – князю Святославу Игоревичу. Что ж, у каждого народа свои спобы почитания воинов. Святославу от того не легче.

В Самкерце Святослав посадил Сфенга. Чего только не говорили об этом мальчике! Но, похоже, правы были вездесущие ромеи – не только в Киеве у князя были сыновья, в далекой Тмутаракани тоже оказалась своя плоть и кровь. Дальние сурожские земли мало интересовали киевлян, разве только купцов. И дальний отпрыск княжеского рода тоже для них мало значил, кто знает, где еще рассыпаны сыновья беспокойного князя, если он считанные дни дома в Киеве проводил? Пусть себе прав на киевский стол он не имел, а кому же помешает сильный князь в далекой Тмутаракани?

Сфенг держал княжество твердой рукой, по заветам Святослава – выше всего ставил свою дружину, но и людей не обижал. В Тмутаракани его любили, греки считались, а беспокойство если и доставляли, так только все те же степняки. Судьба у Руси такая, чтобы со Степью воевать?

После гибели князя Святослава в Киеве за власть сцепились его сыновья. Это все было так далеко от Тмутараканских земель, казалось таким мелким и неправильным, что Сфенг только морщился, слыша рассказы о бесконечных стычках братьев. Он никого из них не видел и не знал; даже женившись, Владимир не позвал Сфенга на брачный пир, хотя от Тмутаракани до Херсонеса не самый дальний путь. Тмутараканский князь обиду не высказал, но глубоко в сердце затаил. Не признавал его Киев своим, совсем не признавал.

Честно говоря, в стольном граде почти никто и не знал о существовании Сфенга. Помнили, что есть дальняя русская земля Тмутаракань, до которой добраться уж очень трудно из-за печенегов, помнили про походы князя Святослава, но где это и кто там – задумывались мало. Со своим бы разобраться.

* * *

И вот теперь князь Владимир умер. А ведь был он таким же побочным сыном Святослава, как и сам Сфенг! Только Ярополк и Олег рождены от той, которую киевляне своей княгиней признавали. Но оба были убиты, и власть перешла к Владимиру. В Киеве эту власть признали, Владимира назвали своим князем. Почему бы им и Сфенга также не признать? Его право на Киев, как ни крути.

Князь мерил шагами палату. Он, как отец, не любил замкнутого пространства дворцовых покоев. По дедине и отчине Сфенг старше всех сыновей Владимира, но кто о нем в Киеве слышал? Там Сфенг чужак. А Киев для него? Если честно, то тоже чужой город. Зачем тогда рвется взять под себя Поднепровье?

И вдруг Сфенг понял, чего же в действительности хочет – исполнить мечту князя Святослава. Русь должна простираться от новгородских и псковских земель до самого Русского моря! Будь князь Владимир умнее и сговорчивей, давно могли примучить печенегов настолько, что стояли под русской рукой, дань платили исправно и конных в войско поставляли.

Но киевский князь так боялся за свою власть, что и слышать не желал о союзе с Тмутараканью против печенегов! Ему было достаточно, что Тмутаракань – русское княжество, хотя и дани в Киев не шлет, и что степнякам всегда угроза с юга есть. Печенеги о той угрозе помнили, присмирели, хотя и не раз предлагали Сфенгу сокрушить Владимира общими усилиями.

Сфенг сначала смеялся над такими посулами, а потом заявил, что если еще раз против своих выступить предложат, то сам сокрушит печенегов и без помощи Киева! Видно, поняли, что это не пустая угроза, и Тмутаракань не трогали, и Киеву не слишком досаждали.

Тмутараканский князь не мог понять драчки за власть между братьями, неужто нельзя блюсти дедов закон и править по старшинству? Мало на Руси земель, чтоб еще русские головы в битве меж собой класть?

Сфенг и теперь не вмешался бы в киевскую свару, но когда услышал, что братья в борьбе меж собой чужих на помощь зовут, то не выдержал! И теперь вот метался по палате, пытаясь успокоиться и холодным разумом принять верное решение.

Ничего не получалось. Тогда он велел кликнуть Тегдага. Старый колдун знал все, но советовался с ним князь только в крайнем случае, все же христианину негоже к пророчествам прибегать. Сфенг не забывал, что он Петрос в крещении, а значит, должен быть тверд, как камень.

* * *

Тегдаг усмехнулся, услышав призыв князя. Горд Сфенг и чтит свою веру. Князь Святослав не променял своих богов на ромейских, сколько мать ни просила, и сыновей не позволил крестить. Но погиб языческий князь, и дети стали христианами. Это бы нехудо, да только о чести забыли, язычников погаными зовут, корят всячески, а сами кровь братскую льют хуже степняков. Сказывают, в Киеве не только брат на брата встал, но и сын супротив отца. Князь Ярослав поднялся против своего отца Владимира. Мыслимо ли такое? Покарают боги Русь, ох покарают!

Что задумал Сфенг? Какой ему совет нужен? Тегдаг не зря носил такое прозвище, был он не просто ведуном, он колдовал, то есть знал и с темными силами, умел видеть будущее. Колдун не сразу отправился к Сфенгу, сначала надо было посмотреть, что князя ждет. Тегдага мало волновало будущее Киева и гораздо больше – Сфенга и Тмутаракани. То, что увидел, немного озадачило старого колдуна, но сказать об этом Сфенгу надо, потому он поторопился к князю.

В Сфенге удивительно сочетались крепость и основательность отца и стройность и гибкость матери. Рослый, сильный, темноглазый и светловолосый. Такое нечасто встретишь. А его сын Мстислав от своей матери унаследовал уже совсем темные огромные глаза и тонкий стан.

Князь не стал объяснять, зачем позвал, колдун и без того все понимал, только вопросительно протянул:

– Что скажешь?

Тегдаг нахмурился:

– В Киев хочешь, князь?

– Да не в Киев хочу, а хочу, чтоб эти щенки меж собой Русь не разодрали окончательно! Владимир, глупец, удумал между ними уделы поделить, теперь жди беды. Один того и гляди поляков наведет, другой все за море глядит, третий слаб настолько, что печенеги хоть завтра Киев возьмут... Только и знает, что поклоны бить да молиться, а власть свою показать неспособен! Прости, господи. – Сфенг быстро перекрестился в сторону красного угла на икону с лампадкой перед ней. Губы Тегдага под вислыми усами едва заметно дрогнули, но он промолчал. – Что делать-то?!

Колдуну очень хотелось сказать, чтоб попросил совета у своего бога, которому кресты кладет, но он и тут промолчал, негоже чужих богов обижать, даже если они отнимают у тебя мальчика, которого воспитывал. Вместо ответа Тегдаг разложил на столе свои амулеты, что-то зашептал, делая вид, что пытается прямо сейчас узнать ответ.

Но он не мог обмануть Сфенга, слишком хорошо знавшего старого колдуна. Князь давно понял, что еще до прихода к нему Тегдаг все вызнал в своей каморке.

– Не тяни, говори, что узнал.

– Скажу... Я скажу, а ты думай, как быть... Сам думай, я здесь не помощник. Про тебя говорить или про Русь?

– А и то, и другое не можешь?

Вот Сфенг в этом весь, ему нельзя половину или просто по частям, давай все и сразу. Сказывается горячая кровь предков по матери.

– Можешь в Тмутаракани остаться, совсем отделиться от Руси. Тогда твой род продлится долго, княжество сильным каганатом станет. А Русь... ее не будет. Часть отойдет к полякам, часть шведам, другие растащат по малости...

– А если в Киев пойду? – Голос князя был чуть хриплым, это выдавало сильное волнение.

Тегдаг чуть помолчал, потом вздохнул:

– Тебе все одно Киевом не править. Под себя возьмешь, да недолго там пробудешь. И сыну твоему не править, хотя он сильным князем будет, хорошим воином и правителем. Но им твой род прервется. А Русь? Уцелеет и твоими силами тоже.

Он ничего не стал больше говорить. Как будет, рассказывать не вправе, да и ни к чему, человек не должен знать события своей жизни. Ему можно только позволять делать выбор. Часто этот выбор очень нелегок, как вот сейчас для Сфенга. Он должен выбрать между будущим своего рода и своей земли. Хотя какой своей? Сфенг на Руси никогда не был, и если бы племянники свару не затеяли с помощью чужаков, так и вовсе не собрался бы.

Князь замер, задумчиво глядя в окно. Тегдаг понял, что он больше не нужен, потому тихо вышел, закрыв за собой дверь. Он не успел далеко уйти, как увидел Сфенга, куда-то мчавшегося на лошади во весь опор. Поехал в степь думать, бешеная скачка хорошо отвлекала, помогала принять решение не только тмутараканскому князю.

Тегдаг чуть покачал головой, он-то знал, что если Сфенг выберет второе, то проживет совсем недолго, но не из-за киевлян, а погибнув совсем в другой стычке. Жертвовать собой и своим родом ради далекой Руси? Неужто зов крови окажется так силен, что вмешается князь в свару за Киев? Но Тегдаг понимал, что вмешается и что окажись он сам на месте Сфенга, поступил бы так же. Что ж, его право...

У себя в каморке старый колдун долго пытался найти пути спасения своего князя, но раз за разом получал ответ, что это невозможно. У каждого свой срок и свой путь на земле. Если Сфенг выберет тот, что предсказал ему Тегдаг, то и проживет недолго. Люди не властны над Судьбой, которую выбрали, а что решит князь, колдун уже знал.

Тегдаг знал, а Сфенг еще мучился, принимая решение. Нет, в глубине души он понимал, что уже сделал выбор и не в пользу своего рода. Но все пытался то найти предлог, чтобы не ввязываться в киевские распри, то оправдать решение ввязаться.

Князь вернулся в город совсем измученным, но в глазах блестела решимость, он снова стал деятельным и твердым, каким его знали и любили окружающие. Человека больше всего мучает неопределенность, если он что-то выбрал, то будь это что-то трудным или неприятным, оно больше не страшит. Так и Сфенг, решив бороться не столько за Киев, сколько чтобы не допустить в него чужаков, князь долго раздумывать не стал. Уже на следующий день дружина выступила за городские стены.

* * *

Шли быстро, перепуганные печенеги, решившие, что князя берут их в клещи, исчезли, словно таких и не было в Степи. До самого Большого брода Сфенг шел левым берегом. Почему, не знал и сам, просто казалось, что, пока на левом, он не претендует ни на какие киевские земли.

По пути переполошили несколько погостов, оставленных для охраны подходов к переправе. Сначала их приняли за печенегов, даже костры зажгли сигнальные, но потом, опознав, что свои, тмутараканские, быстро их гасили и давали сигнал, чтоб дальше не опасались. Сфенг даже восхищенно головой качал: а хорошо укрепил рубежи Владимир Святославич!

Дорога пылила, взвиваясь плотным облаком из-под конских копыт и ложась на лица всадников толстым серым слоем. Но кто из воинов заботится о таком? Зато всех поражал вкус воды, пил бы и пил, пока не лопнешь. Сурожцы привыкли к соленому привкусу своей водицы, а здесь среди дубрав она оказалась почти сладкой. Сначала припадали к каждому встреченному ручейку, к каждому колодцу, животы и людей, и лошадей были полны, в них переливалось и булькало. Внутри уже не лезло, а рот все просил вкусной животворной влаги.

Заметив это, Лазарь распорядился объявить, что пить можно только на привале и лучше по вечерам. Сначала воины зароптали, но они уже и сами поняли, что тяжело ехать с полными животами. Пока шли по старому Залозному шляху, что вел от Киева к Сивашу за солью, повстречали немало возов с этим товаром. Волы, медленно тащившие тяжело груженные возы, едва успевали свернуть в сторону, а сами смерды провожали княжье войско низко кланяясь, крестясь и недоуменно глядя вслед. Кто, куда, зачем?

Искать дорогу в степи не нужно, она за многие десятки лет была вытоптана тысячами конских копыт. Только упрямый подорожник сиротливо приткнулся по бокам, серый от пыли.

Конечно, впереди них летела весть о подходе необычного войска. Сфенг мог бы выпущенной стрелой примчаться к стольному граду и ошарашить его своим появлением, но не хотел этого делать. По дедине и отчине именно он имел право на киевский стол. Коли признают киевляне это право, так примут его, а ежели нет, то тут и спорить не о чем. Биться насмерть с племянниками он не собирался, не дело правителю кровь ближних проливать, власти добиваясь.

Только какие они ближние, если и раза в своей жизни не видел Сфенг ни князя Владимира, ни его сыновей? Даже когда тот женился, то Сфенга в Херсонес на брачный пир не позвал. Чего боялся? Признать, что у него брат в Тмутаракани правит? Да ведь Сфенг на Киев и глазом не вел, пока сам Владимир был жив! И теперь не посмотрел бы, если б племяннички свару не наладили, Русь деля, а главное, чужих привлекая. Последнее дело чужаков на помощь против сродников звать! Владимир вон варягов из-за моря супротив Ярополка привел, чем дело кончилось? По сей день бедой в родне зовут – когда брат на брата.

Сфенг крестился раньше Владимира и тем более не мог понять, почему киевский князь забывает о братолюбии? Одно дело против врагов вставать, совсем другое – против родной крови. А теперь племянники собирались по отцовскому примеру поступать. Что хорошего?

Иногда тмутараканский князь задумывался о том, что будет дальше. Ну, возьмет он Киев, это сделать нетрудно, там, считай, и власти нет, Борис не в счет, он слаб без меры. А как быть дальше? Уже по пути понял, что сидеть в Киеве не сможет, не по нутру ему, Святославова кровь в степную вольницу тянет. Но и оставить город тоже нельзя, мигом польский тесть Святополка к рукам приберет. Свой сын Мстислав слишком молод, чтобы на него Киев оставить.

И чем ближе был Киев, тем чаще задумывался над этим князь Сфенг.

Рядом с князем опытный воевода Лазарь, он молод, но прошел уже не одну битву, умеет с толком распорядиться, дружиной любим. Почему-то у Сфенга мелькнула мысль, что будет

на кого Мстислава оставить, Лазарь поможет. Отмахнулся, злясь, что слишком много думает о пророчестве Тегдага. Колдун же не сказал, сколько ему еще жить... А про род – это надолго, род вон Мстиславу продолжать, а потом внукам...

Но пришло время переправляться.

К самой переправе подошли вечером, но подле нее задержались. Начать решили рано поутру, негоже лезть к Киеву в ночь. Выставили стражу зорко смотреть за городом, чтобы не было от него беды. По всему берегу разожгли костры, они полыхали, словно в купальскую ночь, только веселья не было слышно. Воины спали, подложив под головы седла, свернутую одежду, а то и просто кулаки. Тихо всхрапывали в ночи стреноженные кони.

Князь не спал до утра. Лазарь нашел его у реки. Едва слышно всплескивала вода в песчаном ложе, где-то поигрывала припозднившаяся рыба. На другом берегу выше по течению светился огоньками киевский посад. Сфенг смотрел на город князя Святослава и пытался понять: хочет ли быть его князем? Нутро подсказывало, что нет. Сфенга манили степные просторы и гладь Сурожского моря. Все, что он видел на другом берегу и доселе, пока шли вдоль Днепра, было не его. Но теперь уж поздно передумывать, вон Киев, знать бы еще как встретит...

* * *

Киев, ошарашенный неожиданным подходом князя из Тмутаракани, ворот не запер, но и восторженно не встречал. Сфенг, привыкший к крикам радости в своем городе, чувствовал себя стесненно. И вообще здесь было все другое, хотя и русское. Нет того простора, который открывался с заборола крепостных стен, глаз всюду натывается на стену леса или водную гладь. Но если в Тмутаракани эта гладь не имеет края, то в лесной Руси край снова обозначен темной полоской.

Вообще-то Сфенгу некогда было раздумывать о таких вещах, он старался расположить киевлян к себе чем только мог. Раздал большое количество богатств, не видя надобности их хранить. Поил-кормил всех, кто приходил на княжий двор, как это делал князь Владимир. Киевляне не жаловались и против ничего не говорили, но все равно радости не выказывали. Сфенг и его дружина пришли из Степи, откуда всегда появлялась только беда. Кроме того, в его войске было немало чужих по обличью, а вид любого степняка, пусть даже из Тмутаракани, вызывал у киевлян внутреннее содрогание.

Биться с Борисом не пришлось, тот с дружиной, вернее ее остатками, был вне Киева. Часть дружины требовала, чтобы Борис, назначенный прежним князем своим наследником, вернулся в Киев и захватил его. Сфенг не сомневался, что часть горожан поддержит боголюбивого князя, и как тогда быть, не знал. Но тут произошло что-то непонятное.

Князь, как все хорошие воины, спал вполглаза, вполуха, слышал каждый шорох, не то что голос. Тем более там, где его хотя и не хулили, но особо не приветствовали. Потому собачий лай услышал сразу. Беспокойно залаяла сначала одна собака, потом другая. Встревоженных охранниц поддерживали подруги, и вот по Киеву уже покатился вал собачьих голосов. И катился он от посада в сторону княжьего двора. Это могло означать только появление гонца.

Какие вести несет? Кто-то из племянников решился-таки подняться на своего дядю? Сфенг был на ногах уже после первых звуков собачьего беспокойства, внимательно прислушиваясь. Слух отменного воина подсказал ему, что перед гонцом спешно распахнули ворота. Тот соскочил с коня, побежал в гридницу. Так и есть, теперь спешили уже к его ложнице. Что? Что там?!

Гридь чуть стукнул в дверь, хорошо зная, что князь услышит и так. Сфенг распахнул ее, впустил охранника.

– Князь Борис убит!

– Где?! Как?

Охранник только мотал головой, давая понять, что не знает.

– Зови гонца!

В ложницу тут же вошел прискакавший гонец. Было видно, что он не жалел ни себя, ни коня.

– Княже, князь Борис убит, и его люди тоже.

– Кем?!

– Неведомо, в ночи зарезали, как тати. Его и его отрока Георгия. С того не могли гривну снять, так голову отрезали.

– Где тела?

– С собой забрали, в шатер завернувши.

– Откуда сие ведомо? Где дружина была?!

– С дружиной князь еще вчера разошелся, не стал на Киев идти, остался лишь с отроками. А рассказал все Моисей Угрин, он уходил ненадолго, а вернулся уже к свершенному. Он твердит, что это Святополковых рук дело, он, мол, окаянный, братьев со света сживает.

– Иди, – махнул рукой Сфенг.

Гонец вышел вон, а князь тяжело задумался. Неужто и впрямь брат на брата так-то пошел? Но к чему Бориса убивать? Тот и мухи не обидит, да и не за ним право на Киев. Чем помешал младший брат старшему, да еще и от старшего князя?

Что-то не вязалось, и это не давало Сфенгу покоя. Он любил, чтобы все было ясно, враг – это враг, друг – друг. Бывало, что друзья предавали, а враги становились друзьями, но все решалось в честном бою. А в Киеве шепчутся по углам, чего-то недоговаривают, все всех опасаются, каждый боится за свою жизнь...

Сфенг вдруг вспомнил о самом Святополке. Как тот мог убить брата или хотя бы отправить убийц, ежели сидит взаперти? Но ближний боярин тут же объяснил, что Святополк освободили сразу по смерти князя Владимира, сбежал он, а вот куда – неизвестно. Сфенг усмехнулся: куда же ему бежать, как не к тестю Болеславу?

– А женка Святополкова куда делась?

– Тоже неведомо, но говорят, не с ним, один он бежал.

Вот еще забота – искать жену князя-племянника! Болеслав спросит и за нее, и за зятя. А спросит, скажем, что с ним бежала! – вдруг решил князь. Ему страстно захотелось обратно в Тмутаракань.

Не князю одному, большинство пришедших со Сфенгом воинов откровенно маялись в Киеве. Как ни хороши киевлянки, как ни пригожи, а дома все равно лучше. В походы хорошо ходить, если знаешь, что окончится рать и вернешься. Тогда главное – победить и самому в рати выжить. А тут и рати нет, и возвращаться неизвестно когда.

* * *

Но это оказались не все известия о племянниках. Быстро выяснилось, что Бориса убили варяги, только вот кем подосланные, Святополком или Ярославом? Кто их поймет, эти Владимировичей!

А чуть позже страшную весть принесли про Глеба, того зарезал собственный повар Торчин. Теперь прозвучали имена убийц – Торчин и Горясер, который и захватил Муромского князя.

Сфенг чувствовал, что его передергивает от омерзения. Хотелось обратно в свою Тмутаракань, где все просто. Конечно, князь преувеличивал, и в Тмутараканском княжестве хватало предателей и убийц, но дома всегда лучше, там и небо синей, и голуби иначе воркуют...

Потому, когда пришла просьба византийских императоров помочь одолеть очередного мятежника, Сфенг с радостью бросился эту просьбу исполнять. Князь ушел из Киева вместе с дружиной, и никто не знал, куда и как надолго.

Видимо, именно в такой незанятый Киев и вошел Святополк, кому же как не ему сесть на освободившееся место, ведь он старший в роду после Сфенга! А сам Сфенг в той военной кампании в пользу Византии погиб. Тмутараканью остался править его сын Мстислав.

* * *

Летописи называют Мстислава сыном самого Владимира, но если это так, то он должен быть старше Ярослава, ведь Мстислав у Рогнеды родился либо после, либо вместе (двойняшки) со старшим Изяславом. Но ее сыновья звались Рогнедичами или Рогволодовичами (внуками Рогволода), а Мстислава таковым не называли. Кроме того, судя по описаниям, он совершенно не похож ни на кого из потомков Рогволода, был черноволос и имел большие темные очи (вспомните портрет Ярослава Мудрого работы Герасимова – никаких больших очей, даже если сделать скидку на возраст).

Вряд ли Мстислав был сыном Рогнеды: слишком молод и непохож на остальных. А вот сыном Сфенга – вполне. И вполне логично стал князем Тмутаракани после гибели отца. Тогда он получается двоюродным братом всем остальным, и прав у Мстислава на Киев было ровно столько же, сколько, например, у Бориса, но гораздо больше, чем у юного Глеба. В русских летописях Мстислав появляется ниоткуда, как черт из табакерки. Только позже было приписано, что Владимир якобы посадил его в Тмутаракани одновременно с остальными.

Может, все-таки это сын Сфенга?

* * *

Существует несколько версий гибели Бориса и Глеба. Самая распространенная содержится в житии святых Бориса и Глеба и обвиняет в их убийстве Святополка Окаянного. Никаких вразумительных объяснений того, почему и зачем старшему брату было нужно убивать младших, да еще и весьма покорных и на престол не претендующих, в ней нет. Мало того, большинство сообщений этой версии откровенно «притянута за уши». Автор откуда-то знает все произносимые на якобы тайном совещании злоумышленниками фразы, точно знает, что и как они совершали, хотя свидетелей не осталось. Вернее, он называется единый – тоже святой Моисей Угрин.

О самом Моисее еще будет речь впереди, а вот обстоятельства его непонятной отлучки с места происшествия точно в нужный момент весьма подозрительны. Как и вся долгая и нелепая процедура убийства. Несопrotивлявшегося князя четверо отлично владеющих оружием людей почему-то не могли убить сразу, все протыкали и протыкали то копьями, то мечами.

А Глеба и вовсе зарезал собственный повар. Почему князь-воин не оказал ни малейшего сопротивления даже человеку, владевшему только кухонным ножом, неясно.

История настолько запутанная, что ей верится с трудом. Тем более что на телах обоих «зверски убитых» князей при вскрытии не обнаружено ни единого следа от ранений! Конечно, это объясняется чудесами, но хотелось бы и более материальных версий. Кроме того, непонятно одно – почему все приписывается Святополку, если его уже давно не было ни в Киеве, ни в окрестностях города?

Другая версия выводится из скандинавских саг, например «Пряди об Эймунде». Конечно, верить сказаниям подобного рода тоже нужно с опаской. Не потому что они лживы, а потому что созданы не как учебник истории, а для восхваления «подвигов» варягов вроде того же Эймунда. Если верить таким сагам, то скандинавские супермены оказывались глав-

ными действующими лицами всех событий и переворотов, где бы ни появлялись. Конечно, были сугубо победителями, одним ударом меча способными расправиться с целым сонмом противников. Где-то мы уже это видели...

По голливудским законам дешевого боевика Эймунд с приятелем отправились к конунгу Борицлейву, быстренько того прирезали и привезли голову убитого в качестве доказательства своего «подвига» конунгу Ярицлейву. Неправда ли, похоже на Бориса и Ярослава? Саге долго не везло, впервые она была переведена на русский язык во времена Пушкина, но чтобы не бросать тень на будущего Ярослава Мудрого, имя Ярицлейв почему-то было «переведено» как... Святополк! Позже переводчики не связывались с таким опасным текстом и сагу практически забыли. К чести Ярослава, в самой саге нет и намек на то, что он лично отправлял двух лжегероев на совершение злодеяния, скорее, не препятствовал, то есть не сказал ни да, ни нет, когда те намекнули, что могли бы... за соответствующее вознаграждение... И вознаграждения тоже не дал...

Кому верить? Неизвестно. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что произошло в действительности, как и кем убиты князья Борис и Глеб. Они были захоронены в Вышгороде, но церковь, в которой это произошло, была заброшена, и могила князей на долгие годы затерялась. Мало того, киевляне почему-то не приняли даже мертвых князей, оттолкнули плывущий по реке гроб с Борисом. А тело Глеба долго буквально валялось на месте преступления.

Как-то подозрительно нелояльны оказались жители Киева к своим будущим святым...

* * *

Сев в Киеве, Святополк первым делом на свою голову решил потребовать подчинения от Ярослава. Не захотел договариваться? Не пришел на помощь, когда князь с женой сидели в темнице? Пусть живет на положении подчиненного, а, значит, платит со своим Новгородом дань, какую должен! Святополк собрался взять и недоплаченное за прошлый год тоже!

Ярослав, выслушав послов от брата, вздохнул:

– Передайте, я не хотел этого. Вольно же было Святополку братьев убивать, а теперь и за меня взялся? – Князь размашисто перекрестился. – Да будет Бог мстителем за кровь братьев моих.

Послы недоуменно смотрели на князя; с чего он взял, что это Святополк убил Бориса и Глеба? Но как возразить, если никто не знает, кто виноват?

Слова князя были объявлением войны. Не пошел против отца, так теперь идет против брата. Новгородское войско двинулось на юг.

Ярослав вел новгородцев, свою дружину, нанятую варяжскую и смердов из своих имений. Святополк помимо дружины и киевского ополчения нанял немало печенегов, к нему присоединились и посланные на подмогу войска Болеслава.

Встретились у Любеча. Святополк встал между двумя озерами в ожидании подхода печенегов. Никто не решался переправляться через реку на сторону противника первым, опасаясь больших потерь. Стояли долго, так долго, что закончилось лето, на лужах по утрам появлялся молодой ледок. Дошло до того, что озерца, между которыми расположились киевляне, замерзли, хотя вставать на лед еще было опасно.

Понимая, что еще чуть – и подошедшие печенеги значительно усилят войско Святополка, Ярослав пошел на хитрость.

* * *

В княжий шатер заглянул его гридь Весел:

– Княже, к тебе гость с той стороны...

Ярослав вскинулся:

– Зови.

Странные слова передал прибывший человек:

– Меду мало, дружины много, значит, надо дать вечером.

Но, похоже, князь все понял, как надо. В сгущавшихся сумерках вдруг было приказано готовиться к переправе! Дождались самой темной ночи и стали садиться в лодки, мало того, Ярослав наказал повязать на головы белые платы. Сначала подивились, но, увидев, что в темноте будет можно легко отличить своих от чужих, обрадовались.

Сама битва началась перед рассветом, дружина Святополка храпела, упившись в предыдущий вечер медами. Вот когда стало понятно, о чем шла речь в послании к Ярославу про меды и вечер. Бой был жестоким и довольно коротким. Святополк успел поднять дружину, но печенежская конница на помощь из-за озер прийти не могла. Киевлян прижали к озерам, пришлось ступить на тонкий молодой лед, многие потонули.

Печенеги, видя разгром своего союзника и не желая терять людей, отступили и ушли прочь.

Когда утром разбирались с ранеными и убитыми, Ярослав приказал особо старательно искать князя Святополка. Ему нужно было точно знать, убит ли соперник. Но тело князя не нашли.

– Да хорошо ли проверили? Может, ранен?

– Нет, князь, если только потонул в озере... Но сдается, что утек.

– Это плохо.

– Чего плохо? Войска у него нет, пусть бежит.

– Сейчас нет, завтра будет. Доберется до Болеслава, тот, помня, что его дочь до сих пор на Руси, придет со своим войском.

Ярослав был прав. Он сел в Киеве теперь уже как полный победитель, но долго просидеть не смог. Бежавший в печенежскую степь Святополк сумел добраться до своего тестя, давая тому вожаемый повод для нападения на Русь.

Польский король Болеслав действительно отправился освобождать свою дочь и Киев для зятя.

Была у короля еще одна забота. Еще при жизни Владимира он сватал за себя его дочь, сестру Ярослава Предславу. Наслышанный о красоте и разумности княжны, Болеслав решил, что лучшей королевы для его Гнезно не сыскать. Собственно, королем он называл себя сам, остальные величали просто князем гнезненским. Королем можно было стать только по воле германского императора, а вот с ним отношения как-то не складывались. Но это мало заботило Болеслава, вернее, заботило сильно, но не всегда.

Вокняжение зятя и дочери в Киеве было весьма на руку польскому князю-королю, а женитьба на киевской княжне давала бы и самому право претендовать на этот престол. Зять Святополк таков, что его и столкнуть недолго.

Но князь Владимир отказал сватам от Болеслава, памятуя о том, что король не слишком молод, зато слишком распутен и жесток. Три предыдущие жены не прожили долго. Отказ киевского правителя обозлил Болеслава, и он поклялся отомстить.

Теперь время вполне пришло. И все же он снова попытался сватать Предславу, теперь уже обращаясь к ее брату Ярославу. Менять любимую сестру на непрочный мир с ляхами Ярослав не собирался, Предслава не вышла замуж за польского короля. Знать бы, чем все закончится... Может, и отдал бы Ярослав сестру гнезненскому правителю.

Отказ окончательно обозлил Болеслава.

* * *

Ярослав, сев в Киеве, поспешил договориться с германским императором Генрихом против Болеслава, хорошо понимая, что в одиночку с таким противником не справится. Пока не справится. Генрих согласился и даже вроде выступил против ляхов. Но Болеслав быстро доказал, что его трудно одолеть не только на поле битвы, но и в хитрости тоже. Король пообещал императору с три короба и попросил руки принцессы Одды. Одда годилась Болеславу едва не во внучки, но кто обращал внимание на такие мелочи.

Король женился на Одде, и пыл германского императора сразу утих, и Ярослав остался с сильным противником один на один.

Но князь не испугался. Решив не допускать противника на свою землю, Ярослав спешно собрал рать и двинулся на Берестье. Но, отбив его, вынужден был тут же вернуться в Киев. Болеслав умел договариваться не только при помощи женитьбы, а на юге в степях всегда были наготове противники, способные за деньги сильно подпортить Киеву спокойствие. В очередной раз подкупленные печенеги шли к стольному городу.

Отбиться удалось с большим трудом, при этом сам князь получил ранение в и без того калечную ногу, его хромота, уже почти незаметная, усилилась и осталась на всю жизнь.

Киев смогли отстоять, но теперь киевский князь оставался один на один против огромного войска, потому как к Болеславу присоединились новые сторонники – венгры и саксонские немцы. С польским войском шли многие вчерашние союзники Ярослава.

Это научило князя многому: верить обещаниям и даже договорам нужно с осторожностью. А еще тому, что при помощи брака можно решить многие проблемы.

Но тогда пришлось срочно выступать навстречу этой объединенной рати. После разгрома печенегов Ярослав был настолько уверен в своей непобедимости, что допустил кучу ошибок. Главное, он был еще очень беспечен. Пройдет время, и князь станет опытным воином, которого не обманет предательское спокойствие противника. Правда, всю жизнь будет предпочитать решать вопросы миром, даже ценой уступок. Все его уступки в конце концов обернутся его же победами.

* * *

Войска встретились очень странно – на берегу Буга, но Ярослав к тому времени оказался на западном берегу, а Болеслав, наоборот, на восточном. Для начала обменялись оскорбительными колкостями и назначили битву на третий день, потому как все случилось накануне дня святой Марии Магдалины. Неизвестно, что вышло бы из этого столкновения, начнись оно как оговорено, но жизнь часто расстраивает самые надежные расчеты.

Блуд услышал какой-то шум на берегу, было скучно и жарко, потому воевода отправился посмотреть, что случилось. То ли русалку поймали, то ли дружинники подрались... Но оказалось вполне привычная перепалка с обоих берегов – дружинники начали насмехаться над польскими поварами, мывшими мясо, а те в ответ кидаться потрохами – переросла в настоящую свару, воины принялись пускать стрелы, которые хоть и теряли силу на излете, но поцарапать могли.

Скучающий воевода с удовольствием присоединился к спорщикам. Мало того, увидев на противоположном берегу короля, крикнул тому:

– Вот проткнем твое толстое брюхо жердью!

Болеслав взъярился, покраснел как вареный рак и потребовал от своих наказать русских за такое оскорбление. С трудом взобравшись на лошадь, потому как и правда был слишком тяжел для конной езды, король бросился под русскими стрелами на другой берег. На несча-

стве Блуда и его дружинников, на том берегу собралось много полков, которые последовали за королем.

Битва началась столь неожиданно и стремительно, что большинство дружинников Ярослава попросту не успело в нее вступить. Сам Блуд поплатился за свой язык жизнью, он погиб одним из первых. Русские полки были разбиты или рассеяны, а Ярославу с немногими удалось бежать. Бежали и нанятые им варяги.

Болеслав на рысях шел к Киеву, Ярославу же там делать было нечего, он уходил в Новгород. Русские города сами открывали ворота, не оказывая никакого сопротивления польскому королю, а князь Ярослав, прячась, пробирался в ставший родным город.

Не получилось быть князем Киевским, неужто его удел сидеть под рукой другого, из милости другого в Новгороде? От этой мысли, которую давно гнал от себя, стало худо. Вот тебе и великий князь!.. Только чуть побыл, и бежит с позором. Худо, что битвы не вышло, постояли бестолково по обоим берегам, а когда поляки вдруг напали, то оказалось, что задиристому Блуду и обороняться нечем!

Ярослав вздохнул, что теперь Блуда поминать, нет его. Никого рядом нет. Жена Анна и сестра Предслава остались в Киеве. Там еще мачеха и другие сестры, но о них не думалось. Даже об Анне жалел меньше, чем о Предславе.

С женой уж который месяц точно чужие, у Анны после Ракомской резни на княжьем дворе каменное лицо, одно твердит: «Как велишь, князь». Ярослав уж и так, и эдак, ничего не помогает. Не простит ему Анна гибели своих родных, как не простила Владимиру Рогнеда. Любила, детей от него рожала, а в дальнем уголке сердца так и кровоточила незаживающая рана после Полоцка.

А если б знал, что Аннины братья среди тех, кто пришел на Ракомский двор, остановился бы? Однажды задумался об этом и понял, что нет. Не было тогда для него ни чужих, ни своих, были только те, кого надо было подчинить своей воле, или они подчинили бы его сами.

Только вот следующих событий Ярослав никак не ожидал. И все равно смог выбраться, даже без подсказки Блуда, все решил сам! И вон как решил – Новгород за него встал. Князь едва зубами не закрипел от досады: встать-то встал, да что толку? Как теперь оправдаться перед городом? Позорно проиграть первый же бой после трех месяцев бесполезного стояния по разным берегам!

Следом никто не гнался, видно, Болеслав не мог поверить такой удаче. Да и кому нужен Ярослав без войска, без поддержки? Тестю Святополку ныне прямая дорога в Киев, а у князя и оборонять его нечем и не с кем. Это в Новгороде живо бы ополчение собралось, тяготу осады на себя приняло, а Киев за Ярослава не встанет.

За кого встанет? Ныне ни за кого! Все не те после князя Владимира, каждый чем-то да негод. Была власть – и нет, ушла, словно вода сквозь прорванную запруду – не удержать, горстями не вычерпать. Да и была ли власть?

Что теперь делать? Единственный близкий человек – сын Илья в Новгороде, да и тот к Коснятину тянется. При мысли об остальных снова сжало сердце. Там осталась Предслава; если Болеслав возьмет Киев (а кто теперь может ему помешать?), то что будет с сестрой? Вряд ли несдержанный польский король простит Предславе отказ в сватовстве. Сказывали, что и тогда ярился, мол, я им еще покажу! Вот, теперь есть возможность и впрямь показать, а защиты никакой, брат сам по лесам прячется с пятком гридей.

А как в Новгород возвращаться? Могут и там от ворот городских путь указать. Новгородцы на расправу круты и быстры, ежели что не по нраву, то могут и взашей, не поглядят, что князь! Это когда у него варяжская дружина под рукой была, а в Киеве отец... И то не очень в глаза заглядывали, стоящий отдельно богатый город цену себе знал. И знает, а потому на радостный прием рассчитывать не стоит.

* * *

Переночевать хотели в небольшой веси, избенки в которой были маленькие, покосившиеся. Оглядев несколько вольно раскинувшихся вдоль речушки строений, Ярослав решительно свернул к крайнему, показалось, что побольше и покрепче. В другое время и не помыслил бы за ночлег денег давать, князь все же, но теперь с оплаты и начал. Хозяин от вида серебряной деньги обмер и испуганно кивал, не решаясь взять такую ценность в руки. У Ярослава других монет не было, потому даже прикрикнул, чтоб поторопился. От княжьего окрика мужик и вовсе встал столбом. Грив, что постарше, отодвинул его, открыл дверь в избенку и поморщился от потянувшего изнутри духа:

– Княже, может, другую поискать?

И к чему спрашивал, эта была лучше остальных, в другие и входить страшно, казалось, при первом же порыве ветра рухнут. Третьяк почесал затылок и почти безнадежно протянул:

– Неужто нет поблизости лучшего жилья-то?

– Как нет? Есть! – засуетился опомнившийся хозяин лачуги. – Тута через несколько верст село большое, там даже купчи есть!

– Кто? – не сразу понял Третьяк.

– Купчи... ну, которые товаром торгуют.

– Далеко? – нахмурился Ярослав. Лезть внутрь избенки, из которой несло, как из давно не чищенного стойла, не хотелось, а уж спать там – тем более.

– Не, за леском вона.

– Покажешь?

– Ага, ага! – снова заторопился мужик. – Только не я, извини уж, боярин, быстро бежать не могу, а сынка пошлю. Он у меня справный и толковый, быстро хорошую дорогу покажет! Славко! – крикнул он куда-то в сторону.

Из-за ветхой сараюшки непонятного назначения выглянул мальчишка. Увидев богато одетых всадников с лошадьми, на которых явно никто и никогда не пахал, мальчонка испуганно спрятался обратно. Но не ушел совсем, это Ярослав почему-то заметил.

– Подь сюда! – снова окликнул его отец. – Покажешь боярину дорогу к Верстовому лесом, чтоб дотемна успели добраться. А сам у дядьки Пятка заночуешь.

Мальчишка начал ныть, из его возражений было понятно, что Пяток ночевать не пустит. Но делал он это не слишком уверенно, потому как внимание отвлекали все те же неожиданные гости. При этом он беспрестанно хлюпал носом, размазывая грязным рукавом его содержимое по физиономии, и перебирал босыми ногами.

Отец долго церемониться не стал, отвесил неслуху крепкий подзатыльник, пообещав добавить, если не уgomонится, и мальчонка засеменял по неширокой тропинке в сторону леса.

Только тут его отец сообразил, что, услужливо отправляя неожиданных гостей в соседнее село, он лишился той самой серебряной деньги, от которой потерял дар речи несколько минут назад! Мужика хватило только на то, чтобы развести руками:

– Да как же?..

А Ярослав с гридями уже въехали под быстро густевшую тень деревьев. Солнце садилось, потому надо было торопиться.

Мальчишка шустро семенил впереди, но как ни старался, быстро не получалось. Поняв, что из-за его скорости они могут и заночевать в лесу, Третьяк решительно подхватил мальчика и посадил на своего коня впереди:

– Показывай дорогу!

Тот в очередной раз звучно шмыгнул носом и объявил неожиданно низким для своего возраста и хрупкого телосложения голосом:

– А чего ее казать? Она вон вся перед вами. Ехайте по тропе, дальше только шире будет. А за лесом сразу через поля и село видно. Крайняя изба купча Еремеича, у него богато, иконов много, лавки не рядом крыты, сундуков...

– Точно говоришь, что тропу хорошо видно? – Третьяка мало интересовало содержимое сундуков «купча» Еремеича и гораздо больше – возможность добраться до его избы засветло.

– Ага! – снова шмыгнул носом мальчишка.

Везти этого сопливого проводника не хотелось, оглянувшись на князя и получив его согласный кивок, Третьяк ссадил мальчишку:

– Беги обратно, чтоб не ночевать в лесу!

Тот обрадованно кивнул и отступил, чтобы пропустить всадников. Ярославу почему-то стало жаль мальчишку, он наклонился с лошади и подал ему серебро:

– Держи! За работу!

Мальчонка стоял, оторопело глядя вслед богато одетому и такому щедрому всаднику. Он не знал, что Ярослав никогда не был щедрым, напротив, славился своей прижимистостью. А еще не знал, что через много лет судьба снова сведет их, и уже Славко спасет князя на охоте, за что снова получит награду, но уже не серебро, а... сто плетей. Правда, Ярослав об этом не узнает.

* * *

Добрались действительно быстро, и село оказалось заметно большим, чем весь за лесом. Избу «купча» Еремеича нашли тоже сразу, она была самой «богатой». И лавки в ней крыты не рядом, а старым сукном, и иконы в красном углу висели, и место нашлось всем. Прежде всего, конечно, князю.

Пока добрались да разобрались, совсем стемнело. От ужина Ярослав отказался, спать тоже не хотелось, но он отправился на отведенное место, чтобы только никого не видеть, ни с кем не разговаривать.

Долго лежал, закинув руки за голову и размышляя над тем, что случилось. Потом вдруг осадил сам себя. Погибшего Блуда не вернешь, знать, судьба такая. О Киеве сейчас и думать нечего. И корить себя или Блуда за ошибки тоже глупо, на это будет еще время. А сейчас надо было думать, как быть дальше.

В Киеве Анна и Предслава. Отбить их у Болеслава он не мог, выкупить тоже, разве что ценой своей собственной жизни. Казна вся осталась под присмотром Анастаса. Помня «заслуги» настоятеля Десятинной перед отцом, Ярослав не сомневался, что Анастас все отдаст Болеславу, только чтобы сохранить свои жизнь и положение. Про казну можно было забыть.

Князь горько усмехнулся: одинокий, нищий, князь без жены и княжества!

Оставалось идти на поклон к Новгороду. Ладно бы самому городу, ему Ярослав готов и в ноги пасть, коли нужно, но там Коснятин, который обязательно упрекнет, что неспособен сам справиться ни с чем. А еще там оставлен править сын Илья, как с ним быть? Преклонить главу под сына? Нелепо, тот совсем еще молод. Встать над Новгородом самому, а куда Илью денешь?

И снова князю нужно было начинать все сначала. В чем он ошибся, что сделал не так? Да и вообще, так ли поступал?

Собирал рать против отца. Но если бы не смерть князя Владимира, вряд ли Ярослав сам пошел бы на Киев. А против дяди Сфенга? По отчине его право брать Киев было, да ведь и племянник не возражал. Только когда Сфенг снова к Сурожскому морю ушел ромеев выручать, Ярослав вдруг понял, что может побороться с дядей за отцово наследство. Поборолся и даже получил, но у Святополка оказался сильный помощник.

Предслава

Сердце у княжны обливалося кровью. Кажется, с тех пор, как умерла мать, все и пошло кувырком. Мачеха ненавидела настолько, что отказала всем, кто сватался, а вернее, постаралась, чтоб княжон не замечали вовсе. Даже сестры, к которым приезжали послы от венгров и чехов, и те остались в старых девах. А уж о самой Предславе и говорить нечего. Она была главным врагом для мачехи, ей вовек мужа не сыскать.

Девушка с содроганием думала о сватовстве Святополкова тестя – польского короля Болеслава. Ни мачехи, ни отца в живых не было, отказал Ярослав. Брат объяснял Предславе, что Болеслав известен своим прелюбодеянием, трех жен в могилу свел, а уж сколько любовниц у него перебивало – не счесть! Лучше вовсе без мужа, чем с этим рыжим распутником!

Конечно, Предславе совсем не хотелось становиться четвертой замученной рыжим распутником, но она злилась и на брата тоже, тот не мог понять, что оставаться старой девой и вовсе тошно. Мог бы раньше озаботиться замужеством сестры. Честно говоря, он заботился, договорился с боярином Остромиром, чтоб тот взял за себя сестру, но мачеха перехитрила, выдала за новгородца свою дочь Феофано.

Так что ж, в Новгороде, кроме вдового боярина, никого больше нет? Видно, плохо старался брат, если до таких лет сестра, которую все звали красавицей и умницей, в девках засиделась.

Но страдала Предслава не из-за своего затянувшегося девичества, а оттого, что вести принесли хуже некуда. Ярослав со своей дружиной сначала долго стоял на берегу Буга у Берестья, а потом вдруг был начисто разбит Болеславом. Примчавшийся в Киев гонец рассказывал, что бестолково начал задираться Блуд, польский король обиделся и первым ввязался в драку. Не ожидавшие этого русские оказались не готовы и были побиты!

И это бы не так страшно, но князь не отступил в Киев, а с остатками бежал куда-то, бросив всех в стольном граде на произвол судьбы.

В Киеве начался разлад. Одни требовали обороняться из последних сил, другие наоборот – встретить Святополка как законного князя. Верно, все же Святополк старший из братьев, ему должен достаться Киев. Можно было встречать его, но все взял в свои руки Болеслав.

Вот его больше всего и боялась Предслава. Княжна понимала, что ничего хорошего ей ждать от человека, которому отказано в ее руке, не стоит. Она словно предчувствовала беду.

Киев решил не обороняться и принять Святополка как князя по дедине и отчине. Что бежал из Киева после смерти отца, так то понятно. А про Ярослава решили так: если бы чувствовал за собой правду, то бился бы за город. Но он бежал, значит, признает правоту Святополкову. И что князь пришел вместе с тестем, тоже никого не беспокоило, кого же как не его о помощи просить? Вон Ярослав – тот вовсе варягов из-за моря, как его отец, приводит. Только не осилила его варяжская дружина Болеславову.

* * *

С утра разнеслось, что поляки уж близко. Киев гудел, как встревоженный улей. К Предславе примчалась Анна:

– Что делать?!

Им и впрямь хуже остальных. Одна жена бежавшего князя, вторая – несостоявшаяся его невеста. Княжна долго не раздумывала:

– Сейчас на дальний двор, там есть где спрятаться. А ночь наступит, бог даст, убежим!

Они и вещи собирать не стали, не до того, только иконку, что от матери осталась, и взяла с собой Предслава. А Анна и того меньше, вовсе без ничего.

Но стоило выйти из горницы, как навстречу попала маленькая Добронега. Глаза широко распахнуты от ужаса, вся трясется, в подол Предславы вцепилась:

– Я боюсь!

Та чуть поморщилась:

– А этих-то куда?

Оставались мачеха и еще семь сестер по отцу. Конечно, Предславе вовсе не хотелось вваливать на себя еще и такую обузу, но не бросишь же перепуганную девчонку! А если взять одну, то как другие?

Анна воспротивилась:

– С ними не сбежишь, все в полон попадем!

И все же Предслава не смогла отцепить от подола пальчики сестренки, не хватило духа, напротив, распорядилась:

– Беги к матери, скажи, чтоб быстрее шли в Десятинную!

Девочка не отпускала Предславу:

– Я боюсь!

Пришлось идти самой и кричать на нерасторопную молодую мачеху, чтоб не тряслась, а лучше помогла быстро собрать девочек. Надежда тайком бежать таяла с каждым мгновением.

– Анна, ты беги, сумеешь еще! Слышишь? Помнишь, я тебе показывала спуск к воде, мы однажды пробирались через дальний ход в стене? Беги туда и сиди в кустах дотемна, а потом в Предславино, там Моисей Угрин, он поможет найти князя! Иди!

– Я без тебя не пойду!

– Анна, беги, пропадем все вместе!

– Нет!

Последняя жена князя Владимира никогда не была очень расторопной, пока собрали всех девочек и выскочили на двор, бежать было попросту некуда, поляки уже входили в город. Предслава вдруг распорядилась:

– В Десятинную! Небось не посмеют в храме ничего недоброго сделать?

Двери храма не были закрыты, мало того, оказалось, что Анастас приготовил Святополку и Болеславу хорошую встречу. Он был наряжен в парадные одежды, весь сверкал золотом и камнями, на столе в сторонке стояли хлеб и соль на большом блюде.

Увидев княгинь и княжон, священник даже смутился:

– Пошто вы, дочери мои, в терему не сидите? Негоже в такое время по улицам ходить.

– Мы здесь пока побудем.

– Чего опасаться? Сестрин муж все же пришел.

Предслава была непреклонна:

– Мы побудем в Десятинной. Если все успокоится, тогда и к себе вернемся.

Вот кого меньше всего хотелось видеть в ту минуту в храме Анастасу, так это именно Предславу. Он хорошо понимал, что ни Болеславу не понравится присутствие в Десятинной Предславы и Анны, ни князю Ярославу, случись отбить Киев обратно, не понравится то, что он собирался сделать. И лишние глаза и уши Анастасу были совсем ни к чему.

Но спорить оказалось уже некогда, женщины и девочки остались.

Высланный на погляд служка вернулся с известием, что польский король уже в Киеве и едет к Десятинной.

Анастас выпрямился, как-то весь подобрался, хотя был уже немолод, кивнул женщинам:

– Встаньте позади, нечего вперед лезть!

Предслава не сдержалась:

– Да кто лезет-то?! Это ты готов бородой перед ним улицу мести!

Она еще многое могла бы сказать, давно не любила Анастаса, но за распахнутой дверью послышался шум, Анастас подхватил большущий крест, служка следом блюдо с хлебом-солью, а певчие затянули что-то восхваляющее...

В храм вошли несколько мужчин, остальные замерли у входа, видно, охраняя своего короля. Глаза Предславы и родственниц впились в того, что впереди, но княжна быстро опомнилась и глаза опустила. Ее примеру последовали девочки, негоже разглядывать мужчину, да еще и чужого! Но княжна успела заметить рыжие, как у таракана, усы, торчавшие в разные стороны, и действительно большой живот. Почему-то подумалось: как ему не мешает взбираться на коня?

* * *

Болеслав вполне мог праздновать победу. Князь Ярослав не просто проиграл так неожиданно начавшееся сражение, он едва унес ноги. А известный своей хитростью его кормилец Блуд, который оскорблял польского короля, в схватке погиб.

Поражение Ярослава отвернуло от него всех русских. Болеслав поражался, как легко они переходят от ненависти к любви и обратно. Сегодня князь для них лучший, а завтра, проиграв, становится изгоем. Но размышлять над странностями тутошних нравов не хотелось, да и было ни к чему. Путь на Киев оказался не просто открыт, а еще и устлан цветами. Болеслава со Святополком везде встречали с низким поклоном.

Киев тоже сопротивляться не стал, открыл ворота. Сначала король даже заподозрил подвох, но, услышав, как приветствуют Святополка, а заодно и его самого, поверил в счастливую звезду. А уж когда к ним подскочил присланный из Десятинной служка с сообщением, что там ждут...

Болеслав вошел в Десятинную впереди Святополка, тот вообще вел себя тихо и смирно, помня свое положение, вперед не лез и старшим себя не мыслил.

Им навстречу вышел шуплый, но разодетый, как на большой праздник, священник, осеняя массивным крестом. Следом служка преподнес на вытянутых руках большое блюдо с хлебом и солью. Король уже знал, что так привечают особо дорогих гостей, а потому благосклонно надломил кусочек и сунул в рот.

Тут его внимание привлекли женщины и девочки, одетые довольно дорого, с напряженным вниманием вглядывавшиеся в него из угла храма.

– Кто это?

Анастас слегка замялся:

– Да... это... княгини и княжны Ярославовы...

Чего скрывать, все равно вон Святополк всех узнал!

Болеслав обернулся к зятю, тот кивнул:

– Они.

– И Предслава?

Снова кивок.

Болеслав шагнул ближе, вся благодать мигом слетела, даже усы, кажется, стали топорщиться сильнее.

Анна и Адиль стояли совершенно безучастно, а княжны живо спрятались за спину старшей сестры. Казалось, шаги польского короля по каменному полу Десятинной слышны на весь Киев! И шел он медленно-медленно. Гулкие удары... Или это стучит ее собственное сердце? Предслава медленно подняла глаза на короля...

Болеслав никогда не видел княжны, но даже если бы ему не сказали, что это Предслава, все равно понял. Стоявшая впереди красивая девушка вскинула на него большущие глаза. Это была ОНА! Король утонул в этих очах, хотя те не были ни синими, ни черными. В серо-

зеленых, оказывается, тоже можно утонуть даже такому, познавшему множество женщин, как Болеслав.

Сердце билось толчками, в ушах гудело. Сбоку что-то пытался втолковать священник, встретивший его у входа, но Болеслав молча смотрел и смотрел. Смотрела и княжна.

Сколько они простояли вот так, уставившись глаза в глаза, – неизвестно. Замерли и остальные, казалось, что от этого поединка взглядов зависит судьба всего Киева. Наконец Болеслав очнулся, чуть фыркнул в усы:

– Это хорошо, что женщины тоже встречаются меня... нас, – быстро поправился он, – в главном храме Киева. Только таким красавицам лучше быть в тереме. Мои люди проводят вас. – Он обернулся к Святополку, что-то тихо сказал, и в Десятинную тут же вошли несколько воинов. Не понять, то ли чтобы показать уважение, то ли чтобы не сбежали.

Предслава решила – второе. Но в карих глазах польского короля она увидела что-то такое, что не позволило бы ей бежать, даже будь путь свободен.

Как возвращалась обратно в свою светелку, что спрашивали и что говорили Анна и остальные, Предслава не помнила. Перед ней все еще стояли глаза ее несостоявшегося жениха – польского короля Болеслава.

А король тоже все оставшееся время был сам не свой.

Там же, в Десятинной, едва проводив взглядом выходявших княгинь и княжон, обернулся к Святополку:

– Предславу возму сегодня же...

Позади ахнул Анастас:

– Грех то, князь!

– ...в жены! – с нажимом закончил Болеслав. – Я сватал, князь Ярослав отказал, ныне моя власть, возму без согласия. Да и ты можешь за него, ты тоже брат. Отдашь сестру за меня?

Святополк ужаснулся: совсем недавно ради союза с германским королем Генрихом Болеслав женился на молоденькой Одде.

– Как можно, у тебя жена есть...

– Молчи! – Усы Болеслава вздернулись вверх, так бывало, когда он злился. – О том молчи!

* * *

Анастас заметил, как смотрел на княжну польский король, не мог не заметить. И то, что она тоже таранилась, видел. И решил этим воспользоваться.

Ужом скользнул в покои княжны, да никто и не останавливал, во-первых, некому, а во-вторых, уже знали, что это доверенный нового правителя. В горнице Анастас невольно отметил чистоту, старательно укрытые вышитыми (небось, своей рукой?) полавочниками сиденья, такие же чистые половики на полу, точно по ним не ступала ничья нога. В этом вся Предслава – все у нее в порядке, в чистоте, что душа, что тело... Только вот судьба не в порядке. Странная судьба досталась княжне, похожая на материнскую.

Предслава встретила неласково, хотя была рассеянной и непривычно тихой.

– Предатель! Или думаешь, я не знаю, что ты уже казну Болеславу отдал?! Ты ее собирал, пополнял? Тебе князем хранить ценности доверено, а ты их раздаешь!

– Я не раздаю, а князю законному отдал – Святополку. А уж кому он – то не моя печаль.

Предслава даже отвернулась от настоятеля, настолько ей было противно видеть человека, ужом ползавшего у ног сильных. Верно Ярослав его всегда не любил, предатель и есть предатель.

– Что лицо воротишь-то? Я пришел к тебе с помощью. Болеслав возьмет тебя себе на ложе как рабыню, а я настою, чтоб повенчал. Позора избежишь и королевой станешь, как дочери князя Владимира должно, коли меня слушаешь.

Предслава вскинула на него огромные, потемневшие от гнева глаза:

– А о том, что у Болеслава дома жена есть, тебе неведомо? Как же венчать нас собираешься?!

Уж лучше бы просто взялся уговаривать, чтоб покорилась судьбе! Она и сама была готова стать рабыней, а напоминание о женитьбе добавило горечи.

В тот день Предслава долго стояла на коленях перед образами. Но шептала не молитвы, а что-то другое, и не понять что. Ее никто не учил этим словам, они сами рождались в сердце, связывались меж собой, переплетались, свивались в длинный узор. О чем шептала и думала княжна? Она и сама бы не смогла объяснить. Молила ли о прощении, каялась ли в грехе, обещала что-то?.. Тоска, заполонившая сердце, постепенно поглотила все ее существо.

* * *

Анастасу одним грехом больше, одним меньше, уже не спастись, все одно грешен донельзя! Согласился венчать Болеслава с Предславой, хотя знал, что у того в Гнезно жена есть. Обряд провел быстро и тихо, чтоб внимания киевлян особо не привлекать. Предславе было уже все равно, хоть венчанная, хоть невенчанная, все одно незаконная жена. Наложница!

Весь день с той минуты, когда король вошел в Десятинную, она провела в каком-то тумане, опомнилась только тогда, когда остались в ложнице наедине. О таком ли она мечтала?! Мелькнула мысль, что лучше бы принять постриг в обители, как хотела еще недавно. Мысли были тоскливые и равнодушные.

Но только до тех пор, пока Болеслав не взял ее за подбородок и не поднял голову, чтоб посмотреть в глаза. А потом... Она вспоминала это потом с ужасом и сладостным восхищением. Все же не зря у польского короля перебивало столько любовниц, с женщинами обращаться он умел. Познал многих, но ни с одной не был столь бережен и нежен! А ведь страстно желал взять силой, надругаться, чтоб пожалела, что не пошла за него, когда сватал, хотя хорошо понимал, что не княжна это решала...

Но стоило ему снова утонуть в ее глазах, как она утонула в его нежности. Горло перехватывало от страсти и желания, и уже она не замечала, что он немолод и совсем некрасив, а он забыл о своей злости на весь род Владимира.

Опомнившись, Предслава обнаружила себя голышом лежащей в объятьях нагого мужчины! Этот мужчина отныне был ее повелителем не только потому, что их вчера венчал лживый Анастас, но и потому, что он подчинил ее женскую сущность своей мужской воле. Но подчинил не грубой силой, а нежностью и лаской. И она с восторгом сдалась!

Почувствовав ее движение, Болеслав тоже проснулся. Внимательно пригляделся в темноте к женщине в своих объятьях, улыбнулся, заметив, что она смущается. Король познал очень многих женщин, с кем-то был подольше, с кем-то всего лишь ночь, но ни с одной не был столь бережен, ни одна не смущалась вот так и не пыталась скрыться под одеялом, ни одну не хотелось оберегать. Он всегда подчинял женщин, а теперь желал подчиняться сам!

И это было настолько ново и приятно, что Болеслав даже тихонько засмеялся. Предслава вздрогнула – чего это он? Но в короле снова проснулось желание. Чтобы разбудить его и в княжне, Болеслав откинул одеяло и осторожно коснулся груди молодой женщины. Предслава почувствовала, что внутри становится горячо.

В ложнице было темно, только в углу горел огонек лампадки, но это позволяло Болеславу разглядеть восхитительное тело. Стараясь сдерживаться, он наклонился над своей не то женой, не то наложницей, провел кончиками пальцев по ее животу, потом по бедрам... Пред-

слава попыталась натянуть одеяло обратно, но Болеслав не позволил. Теперь он обладал этим роскошным телом, и если днем ее глаза могли делать с ним все, что только захотели бы, то по ночам он будет хозяином! Он станет владеть этой восхитительной грудью, этими бедрами, этими ногами...

Размышляя так, Болеслав проводил рукой по телу женщины. Не в силах противиться его ласкам, Предслава выгнулась дугой, она чувствовала, что теряет всякую способность к сопротивлению. Напротив, хотелось, чтобы эти ласки продолжались!

* * *

Утром она не могла смотреть в глаза Анне и княгине Адиль. Казалось, что те не просто догадывались, что творилось на ложе ночью, но и слышали ее вскрики. Но женщинам было не до Предславы, те заботились о себе. Вернее, Анна словно впала в спячку, ей было все равно.

Занятая своими переживаниями, Предслава не сразу заметила ненормальное состояние княгини, а когда поняла, то испугалась. Но разговорить жену брата не удавалось, та замкнулась в себе. На все вопросы отвечала односложно: да, нет, не хочу. Анна не хотела ничего, ни есть, ни пить, ни даже спать, она часами молча сидела, уставившись в небольшое окно горницы, занятая своими думами.

Вообще-то Предслава ее понимала, о муже ничего не слышно, где он, что с ним? Старший сын уже взрослый, Агата живет далеко от матери... Никому Анна не нужна. Но и Предславе было немного не до родственницы, ту закружила собственная жизнь, да такая, что не сразу и опомнилась!

А когда опомнилась, оказалось поздно.

* * *

В Киеве творилось невообразимое, Анастас отдал Болеславу всю княжескую казну, которую должен был охранять, а тот щедрой рукой раздавал ее своим наемникам! То, что многие годы копили киевские князья, уплывало сквозь пальцы угров, печенегов, поляков... Святополк молча терпел, хотя тесть раздавал его казну!

Прошло совсем немного времени, и Болеслав стал замечать неладное – пропадали его люди! Ладно бы отряды, которые уходили по округе, тех, понятно, били местные в лесах. Но исчезали и дружинники польского короля в самом Киеве! Все меньше становилось желающих выходить из города, но и тем, кто был внутри, грозило что-то непонятное. Киевлянки хороши, они умели принарядиться и бойко стреляли глазками, привлекая мужчин. Когда этакая красотуля в красных сапожках на ловких ножках, толстой с руку косой и приятными выпуклостями груди поворачивала лебединую шейку, поводила полным покатым плечиком и косила синим взглядом с лукавой усмешкой алых губ, дружинник терял способность сопротивляться и готов был идти за этими ножками куда угодно, покрывать эту шейку и губы поцелуями и тискать упругую грудь с вечера до самого рассвета, не говоря уже об остальном.

Шли, а уж целовали и тискали – неизвестно, потому как обратно не возвращались. Когда исчезли один-два, никто не обратил внимания, думали, что слишком загулял человек, не в состоянии уйти от красавицы, но потом стали пропадать по два-три охотника до женских прелестей в день. Но и тех, кто не страдал особой тягой к женским прелестям, тоже могла поджидать смерть на улицах города. То одного, то другого находили попросту прирезанным, как кабанчика к Рождеству! Вот тогда забеспокоился и король. Так можно оставить заметную часть войска не в бою, а по одному из-за хитрых киевлян. А остатки добьют на обратном пути, и получится, что он пришел в Киев, чтобы погубить свое войско? Для чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.